

ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ И ЕГО ПЕРВЫЕ СЛУШАТЕЛИ.— ПЕРВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СПИСКОВ ПИСЬМА В 1848—1849 гг.— ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПИСКА ПИСЬМА ИЗ БУМАГ Н. Ф. ПАВЛОВА (1853 г.). — ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» 1855 г.— ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЬМА.— ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПРОВЕРЕННОГО ТЕКСТА ПИСЬМА

Статья и публикация К. Богаевской

Введение

Знаменитое письмо Белинского к Гоголю принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников русской революционно-демократической мысли. С предельной четкостью и остротой Белинский выразил в нем основное требование освободительного движения эпохи — уничтожение крепостного права.

Белинский страстно ненавидел социальный и политический гнет, царивший в николаевской России. Порабощение народа вызывало глубочайшее негодование революционного демократа. Россия, писал Белинский в письме к Гоголю, «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками...» В борьбе за освобождение народа Белинский видел смысл своей жизни. Отрицая социальное рабство, великий критик утверждал идеи крестьянской революции. Он ясно сознавал, что в народе зреет и ширится протест против крепостнического угнетения. «Это чувствует, — указывал Белинский, — даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостой плетью». О том же писал Белинский П. В. Анненкову в декабре 1847 г.: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение» («Письма», III, 316—317).

Беспощадная критика существовавшего строя, которой насыщено письмо Белинского к Гоголю, была критикой революционного демократа, боровшегося против устоев феодально-крепостнического общества. Именно поэтому с такой непримиримостью Белинский бичевал в письме религию как опору самодержавия и крепостничества, именно поэтому он подверг сокрушительному разгрому религиозно-мистические идеи Гоголя.

«Вы не заметили, — писал ему Белинский, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков

потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение».

Письмо Белинского к Гоголю проникнуто глубокой любовью к родине и русскому народу, задыхающемуся под двойным гнетом крепостного права и самодержавия, полно веры в народ, которую великий критик постоянно выражал в своих статьях и письмах.

«Я люблю русского человека и верю великой будущности России», — заявлял Белинский в письме к К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 г. («Письма», III, 299). «Русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире <...> Трудно было ему сдвинуться с своей стоячести в первый раз, но, сдвинувшись, он уже не может не идти», — писал критик в статье 1848 г. (XI, 164). С огромной силой эти идеи Белинского утверждаются в письме к Гоголю: «Приглядитесь пристальнее и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ <...> мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то может быть и заключается огромность исторических судеб его в будущем». «...И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадитесь вместе со мною падению вашей книги!..»

Как ни к кому из его современников, подходят к Белинскому стихи Некрасова:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.¹

Этой «печалью» за русский народ и «гневом» против его поработителей и продиктовано письмо Белинского к Гоголю, явившееся, по известному определению Ленина, «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»²

Имя Белинского тотчас же после его смерти стало опасным и запретным в царской России. Но тем более мощным было влияние его идей, достигших своего полного развития в зальцбруннском письме. Через несколько месяцев после смерти великого демократа письмо его начало распространяться в списках по рукам сначала в десятках, а потом и в сотнях экземпляров.

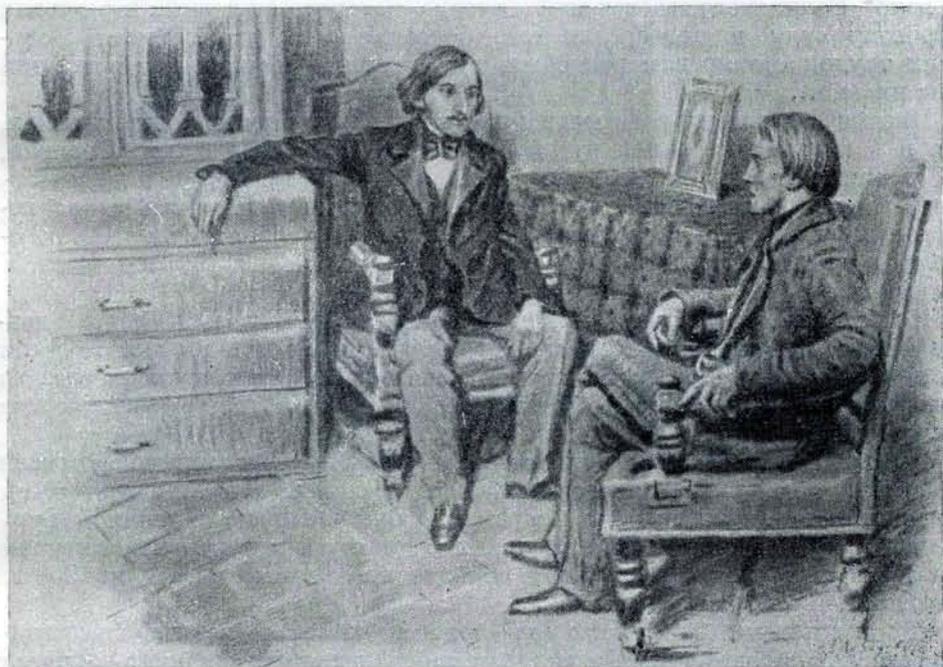
Огромную роль письмо Белинского сыграло в кружке Петрашевского, объединившем молодые силы революционно-освободительного движения сороковых годов, «Петрашевцы, — писал Герцен, — были нашими меньшими братьями, как декабристы — старшими»³. Несмотря на то, что кружок петрашевцев был очень скоро разгромлен николаевскими жандармами, он немало сделал для того, чтобы письмо Белинского получило широкую известность. В конце 1840-х и в первой половине 1850-х годов письмо Белинского, распространявшееся нелегально, получило громадную популярность в передовых слоях русского общества.

«Нет ни одного учителя гимназии, ни одного уездного учителя <...>, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю, и под их руководством воспитываются новые поколения», — констатировал с огорчением представитель и идеолог славянофильства, И. С. Аксаков, во время своего путешествия по России в 1856 г.⁴

«Самая революционная натура николаевского времени — Белинский», — с гордостью заявлял представитель лагеря революционных демократов — Герцен⁵.

Летом 1854 г. в Нижнем-Новгороде юный Добролюбов читал письмо Белинского к Гоголю (вместе со своим другом, семинаристом Ф. А. Васильковым). Он вспоминает об этом в дневнике 1857 г.: «Читали мы с ним <Васильковым> письмо Белинского и много говорили на эту тему...»⁶

Выдающуюся роль Белинского не только в своем развитии, но и в развитии лучших людей поколения шестидесятников, отметил Добролюбов, приветствуя первое издание сочинений Белинского, в статье 1859 г.:

БЕЛИНСКИЙ И ГОГОЛЬ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г.
Собрание художника, Пенза

«До сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан непосредственно или посредственно Белинскому... [В литературных кружках всех оттенков едва ли найдется пять-шесть грязных и пошлых личностей, которые осмелятся без уважения произнести его имя]. Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку, и, конечно, это лучшие люди России»⁷.

По поводу разбора Белинским «Выбранных мест из переписки с друзьями» Добролюбов писал, имея, конечно, в виду и письмо к Гоголю: «Критика Белинского не трогала гоголевских теорий, пока он являлся пред нею просто как художник; она ополчилась на него тогда, когда он провозгласил себя правоучителем и вышел к публике не с живым рассказом, а с книжицею назидательных советов»⁸.

Чернышевский не оставил высказываний, непосредственно относящихся к письму Белинского к Гоголю, но он первый высоко поднял знамя Белинского в своих «Очерках русской литературы гоголевского периода» (1856 г.).

«„Современник“ первый заговорил о Белинском после долгого молчания. Идеи гениального критика и самое имя его были всегда святы для нас, и мы считаем себя счастливыми, когда можем говорить о нем», — заявлял Добролюбов от имени всей редакции «Современника», следовательно, и от имени Чернышевского, в той же статье о Белинском 1859 г.⁹

Сотрудник «Современника», публицист Антонович, впоследствии, в 1909 г., выступивший против «Вех» в защиту идей Белинского и Добролюбова¹⁰, вспоминал в 1898 г. о чтении письма Белинского в его юности в начале 1850-х годов: «...По переселении в Петербург, в духовную академию, нам по секрету указали на зальпбруннское письмо Белинского к Гоголю, как на самую сильную улику, как на страшное „слово и дело“ Белинского, за имя и чтение которого виновных предавали строгому суду и подвергали еще более строгим наказаниям. Больших трудов стоило нам раздобыть это страшное и многообещающее для нас письмо...»¹¹

Письмо Белинского распространялось не только в рукописных списках, но и в изданиях вольной русской печати («Полярная звезда» Герцена, 1855, кн. I; отд. изд. письма Драгомановым в Женеве 1880 г. и др.). Царские власти до последних дней своего существования боролись с распространением письма Белинского. Тома сочинений критика с письмом к Гоголю и книги с цитатами из него запрещались даже в 1914 г. (см. гл. V нашей статьи).

Но несмотря на меры, принимаемые полицией и цензурой, письмо Белинского проникало в массы и делало свое дело. В дни столетия со дня смерти великого демократа в Пензенской области записан рассказ очевидца о распространении письма Белинского и интересе к нему среди солдат царской армии¹².

Выдающееся значение Белинского в развитии революционной мысли в России подчеркивал в своих статьях Плеханов. В статье 1897 г. он противопоставил либеральной характеристике Белинского, данной Тургеневым,¹³ свое понимание: «Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли»¹⁴. А в 1908 г. заявил:

«До сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“»¹⁵. Развивая вслед за Чернышевским и Добролюбовым тезис о Белинском, как выдающемся революционном мыслителе, Плеханов вместе с тем допустил, как известно, ряд существенных ошибок в своих оценках великого критика, восходящих к его общим философским и политическим ошибкам.

Самую глубокую, самую верную, исчерпывающую характеристику Белинского дал В. И. Ленин. В Белинском Ленин видел великого представителя революционно-демократической мысли, одного из предшественников русской социал-демократии.

Выдвигая в статье «Что делать?» положение о том, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», Ленин писал: «А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»¹⁶ В статье 1912 г. «Еще один поход на демократию» Ленин с чувством глубокого удовлетворения отмечал, как осуществились в дни первой русской революции мечты Некрасова:

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

НА
1855

ТРЕТЬЕ ОБЗРЕНИЕ ОСВОБОЖДАЮЩЕЙСЯ РУСИ.

ИЗДАНИЕ

ИСКАПТЕРОВЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

“... и дракуютъ ружья...”

А. ПУШКИНЪ.

ЛОДОНЪ

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
82 ЛЕДЪ СТРЕЕТЪ, ВЪКОНЦАХЪ МЪИКЕ.

1855

ПЕРВАЯ КНИЖКА «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1855 Г.

Здесь было впервые напечатано письмо Белинского к Гоголю по тексту, сообщенному А. И. Герцену в 1851 г. А. А. Чумиковым
Титульный лист сборника и первая и последняя страницы письма

крой того, что въ ней есть, а то что въ ней есть, глубоко во-
мудило и ослепило мою душу.

Благодаря и даже полнуре волю моему чувству, письмо это
сверло бы прорвало въ историю страны. И никогда не
думать писать въ знакъ об этомъ предмете, хотя и мучительно
желалъ этого, и хоти вы всё въ каждомъ почтено дали право
писать къ вамъ безъ церемоній, публично въ виду одну правду.

Живя въ Россіи я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошние
“Шпешивны” расчитываютъ чужа письма не изъ одного
личнаго уваженія, но и по долгу службы, ради доносовъ.
Найбольшимъ дѣломъ назидательнаго характера протрала меня
за границу. Неожиданное получене вашего письма мало мнѣ
возможности высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ
противъ васъ по поводу вашей книги. И не умѣю говорить
въ подлинну, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть
вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждаюсь въ моихъ
объ васъ заключеніяхъ. Я первый поражаюсь этому; но не
расхожусь въ томъ, что сказать вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о
моей или вашей личности, но о предметѣ, который гордо
выше не только мнѣ, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ
истинѣ, о русскои обществѣ, о Россіи.— И вотъ мое послѣднее
заключительное слово: если вы ищете несчастія съ сердцемъ
смирненія отреченія отъ вашихъ вѣстилю великихъ пророковъ,
деви, то теперь вамъ должно съ всерошнымъ свиреніемъ
отречься отъ послѣдней вашей книги, и такъи гнуть съ крѣ-
дью въ себя вступать новыми твореніями, который болъ напо-
мили ваши пренія.

Заборскъ, 15 Іюня 1847 года.

II.

ОТВѢТЪ ВЪ БЕЛИНСКАГО

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсер-
женнаго человѣка: этогъ эпитетъ слышится слабъ и вѣжствъ
для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтение
вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это величье,
дѣйствительно не совсѣмъ истиннымъ отзывамъ, о прочтеніяхъ
вашего таланта. Итъ, тутъ была причина болѣе важная.
Особливое чувство самолюбія еще можно перенести, и у
меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы
все дѣло заключалось въ немъ; но велики перенести осор-
бленнаго чувства истинна, человеческого достоинства; велики
молчать, когда погъ покровяютъ религіи и защитную кату
пронювѣютъ докъ и безирравствительность, какъ истину и до-
бродѣтели.

Ахъ, и любить васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ,
кровно связанный съ своею страной, можетъ любиться наемку,
честь, славу, одного изъ великихъ пождетъ се на пути ознанія,
развитія, прогресса. И въ вѣдѣи основательную причину
хотъ на минуту выдти изъ сповняаго состоянія духа, поте-
ривши право на такую любовь.— Говорю это не потому, чтобы
и считалъ любовь своимъ наградою велиаго таланта, а потому,
что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество
лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не выдѣли самого большаго
числа, и которые въ своею очередь тоже никогда не выдѣли
каждъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго поштія о
той же истинѣ, которая необходима вамъ книга во всѣхъ
благороднѣмъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дѣлой радости.

«Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

...Придет ли времячко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера,
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Желанное для одного из старых русских демократов „времячко“ пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси, — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...»¹⁷

Испуг либеральной буржуазии при этих успехах продвижения «демократической книжки» в массы Ленин охарактеризовал так: «...Какое „беспокойство!“ — воскликнула мящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот „народ“, несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю»¹⁸.

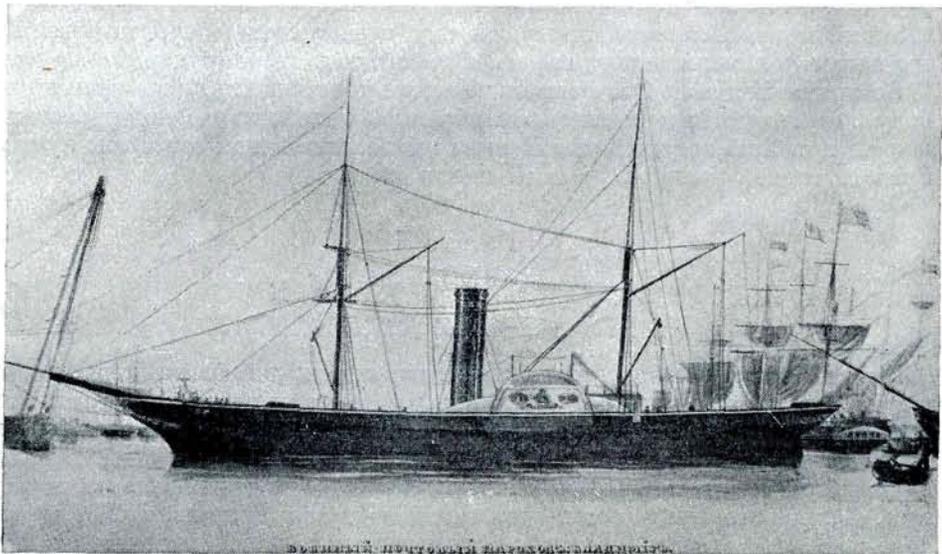
Весной 1909 г. представители контрреволюционной буржуазии, кадетские литераторы — Бердяев, Булгаков, Струве и другие — выпустили сборник «Вехи», на страницах которого начали открытую и ожесточенную борьбу с русской революционно-демократической мыслью. «Вехи» своими мистическими и индивидуалистическими настроениями перекликались с «Перепиской» Гоголя. С особенной яростью веховцы набросились на Белинского как на одного из крупнейших зачинателей революционно-демократического движения в России, человека, страстно боровшегося с реакцией в самых различных ее проявлениях. Ленин (в том же 1909 г.) исчерпывающе и точно охарактеризовал идейно-политические позиции веховцев как «крупнейшие вехи на пути полного разрыва русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»¹⁹.

«Вехи» поставили своей первоочередной задачей борьбу с Белинским как с автором письма к Гоголю и духовным «отцом русской интеллигенции»²⁰: С. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» квалифицировал письмо Белинского к Гоголю как образец «интеллигентского непонимания» высших моральных проблем, как «классическое выражение интеллигентского настроения»²¹. М. Гершензон характеризовал традиции Белинского в истории русской публицистики как «сплошной кошмар»²². Итоги этой кампании против Белинского подвел П. Струве в программной статье «Интеллигенция и революция», в которой роль великого демократа в истории русской общественной мысли свел лишь к «истолкованию Пушкина и его национального значения»²³.

Политический смысл дискуссии о Белинском был освещен В. И. Лениным в первых же откликах его на реакционную проповедь «Вех» — в публичной лекции, прочитанной им 13/26 ноября 1909 г. в Париже — «Идеология контрреволюционного либерализма (успех „Вех“ и его общественное значение)». Весь «второй раздел» лекции Ленина, озаглавленный «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“», судя по дошедшей до нас программе, был посвящен исторической части концепции Струве, Булгакова и Гершензона²⁴. Текст этой лекции не сохранился, но бесспорно, что к нему должна быть очень близка статья Ленина «О „Вехах“», помещенная в «Новом дне» 13 декабря 1909 г.

В этой статье Ленин раскрыл свои формулировки, определяющие его понимание политической роли Белинского, и характеризовал его как одного из «предшественников русской социал-демократии», обнажив политическую подоплеку всех попыток дискредитации автора письма к Гоголю и ревизии его наследства. Выписывая из статей Булгакова и Гершензона слова о письме Белинского к Гоголю как о «пламенном и классическом выражении интеллигентского настроения», а о его традициях — как о «сплошном кошмаре», Ленин иронически резюмировал:

«Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. История протеста и борьбы

ПАРОХОД «ВЛАДИМИР», НА КОТОРОМ В МАЕ 1847 г. БЕЛИНСКИЙ, НАПРАВЛЯЯСЯ ЗА ГРАНИЦУ, СОВЕРШИЛ ПЕРЕЕЗД ИЗ КРОНШТАДТА В ШТЕТТИН

Акварель А. Арефьева, 1846 г.

«Сегодня в 4 часа пополудни отправляюсь в Кронштадт, там пересаживаюсь на большой пароход — и в путь» . . . «Пароход „Владимир“ внутри убран великолепно, но удобства никакого и теснота страшная» (из писем Белинского к Д. П. Иванову и к жене от 5 мая и 5 июня — 24 мая 1847 г.)

Военно-морской музей, Ленинград

самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»²⁵.

Актуальность и острота письма Белинского в условиях политической борьбы 1909—1912 гг. может быть подтверждена не только идеологической позицией контрреволюционных «Вех». Огромную взрывчатую силу его антимонархических и антиклерикальных лозунгов, не утративших своей значимости в обстановке кануна империалистической войны, и имел в виду Ленин, напоминая в 1914 г. русскому пролетариату об исторической роли Белинского: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших

произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»²⁶.

Идеи Белинского продолжают жить и оказывать свое огромное влияние и в наше время. Наследие Белинского представляет для нас то боевое оружие, которое служит делу строительства нового коммунистического общества.

В докладе «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» 1946 г. товарищ Жданов ярко охарактеризовал действительное, актуальное значение для нашей литературы и искусства тех идей и принципов, которые утверждал Белинский. Товарищ Жданов подчеркивал боевую непримиримость великого критика, его горячую ненависть к реакции. «Вспомните знаменитое „Письмо к Гоголю“ Белинского,— говорил товарищ Жданов,— в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя»²⁷.

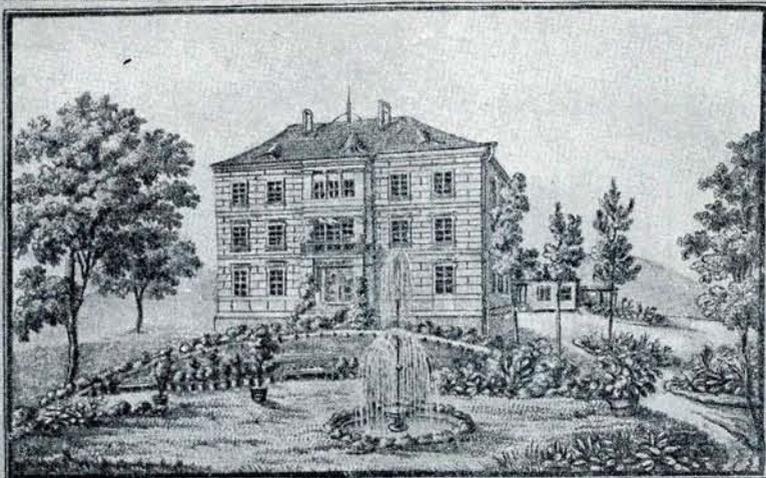
Во время Великой Отечественной войны товарищ Сталин в речи по поводу 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции назвал имя Белинского после Ленина и Плеханова, как одного из лучших представителей великой русской нации²⁸.

Глава I

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ И ЕГО ПЕРВЫЕ СЛУШАТЕЛИ

Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшая в свет в самый канун 1847 г.²⁹, лишила Белинского душевного покоя. В его письмах этого времени к друзьям постоянно встречаются крайне резкие выражения гнева по адресу Гоголя, выступившего в своей печально знаменитой книге защитником крепостничества и николаевской монархии. «Ты решительно не понял этой книги, — писал Белинский 28 февраля 1847 г. В. П. Боткину, — если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь совсем не К. С. Аксаков. Это — Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал бога, а при смерти надул сатану» («Письма», III, 185). В рецензии-ответе на «Выбранные места...» Белинский, стесненный жестокой цензурой, не мог высказать свое мнение полным голосом³⁰. «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству <...> Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего, он и цензора, вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной пометка слова — важное дело», — жаловался Белинский в том же письме к Боткину («Письма», III, 185). Великий критик был принужден в своей рецензии идти путем подчеркивания цитатами наиболее вопиющих мест из книги Гоголя (его поучения, как следует обращаться с крестьянами, рассуждения о вреде грамотности, о религии, отречение от своих прежних произведений и др.). Кончает рецензию Белинский следующими словами: «Что касается до нас, мы вывели из этой книги такое следствие, что горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу <...> Приходили нам в голову и другие выводы из книги „Выбранных мест из переписки с друзьями“; но... статья наша и так вышла чересчур длинна» (X, 455).

Эти «другие выводы» Белинский полностью выразил позднее в своем знаменитом письме к Гоголю.

Der Brunnentuf zu Zaltbrunn.

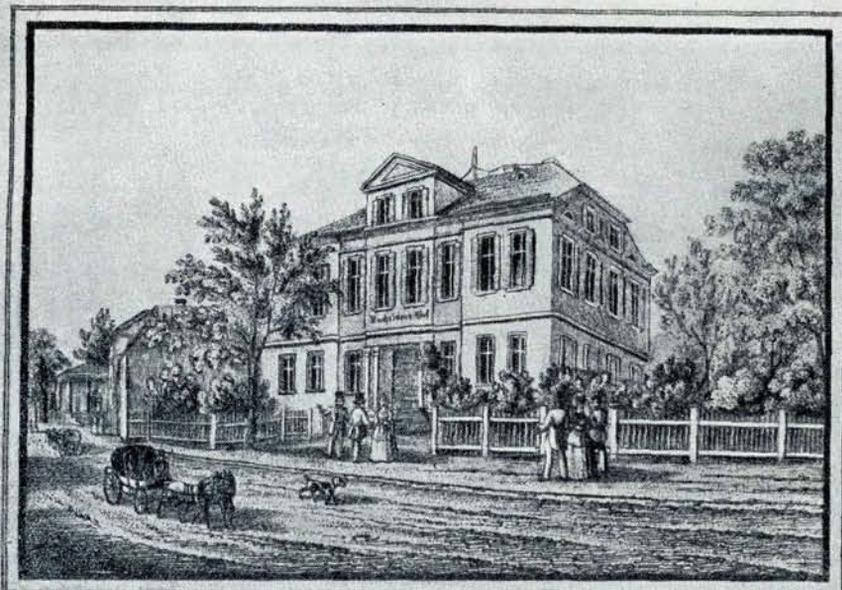
7 июля
25 июня

Самое мое, шло мое, до моего
 сестры моему. Да не умею описать моему, и не
 знаю и не ожидаю от, и потому, что она моя
 неволею переживает моему. А так, что переживает
 пережить и владеть, что не дано, что не
 можно и пережить, и пережить — пережить.
 А так пережить не о чем пережить не пережить,
 пережить пережить от пережить пережить пережить
 пережить пережить, пережить пережить пережить
 пережить. А пережить, пережить пережить пережить
 пережить пережить и, пережить, пережить пережить
 пережить пережить пережить пережить пережить

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 7 ИЮЛЯ / 25 ИЮНЯ 1847 г.
 ИЗ ЗАЛЬЦРУННА. НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ ИЗОБРАЖЕН ВИД ЗАЛЬЦРУННА

Лист первый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Dachrodens Hof in Salsbrunn.

Вот вы видите, это место и все тем же местом,
 и между тем же домиками и в-внутри их.
 Мое предостережение посетит покуда сюда
 прийти в садении, и всемирно подобно
 со мною: сего различия от друга будет более
 или, но сомнительно будет, а сего, пусть,
 отсюда же не будет. Мне же. Вот
 и все же. Вы видите, что и вместе с тем
 не совсем суровым, но суровым, что
 тогда, пусть, особенно. Да и так
 перебить отсюда от колони у меня предания
 боится, а и сдерживает их море саперов
 и сего. Пусть же и. Английские зорко
 так, когда я и не скажу, что это сего

АВТОГРАФ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ЖЕНЕ ОТ 7 ИЮЛЯ / 25 ИЮНЯ 1847 г.
 ИЗ ЗАЛЬЦЕРУННА. НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ ИЗОБРАЖЕН ВИД ЗАЛЬЦЕРУННА

Лист второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Не вылившееся до конца негодование томило великого критика. И когда он получил в июле 1847 г. в Зальцбрунне письмо Гоголя (написанное около 20 июня во Франкфурте) с упреками в том, что он взглянул на его книгу глазами «рассерженного человека», Белинский воспользовался возможностью свободно, без оглядки на цензуру, высказать свои мысли и дал волю накопившимся чувствам. Единственным свидетелем создания знаменитого письма Белинского был живший с ним в Зальцбрунне П. В. Анненков. Вот как характеризует он настроения великого критика в этот период их близкого общения: «Белинский явился мне в эти дни долгих бесед каждодневного обмена мыслей совершенно в новом свете. Страстная его натура, как ни была уже надорвана мучительным недугом, еще далеко не походила на потухший вулкан. Огонь все тлился у Белинского под корой наружного спокойствия и пробегал иногда по всему организму его. Правда, Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех еще не поработанных сил, которые в нем жили, и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить зараз все плоды прилежного лечения. Он принимал меры против своей впечатлительности. Сколько раз случалось мне видеть, как Белинский, молча и с болезненным выражением на лице, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное им ощущение сильно въедалось в его душу, а он считал нужным оторваться или освободиться от него. Минуты эти походили на особый вид душевного страдания, присоединенного к физическому, и не скоро проходили: мучительное выражение довольно долго не покидало его лица после них. Можно было ожидать, что, несмотря на все предосторожности, наступит такое мгновение, когда он не справится с собой — и действительно, такое мгновение наступило для него в конце нашего пребывания в Зальцбрунне».

Анненков изображает далее самый момент создания письма. Напомним его: «Приближалось время окончания лечебного курса и нашего отъезда из Зальцбрунна. Белинский чувствовал себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сделались покойнее — он уже поговаривал о скуке житья в захолустьи. Почти накануне нашего выезда из Зальцбрунна в Париж я получил неожиданно письмо от Н. В. Гоголя, извещавшего, что изданная им „Переписка с друзьями“ наделала ему много неприятностей, что он не ожидает от меня благоприятного отзыва о его книге, но все-таки желал бы знать настоящее мое мнение о ней как от человека, кажется, не страдающего заносчивостью и самообожанием <...> В конце письма Гоголь неожиданно вспоминал о Белинском и кстати посылал ему дружеский поклон, вместе с письмом прямо на его имя, в котором упрекал его за сердитый разбор „Переписки“ во 2-м № „Современника“. <Здесь Анненкову изменила память. Письмо Гоголя было переслано Белинскому из Петербурга. — К. В.>. Когда я стал читать вслух письмо Гоголя, Белинский слушал его совершенно безучастно и рассеянно, но, пробежав строки Гоголя к себе самому, Белинский вспыхнул и промолвил: „А, он не понимает, за что люди на него сердятся, — надо растолковать ему это — я буду ему отвечать“.

Он понял вызов Гоголя.

В тот же день небольшая комната, рядом с спальней Белинского, которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет, превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге. То была именно статья, но писанная под другим небом <...>

Три дня сряду Белинский уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизирован-

ный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро, после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал легкий сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. При том же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно на-бело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона, и содержания этого ответа, и, конечно, не за Белинского, потому что особенных последствий заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидеть; я испугался за Гоголя, который должен был получить ответ, и живо представил себе его положение в минуту, когда он станет читать это страшное бичевание <...> Я хотел объяснить Белинскому весь объем его страстной речи, но он знал это лучше меня, как оказалось: „А что же делать?“ сказал он. „Надо всеми мерами спасти людей от бешеного человека, хотя бы взбесившийся был сам Гомер. Что же касается до оскорбления Гоголя, я никогда не могу так оскорбить его, как он оскорблял меня в душе моей и в моей вере в него“.

После отправки письма Белинский уехал с Анненковым в Париж, где состоялась его встреча с Герценом. Великий критик не скрыл от последнего свой разрыв с Гоголем и прочел ему зальцбрунское письмо. «Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, — вспоминал Анненков, — куда, улучив минуту, Г(ерцен) шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: „Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его“»³¹.

Здесь же, в Париже, Белинский получил ответ на свое письмо от Гоголя (от 10 августа 1847 г. из Остенде). Автор «Выбранных мест...» пытался что-то сказать в свое оправдание: «Душа моя изнемогла, все во мне потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражения <...> Бог весть, может быть в словах ваших есть часть правды <...> но мне показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней был, что ныне нужно почти сызнова узнавать все то, что есть в ней теперь, а вывод из всего этого вывел я для себя тот, — что не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания, покуда, проживши в России, не увижу многого собственными глазами и не пощупаю собственными руками»³². По словам Анненкова, «Белинский не питал злобы и ненависти лично к автору „Переписки“, прочел с участием его письмо и заметил только: „какая запутанная речь; да, он должен быть очень несчастлив в эту минуту“»³³.

Герцен был глубоко потрясен как письмом Белинского к Гоголю, так и личным впечатлением от последней встречи с великим критиком. В «Былом и думах» он оставил нам незабываемый образ умирающего Белинского: «В последний раз я видел его в Париже осенью 1847 г.; он был очень плох, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергия, и ярко светилась своим догорающим огнем. В такую минуту написал он свое письмо к Гоголю.

Весть о февральской революции еще застала его в живых; он умер, принимая это зарево за занимающееся утро!»

«...Сильный, страстный боец сжег себя, смерть уже вываяла крупными чертами свою близость на истрадавшемся лице его. Он был в злейшей

чахотке, а все еще полон святой энергии и святого негодования; все еще полон своей мучительной, „злой“ любви к России»³⁴.

В эти же дни Белинский прочел свое зальцбрунское письмо Н. И. Сазонову и М. А. Бакунину. Впечатлениями их от письма к Гоголю и вызван разговор, после проводов Белинского в Россию, который передает Герцен в «Былом и думах»: «Слезы стояли у меня в горле, и я долго шел молча, когда возобновился несчастный спор <с Бакуниным и Сазоновым>, раз

И. С. ТУРГЕНЕВ (?)

Рисунок А. А. Бакунина, 1841 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

десять являвшийся *sur le tapis**. „Жаль, — заметил Сазонов, — что Белинскому не было другой деятельности, кроме журнальной работы, да еще работы подцензурной“.

— „Кажется, трудно упрекать именно его, что он мало сделал“, — отвечал я.

— „Ну, с такими силами, как у него, он при других обстоятельствах и на другом поприще побольше сделал бы...“³⁵

Впечатление от письма Белинского к Гоголю осталось у Герцена на всю жизнь. В своей книге «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) Герцен развил мысли Белинского о росте протеста в самой глубине народных масс против гнета крепостничества и царизма: «Русский народ дышит более тяжело, чем прежде, взгляд его более печален; несправедливость

* На очереди (франц.).

крепостничества и грабеж чиновников становятся для него все более невыносимыми <...> Дела против поджигателей, убийства помещиков, крестьянские бунты размножились в большой пропорции <...> Недовольство русского народа, о котором мы говорим, совершенно незаметно для поверхностного взгляда <...> Что мы знаем о сибирских поджигателях, о резне помещиков, устроенной одновременно в нескольких деревнях? Что мы знаем об отдельных восстаниях при введении Киселевым нового управления? Что мы знаем о восстаниях в Казани, Вятке, Тамбове, где власти должны были прибегнуть к пушкам?»³⁶.

Кроме Герцена, Бакунина и Сазонова, одним из первых слушателей письма Белинского в Париже был, очевидно, и молодой Тургенев, приехавший туда 18 (30) июля из Лондона³⁷. Тургенев, как известно, находился в это время под сильнейшим непосредственным влиянием Белинского. Он жил с ним до начала июля 1847 г. в Зальцбрунне³⁸, и здесь это влияние достигло своего апогея. В Зальцбрунне летом 1847 г. Тургенев отходит от спокойного, несколько идиллического тона первых новелл из «Записок охотника» («Хорь и Калиныч», «Льгов», «Касьян с Красивой Мечи», «Бежин луг» и др.) и создает свои самые значительные и острые по силе антикрепостнической критики рассказы этого цикла: «Бурмистр», «Контора» и «Два помещика»³⁹. Эти очерки дорабатываются Тургеневым в августе — сентябре 1847 г. в Париже, после того как письмо Белинского к Гоголю стало известно Герцену и его друзьям и было воспринято ими как манифест передовой России. Своей пометой под рассказом «Бурмистр» — «Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.» Тургенев как бы сам указывает на непосредственную связь ярко обличительных политических тенденций этого рассказа с письмом Белинского, имеющим дату: «Зальцбрунн, 15 июля н. с. 1847 г.»⁴⁰.

«Бурмистр» и «Контора», напечатанные в 10-й книжке «Современника» 1847 г., явились п е р в ы м и произведениями в русской литературе, в которых непосредственно отразилась сила огромного революционизирующего воздействия письма Белинского⁴¹.

Впоследствии (в январе 1855 г.) сам Тургенев в разговоре с К. С. Аксаковым так охарактеризовал свое отношение к идеям великого демократа: «Белинский и его письмо, это вся моя религия»⁴².

Глава II

ПЕРВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СПИСКОВ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ в 1848—1849 гг.

Итак, при жизни Белинского существовали только слушатели его письма и то среди самых близких ему людей и за пределами царской России. Но слух о существовании этого замечательного документа вызвал к нему повышенный интерес современников уже осенью 1847 г. «Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его <...> Мы с Коршем задумали просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам?» — писал 24—25 августа этого года В. П. Боткин из Москвы Анненкову в Париж⁴³. Просьба Боткина, по крайней мере в то время, осталась без ответа.

Повидимому, Белинский также не решился никому читать письма в России после своего возвращения в октябре 1847 г. Во всяком случае о таком чтении не существует никаких свидетельств современников. Белинский знал, что он находится под бдительным надзором николаевских жандармов, и понимал, чем угрожает ему чтение письма. Недаром в 1849 г., когда письмо к Гоголю, в связи с делом петрашевцев, стало известно III Отделению, фактический руководитель политической полиции

Николая I, Дубельт, высказал «сожаление» о смерти Белинского, говоря: «мы бы его сгноили в крепости»⁴⁴.

Судя по тому, что Герцен, публикуя в 1855 г. письмо Белинского, принужден был пользоваться присланным ему из России неисправным списком (см. гл. IV), несомненно, что Белинский не оставил копии письма даже своим русским друзьям, находившимся за границей. Единственный экземпляр собственноручной копии Белинский сохранял у себя, видимо, даже тогда, когда в начале 1848 г., в ожидании возможного обыска и ареста, он сам уничтожил значительную часть своих бумаг.

Белинский прекрасно понимал, что его письмо к Гоголю имеет значение революционного политического документа. Сознавая это, он и оставил себе копию и тщательно хранил ее до последней возможности⁴⁵. Вероятно, только в момент, когда Белинский понял, что дни его уже сочтены, он передал автокопию письма кому-то из московских друзей⁴⁶. Вспомним, что к Белинскому накануне его смерти приезжал Т. Н. Грановский⁴⁷, что незадолго до этого его навестил и К. Д. Кавелин, вернувшийся вскоре после посещения в Москву⁴⁸. Последние минуты великого демократа были отравлены откровенным «интересом» к нему III Отделения и осквернены появлением в его квартире жандармов. На похоронах Белинского, по воспоминаниям И. И. Панаева, появилось «три или четыре не и з в е с т н ы х», провожавших гроб и следивших за всем «с величайшим любопытством»⁴⁹. На основании такого поднадзорного состояния умирающего Белинского естественно предположить: не передал ли он сам, или после смерти вдова его, автокопию опасного документа (вместе с подлинниками писем Гоголя) в руки Грановского или Кавелина, в Москву, для хранения подальше от недремлющего ока III Отделения. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что распространение письма Белинского началось именно в Москве, а не в Петербурге.

Эта не дошедшая до нас автокопия и послужила после смерти великого критика первоисточником для большого числа списков, разошедшихся по России. С этого времени письмо Белинского к Гоголю утратило значение частного письма и превратилось в революционную прокламацию. С этих пор оно зазвучало во всех пределах России как «трубный глас», по определению Анненкова⁵⁰. Это подтверждал в 1856 г. даже представитель враждебного Белинскому лагеря славянофилов, И. С. Асаков: «Много я ездил по России. Имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивается число прозелитов <...> „Мы Белинскому обязаны своим спасением“, — говорят мне везде молодые честные люди в провинциях. И в самом деле, — в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов <...> Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом и гнетом, борющихся эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными <...> если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского»⁵¹. Самым ранним упоминанием о письме Белинского в России являются строки в письме А. А. Григорьева к Гоголю из Москвы во второй половине октября 1848 г.: «Напомню вам о покойном Белинском и о его письмах к вам (непечатных). Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко, ваше значение в литературе, любил вас с детским обожанием <...>

Негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к вам, проистекали не из мутного источника <...> Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему в вину его неистовых выходов в письме к вам»⁵². Из этих слов ясно, что письмо Белинского было хорошо известно московским литераторам по прошествии всего нескольких месяцев со дня смерти великого критика. Ап. Григорьев был близок с семьей Коршей, а через них с К. Д. Кавелиным, тесно связанным в свою очередь с Грановским. Нитью этих отношений очерчивается первоначальный узкий круг, в котором получило известность зальцбруннское письмо в Москве.

В течение зимы 1848/49 г. распространение письма Белинского приняло широкие размеры. Об этом сообщает петрашевец А. Н. Плещеев из Москвы 20 марта 1849 г. С. Ф. Дурову в Петербург: «Рукописная литература

ДОМ ШИЛИ НА МАЛОЙ МОРСКОЙ УЛИЦЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
(ныне улица Гоголя). ЗДЕСЬ НА СОБРАНИИ ПЕТРАШЕВЦЕВ
15 АПРЕЛЯ 1849 г. ДОСТОЕВСКИЙ ЧИТАЛ «ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО
К ГОГОЛЮ»

Акварель Ф. Баганца, 1851—1852 гг.

Музей истории и развития Ленинграда

в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пьеской Искандера „Перед грозой“ и комедией Тургенева „На хлебник“. Все это вы, вероятно, будете читать»⁵³. О том же свидетельствует и дата «19 декабря 1848 г.», поставленная на первом дошедшем до нас датированном списке письма из архива Е. П. Оболенского.

В Петербург письмо Белинского было прислано Плещеевым Ф. М. Достоевскому на адрес С. Ф. Дурова. Привез письмо, по свидетельству А. П. Милюкова, один из членов кружка Дурова. Но откуда мог получить Плещеев текст письма Белинского? На этот вопрос отвечают воспоминания историка К. Н. Бестужева-Рюмина о его студенческой жизни в 1848—1849 гг.: «Зимой этого года жил в Москве Плещеев; я встречал его у Кудрявцева и Грановского <...> и мы начали видаться с ним в разных местах. Он говорил нам о возможности получать запрещенные книги и намекал, что в Петербурге есть общество; от Ешевского получил он знаменитое письмо Белинского, которое послужило к обвинению и его

и Достоевского»⁵⁴. Итак, Плещеев получил список письма от С. В. Ешевского, будущего историка, а в это время студента III курса, близкого ученика Кудрявцева, бывавшего, конечно, и у Грановского⁵⁵. Следовательно, нити от плещеевского списка также ведут к ближайшему окружению Грановского, подтверждая предположение о передаче последнему автокопии письма самим Белинским или, после его смерти, его вдовой.

Из рук Ф. М. Достоевского письмо и получило свое первое хождение в столице. Из следственных показаний петрашевцев видно, что переписка Белинского с Гоголем была прислана Плещеевым в Петербург в последние числа марта 1849 г. Получив список, Достоевский немедленно познакомил с ним А. И. Пальма и С. Ф. Дурова. В своем показании Достоевский заявил, что «переписку Белинского с Гоголем сначала прочел он прежде Дурову и Пальму до обеда, а потом вечером на собрании в другой раз, будучи под влиянием первого впечатления»⁵⁶. То же повторил Достоевский и в другом показании: «по получении переписки Белинского с Гоголем, прочитал ее сначала Дурову и Пальму до обеда, а потом оставшись пить чай, по приезде к Дурову Момбелли, Львова и других, прочел ее в другой раз, будучи под влиянием первого впечатления»⁵⁷. В своих «Отдельных показаниях» Достоевский говорит об этом несколько подробнее: «Которого числа и месяца не помню (кажется в марте), я зашел к Дурову в третьем часу по-полудни, и нашел присланную мне переписку Белинского с Гоголем. Я тут же прочел ее Дурову и Пальму. Меня пригласили остаться обедать. Я остался. В шестом часу заехал Петрашевский и просидел четверть часа. Он спросил, „что это за тетрадь?“ Я сказал, что это переписка Белинского с Гоголем, и обещал неосторожным образом прочесть ее у него. Это сделал я под влиянием первого впечатления. Тут, по уходе Петрашевского, пришли еще кто-то, и я остался пить чай. Естественно зашел разговор о статье (Белинского), и я прочел ее в другой раз. Но слушающих, кроме Дурова и Пальма, было не более шести человек; только и было гостей. Помню, что были: Момбелли, Львов, братья Ламанские — кто еще? — позабыл. Все это сделалось в первый же день получения статьи, когда еще я был под влиянием первого впечатления»⁵⁸. На вторичном чтении письма вечером присутствовало, в действительности, не менее девяти человек (сам Ф. М. Достоевский и его брат М. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов, П. Н. Филиппов, братья Е. И. и П. И. Ламанские, а также, возможно, А. П. Милуков и П. И. Головинский). Дуров так показывал об этом вечере: «присутствовавшие пожелали иметь копию с этой переписки <...> Филиппов предложил завести общими средствами домашнюю литографию, но <М. М.> Достоевский убедил всех, что эта мысль безрассудна»⁵⁹. Аналогично показание об этом чтении Пальма: «Почти все говорили, что нельзя ли распространить сии статьи, и Львов предложил устроить литографию, а Филиппов настаивал на том, чтобы эти статьи, если не литографировать, то переписывать и сообщать своим знакомым. Но Михайло Достоевский возразил, что они отступают этим от первоначальной цели вечеров, что такие статьи не литературные, а политические, и распространять их может разве какой-нибудь организованный клуб»⁶⁰. К этому же вечеру, очевидно, относится и показание Львова: «Ф. Достоевский прочел переписку Гоголя с Белинским, и многие хотели ее переписать. Я был в том числе, но она мне в руки не попала»⁶¹.

Безусловно, дело не кончилось одними разговорами, и копии с письма Белинского начали сниматься еще до известного чтения его на собрании у Петрашевского. Во всяком случае, сам Достоевский, судя по показанию Филиппова, дал последнему скопировать свой экземпляр письма, хотя «впоследствии взял обе рукописи себе»⁶². Можно думать, что письмо Белинского читалось у Дурова не один раз. Читалось оно и в других

местах. Например, у Е. П. Ковалевского, племянник которого, П. М. Ковалевский, вспоминал: «Сколько так называемых „петрашевцев“ собиралось у него по вечерам и какая совершалась тут уголовщина, в роде чтения известного письма Белинского к Гоголю...»⁶³. В промежуток от конца марта до ареста петрашевцев 23 апреля 1849 г. письмо Белинского не могло не выйти за пределы их кружка. Это предположение подтверждают и свидетельства современников. Член кружка Дуров, А. П. Милюков, вспоминал впоследствии: «Незадолго перед закрытием кружка один из наших членов ездил в Москву и привез оттуда список известного письма Белинского к Гоголю, писанного по поводу его „Переписки с друзьями“. Ф. М. Достоевский прочел это письмо на вечере и потом, как сам он говорил, читал его в разных знакомых домах и давал списывать с него копии <разрядка наша.— К. Б.> <...> Письмо это <...> произвело в то время сильное впечатление. У многих из наших знакомых оно обращалось в списках <разрядка наша.— К. Б.> вместе с привезенной также из Москвы юмористической статьей А. Герцена, в которой остроумно и зло сравнивались обе наши столицы. Вероятно, при аресте петрашевцев не мало экземпляров этих сочинений отобрано и передано было в третье отделение»⁶⁴. О популярности письма Белинского за пределами кружка петрашевцев свидетельствует и другой участник кружка П. П. Семенов-Тянь-Шанский: «Белинский пользовался высоким уважением во всех кружках сороковых годов, где непрощенные цензурою его сочинения читались с такой жадностью»⁶⁵.

Обзор дошедших до нас свидетельств современников о распространении письма Белинского можно закончить воспоминаниями А. Я. Панаевой. Излагая историю письма, Панаева, по обыкновению, все перепутала. По ее рассказу, письмо было написано в Петербурге и читалось на квартире у И. И. Панаева в присутствии нескольких приятелей. Но характерно ее утверждение: «копия с него тут же была списана»⁶⁶. Очевидно, практика снятия копий с письма Белинского настолько прочно вошла в быт, что об этом нельзя было не упомянуть даже самому неточному мемуаристу.

Вскоре, а именно 15 апреля 1849 г., Достоевский прочел, по просьбе самого М. В. Петрашевского, письмо Белинского на общем собрании членов кружка петрашевцев. Об этом чтении сообщает в своем отчете Министерству внутренних дел секретный полицейский агент Антонелли, введенный в марте 1849 г. в кружок Петрашевского и наблюдавший за его «пятницами»: «В собрании 15 апреля Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским и в особенности письмо Белинского к Гоголю. В этом письме Белинский, разбирая положение России и народа, сперва говорил о православной религии в неприличных и дерзких выражениях, а потом о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это вызвало множество восторженных одобрений общества, в особенности у Баласогло и Ястржембского, преимущественно там, где Белинский говорит, что у русского народа нет религии. Положено было распустить это письмо в нескольких экземплярах <разрядка наша.— К. Б.>»⁶⁷. Первое агентурное донесение Антонелли, приведенное в «совершенно секретной» записке И. П. Липранди (17 апреля 1849 г. за № 31), передает более непосредственно эффект от чтения письма (публикуется впервые, с исправлениями ошибочного написания собственных имен):

«Агент доносит, что в прошедшую пятницу, 15 апреля, на собрании у Петрашевского было 20-ть человек, как-то: Ахшарумов, Баласогло, Головинский, Фед. Достоевский, Берестов, Дуров, Деев, Дебу 2-й, Кузьмин 1-й, Кайданов, Львов, Мадерский, Момбелли, Тимковский,

ПОЛТ.

АРХЕСНІЯ

Директоръ Императорскаго Свѣдѣнія

Императору

Восподиу Министровъ Императорскихъ Дѣлъ.

С. 107. Марта 1848 по 24^{му} Апрѣля 1848 года.

Содержание Протокола

131

Апрѣль 17 дня Присутство уполномоченныхъ отъ всѣхъ присутствующихъ

1839 года. Делегатовъ 15. Апрель, на собраніи у Ротенберга

присутствовали: Шенкель, Шенкель, Кавецкій, Шенкель,

Шенкель, Шенкель, Шенкель, Шенкель, Шенкель,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ТОМА ДОНЕСЕНІЯ ЛИПРАНДИ ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВСКОГО И ЛИСТ ТОГО ЖЕ ДЕЛА С СООБЩЕНІЕМ АНТОНЕЛЛИ О ПРОИСХОЖДЕНІИ НА СОБРАНІИ ПЕТРАШЕВЦЕВ 15 АПРЕЛЯ 1849 Г. ЧТЕНІИ ДОСТОЯТЕЛЬНЫМЪ ПИСЬМА БЕЛИНСКАГО К ГОЛОСУ

Центральный исторический архив, Москва

Филиппов, Чириков, Шелков, Ястржембский, Пальм, и, наконец, новое лицо — какой-то Ламанский, которого отец служит у г-р. Вронченко в канцелярии по кредитной части.

В это собрание Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским по поводу критики, написанной этим последним на последнее сочинение Гоголя: „Письма к моим друзьям из-за границы“. Переписка эта принадлежит Филиппову <...> Письмо же Белинского к Гоголю замечательно как по смелости идей, так и по резкости выражений. Далее следует чрезвычайно подробное изложение содержания письма Белинского. Заканчивается записка словами: «Оно <письмо> произвело общий восторг. Ястржембский, при всех местах, его поражающих, вскрикивал: отто так! отто так! Чириков, хотя не говорил ни слова, но все улыбался и что-то про себя ворчал. Баласогло приходил в исступление, и, одним словом, все общество было как бы наэлектризовано <...> Агент надеется это письмо достать, присовокупив, что оно действительно интересно и прочесть его необходимо, потому что он сознается, что передал его весьма слабо»⁶⁸.

Об этом чтении упоминает в своих показаниях Момбелли⁶⁹ и вспоминают Ахшарумов и Кузьмин 2-й. Д. Д. Ахшарумов в своих «Записках петрашевца» сообщает только кратко о самом факте чтения письма⁷⁰. Подробнее вспоминает о чтении П. А. Кузьмин: «О вечере, на котором было читано письмо Белинского к Гоголю, меня спрашивали, какое впечатление произвело содержание этого письма на меня и на прочих, и правда ли, что Ястржембский выразился: „о то так и надобно“? <...> Относительно впечатления, произведенного на меня и прочих слушателей чтением письма Белинского к Гоголю, могу сказать, что на меня лично произвело оно впечатление тяжелое, грустное: видно было, что писано оно в желчном, болезненном расположении духа»⁷¹. Вряд ли, однако, такая оценка точно воспроизводит впечатления Кузьмина 1849 г. В своих воспоминаниях он повторяет показания, данные им на следствии, когда он пытался скрыть свое подлинное отношение к письму Белинского.

Как явствует из донесения Антонелли, вопрос о распространении письма Белинского поднимался снова и на собрании 15 апреля. Практическим результатом этого обсуждения явилось изготовление копии с переписки Белинского с Гоголем. Копия была снята 22 апреля 1849 г. писарем дежурства 3-й гвардейской пехотной бригады Дмитрием Комаровым по заданию Н. А. Момбелли. Об этом последний показал на допросе 10 мая 1849 г.: «Тетрадь, в которой помещены были два письма Гоголя и одно Белинского, я получил на один только день. В такой короткий срок своею рукою я не мог успеть переписать <...> Я потребовал писаря и отдал ему переписать. При этом в комнате был Языков⁷², занимавшийся чем-то в стороне; он хотел меня остановить; но писарь, услышав, что ему опасаются доверить, сказал, что при таком скором письме ему некогда будет самому читать, в смысл вникать, тем более, что рукопись не разборчива, и ему придется разбирать слово за словом, каждое слово отдельно. Я требовал, однакож, чтобы писарь переписывал в моей квартире, но он говорил, что ему это неудобно, и обещал никому не показывать. Писарю заказан был, если успеет, и другой экземпляр. Другой экземпляр назначался Языкову, который хотел иметь эту переписку единственно как литературную редкость»⁷³.

Как явствует из текста приговора над Достоевским, именно он дал список письма Белинского Момбелли: «Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в собраниях: сначала у под-

судимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского и, наконец, передал его для списания копии подсудимому Момбелли» <разрядка наша. — К. Б.>⁷⁴.

Экземпляр списка письма, полученного Момбелли от Достоевского (вместе со снятой с него Комаровым копией), был доставлен генерал-лейтенантом Витовтовым в III Отделение. Отсюда его препроводили в следственную комиссию, где присоединили к «делу» Момбелли, в котором он и хранится до сих пор⁷⁵.

Царское судопроизводство правильно увидело в письме Белинского революционный документ выдающегося значения. Тщетно подчеркивал Достоевский свой интерес к письму Белинского как к «замечательному литературному памятнику». Военный суд приговорил его «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» к «смертной казни расстреливаем» («милостиво» замененной Николаем I четырьмя годами каторги). Одновременно за распространение письма Белинского были приговорены первоначально к смертной казни — Момбелли, Дуров, Пальм и Филиппов и к четырем годам каторги — Плещеев⁷⁶.

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПИСКА ПИСЬМА К ГОГОЛЮ ИЗ БУМАГ Н. Ф. ПАВЛОВА (1853 г.)

Первоисточником для списков письма, ходивших по рукам в Москве и в Петербурге весной 1849 г., могла быть лишь автокопия, сделанная для себя Белинским в Зальцбрунне. Это предположение подтверждается не только приведенными выше сведениями о происхождении списков А. А. Григорьева и А. Н. Плещеева, но и материалами секретного дознания о Н. Ф. Павлове. У последнего были обнаружены при обыске в Москве 16 января 1853 г. и список письма Белинского, и подлинник ответа ему Гоголя от 10 августа 1847 г.⁷⁷ Павлов в своих показаниях уклонился от ответа на вопрос, от кого он получил письмо Гоголя, прибегнув к обычной в таких случаях формуле — «не помню»; по поводу же происхождения копии письма Белинского сообщил, что знает лишь имя переписчика, уже известное следственным органам⁷⁸.

«Копия этого письма, — показывал Н. Ф. Павлов 20 января 1853 г., — как заметили при разборе моих бумаг и лица, ныне меня спрашивающие, писана рукою Николая Михайловича Горлицына, служащего в Попечительном Совете. Так как я сам напечатал несколько писем о книге Гоголя, то мне любопытно было прочесть это письмо, но ведь этому прошло столько времени и письмо это впало у меня в такое забвение, что я не могу привести на память никаких обстоятельств, откуда и как оно дошло до меня. Списков с него никому я не давал, распространять его не мог, ибо, как всем известно, я был литературный неприятель Белинского и никаких его мыслей не разделял. Письмо это лежало у меня совершенно забытое с семейными письмами, в чем удостоверят лица, производившие обыск. Сохранил я его, вероятно, или по рассеянности, или по негодованию, с каким бросил в ящик, или как любопытный документ, на который у меня находится ответ самого Гоголя».

«С Белинским ни в каких и никогда сношениях я не находился <...> Много лет тому назад я видал его в Москве, но по переезде в Петербург ни здесь, ни там даже и не встречался. Повторяю, он был мой литературный неприятель и даже некогда, заведывая отделом критики в „Отечественных записках“, отказался писать статью о моих повестях, ибо должен был хвалить, почему и писал ее сам редактор. Сказать, от кого я получил

письмо к нему Гоголя — я был бы очень рад, ибо ведь это не было бы преступлением, ни со стороны того, кто его мне дал, ни с моей стороны, но истинно, положа руку на сердце — не помню. Вероятно, оно по смерти Белинского привезено было в Москву и случайно попало ко мне. Ведь это для меня не было каким-либо чрезвычайным событием, чтоб тщательно удерживать его в памяти»⁷⁹.

Таким образом, по вопросу о происхождении найденных у Н. Ф. Павлова документов следствие не получило от него определенного ответа. Не добилось следствие этого ответа и от жены Н. Ф. Павлова, К. К. Павловой, инициативе которой приписал заказ копии зальцбруннского письма его переписчик, титулярный советник Н. М. Горлицын.

Допрошенный 22 января 1853 г. Н. М. Горлицын показал: «Предъявленное мне письмо писано моей рукою, с копии, переданной мне, сколько могу запомнить, братьями Северцовыми, но которым из них, припомнить не могу; копия, с которой писано было предъявленное мне письмо, мною уничтожена; писано мною это письмо в конце 1849-го или начале 1850-го года для г-жи Павловой. Кроме предъявленной мне копии больше мною писано не было, и есть ли еще у кого подобные копии — мне неизвестно. Г-жа Павлова просила меня достать это письмо, сколько я могу заключить из ее слов, из любопытства, и желания прочесть его как литературное произведение. Я не мог ей дать копии, с которой списывал это письмо, потому что копия эта была написана очень дурно и перемарана. Но кому г-жа Павлова передала писанную мною копию и какое сделала из нее употребление — мне решительно неизвестно, потому что около трех лет уже с семейством Павловых я прекратил всякое сношение».

В дополнительных показаниях от 24 января Н. М. Горлицын подтвердил, что копия, с которой он списал письмо Белинского, получена была им, действительно, от братьев Северцовых, а не от самого Гоголя, с которым он, Горлицын, встречался у Павловых: «Что могла г-жа Павлова просить меня взять это письмо у Гоголя и не хотела просить у него сама — это могло быть уже потому, что Гоголь бывал у ее мужа, от которого она желала письмо это скрыть. Это навело меня на сомнение, не взял ли я письмо это у самого Гоголя. Но теперь, припоминая более обстоятельства, я решительно утверждаю, что письмо то взято мною было у братьев Северцовых»⁸⁰.

Но К. К. Павлова в своих показаниях продолжала отпираться: «Решительно могу сказать, — заявляла она 26 января, — что предъявленное мне письмо было написано не по моей просьбе и не для меня, что я никогда не поручала г. Горлицыну мне его достать. Слышала я об этом письме от многих, но не могу припомнить, от кого; никогда его не только никому переписывать не давала, но даже сама рукой г. Горлицына переписанного письма и никакой другой копии не читала, и как оно попало в бумагах мужа, не знаю». На очной ставке с Горлицыным, несмотря на его утверждения, Павлова «ни в чем не созналась и осталась при прежнем своем показании»⁸¹. Вопрос о первоисточнике копии, найденной в 1853 г. при обыске у Н. Ф. Павлова, остался нерешенным и после допросов братьев Н. А. и А. А. Северцовых⁸².

«Письмо г. Белинского к Гоголю в моих и брата моего руках (так как мы жили вместе) действительно находилось, — показывал 23 января 1853 г. младший из братьев Северцовых. — Оно было довольно грязно переписано, в тетрадке в восьмую долю листа, с сокращениями и довольно грязно; в той же тетрадке находились и другие пиесы, которые, вместе с этим письмом, получил от родственника моего, статского советника Александра Петровича Глебова, в настоящее время уже умершего. Оно находилось у меня недель шесть и было потом мной передано тому же Глебову».

«Упоминаемое здесь письмо Белинского к Гоголю, — подтверждал 24 января 1853 г. кандидат Московского университета Н. А. Северцов, — было несколько времени у нас в доме, и действительно написано так, что читать нельзя. Досталось нам от покойного нашего родственника, Александра Петровича Глебова. Было ли ему возвращено, и как от нас перешло к г. Горлицыну, и вообще, что с ним сделалось, не знаю»⁸³.

Это указание обоих братьев на «покойного» Глебова объяснялось принятым в подобных случаях перенесением политической ответственности с живых на мертвого. Так же поступил и Плещеев, показавший на следствии, что копия переписки Белинского с Гоголем была им «случайно» найдена «вместе с сочинениями Гоголя в библиотеке дяди, недавно умершего в Москве»⁸⁴.

Н. М. Горлицын показал, что копия, с которой он делал свой список, «была написана очень дурно и перемарана», — настолько «дурно», что он не решился передать ее К. К. Павловой без переписки набело. Это же подтверждали и братья Северцовы, подчеркивая, что копия их писана была так, что ее было «читать нельзя», «с сокращениями и довольно грязно».

Эти недочеты оригинала, само собой разумеется, отразились и на копии, породив все ее многочисленные неточности и пробелы. В текстологическом отношении ценность копии Павлова, при всех ее дефектах, заключается для нас в том, что она дает возможность определить место и время закрепления текста письма Белинского в редакции, несколько отличающейся от всех известных нам списков.

Список Павлова, уже по самому имени последнего и по положению, занимаемому им в Москве конца 1840-х годов, безусловно является одним из самых ранних.

Будучи активным противником книги Гоголя и одним из немногих лиц, выступавших против нее в печати, Павлов, естественно, был заинтересован в скорейшем ознакомлении с содержанием спора, возникшего между Белинским и Гоголем. Наличие в руках Павлова подлинника ответа Гоголя свидетельствует о его близких связях с лицом, в распоряжении которого находились некоторые из бумаг покойного критика. Но автокопии письма Белинского Павлову все же не удалось получить. Поэтому ему пришлось заказать для себя копию со списка, принадлежавшего братьям Северцовым.

Здесь следует напомнить о близости Павлова к Грановскому. От последнего и мог получить Павлов подлинное письмо Гоголя к Белинскому. Младший же из братьев Северцовых, А. А. Северцов, в это время студент филологического факультета, был учеником Грановского, которого последний хотел оставить при своей кафедре. Таким образом, хотя происхождение списка Павлова не поддается пока полному раскрытию, не подлежит сомнению, что документ, с которого делался список, был получен им от лица, близко связанного с окружением Грановского.

Переписчик копии Павлова, Горлицын, в своем показании датировал ее «концом 1849 или началом 1850 года», что безусловно неверно. Совершенно очевидно, что павловская копия была сделана годом раньше, т. е. до процесса петрашевцев. Это подтверждает и письмо Я. К. Грота к П. А. Плетневу из Москвы от 12 июля 1849 г.: «Здесь ходит по рукам переписка его <Гоголя> с Белинским: она есть и у меня»⁸⁵. А так как в предыдущем письме от 7 июля Грот сообщал Плетневу о своих встречах с Павловым, то можно сделать определенный вывод — Павлов познакомил Грота с перепиской Белинского с Гоголем и, возможно, помог ему получить копию с этих документов. Остальные же московские знакомые Грота были очень далеки от настроений зальцбруннского письма.

Судьба списка Грота осталась неизвестной.

Глава IV

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ» 1855 г.

Письмо Белинского к Гоголю появилось в печати впервые в издании Герцена «Полярная звезда на 1855 год» (кн. I, Лондон). Публикации было предпослано следующее примечание Герцена: «...аноним прислал нам „Переписку Белинского с Гоголем“. Переписку эту мы знали прежде от

ГОГОЛЬ

Литография с рисунка Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1852 г.
Исторический музей, Москва

самого Белинского, она наделала некоторый шум в 1847 году. Во всяком случае, нет никакой нескромности ее напечатать; она прошла через столько рук, даже полицейских, что, печатая ее, мы собственно печатаем известное. Белинский и Гоголь принадлежат к русской истории; полемика между ними — слишком важный документ, чтобы не обнародовать его из малодушной деликатности»⁸⁶. Из этого примечания видно, что в распоряжении Герцена оказался позднейший список письма. Но от кого и при каких обстоятельствах получил Герцен этот список и каковы были особенности его текста?

В материалах архива Герцена, еще не вошедших в научный оборот, мы находим ответ на эти вопросы. Здесь оказался документ, разъясняющий происхождение копии Герцена и непосредственно связывающий публикацию «Полярной звезды» с традициями распространения зальцбрунского письма, идущими от петрашевцев. Это — анонимное обращение к Герцену А. А. Чумикова, известного педагога и писателя, впоследствии (1857—1859) редактора-издателя «Журнала для воспитания», в котором участвовали Н. А. Добролюбов и К. Д. Ушинский. Находясь летом 1851 г. в заграничном отпуске, Чумиков во время своего пребывания в Париже и Берлине информировал русских революционеров-эмигрантов о настроениях петербургской интеллигенции после разгрома петрашевцев.

Пламенный пропагандист «идей Белинского о русской литературе», человек, идейно и лично связанный со многими петрашевцами, в частности с Достоевским, Плещеевым и Милоковым, Чумиков в письме к Герцену от 9 августа 1851 г. из Парижа сообщал о своих попытках популяризации письма Белинского в западноевропейской печати: «...известно ли вам письмо сего послед(него) к Гоголю? Вероятно оно явится скоро в немецк(их) и франц(узских) газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-ниб(удь) — оно имеет интерес уже потому, что за него пострадали Достоевский (в каторж(ную) работу) и Плещеев (в солдаты). Я вышлю вам его, равно и еще кое-что, указанным вами путем. Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала „Ausland“ маленькую статью, как бы введение к письму Белин(ского), и препровождаю вам ее»⁸⁷.

Обращение к комплекту штутгартской газеты «Das Ausland» за 1851 г. позволило обнаружить серию статей Чумикова, посланных им в редакцию этого издания. Они были помещены в ряде номеров «Das Ausland» с 4 августа по 18 августа (№№ 185—188, 193—197) под заглавием «Russland und die Gegenwart». Интересующая нас информация о письме Белинского и о роли этого документа в деле петрашевцев содержалась в № 196 от 16 августа («Zweiter Artikel»). Отмечая, что из участников «заговора 1849 г.»: «один <Достоевский> был сослан в сибирские рудники, а другой <Плещеев> сдан в солдаты за распространение „частных писем“», автор статьи, т. е. Чумиков, пояснял:

«Эти частные письма представляют собою не что иное, как распространяемую в многочисленных экземплярах переписку 1847 г. покойного литератора Белинского с известным писателем Гоголем, в которой первый дал отнюдь не прикрашенное изображение русской действительности, в частности быта духовенства. Широкое распространение, которое получили эти письма, и преследование против них правительства свидетельствуют о том, что они произвели глубокое впечатление. Гоголь в одном из своих произведений выступил против всякого прогресса, идущего от „гнилого“ Запада, говорил о высокой миссии России и отказывался от своих прежних сочинений: картина, нарисованная Белинским, явилась ему ответом. Эти факты показывают, что Россия не однообразная пустыня, как ее многие себе обычно представляют, и что правительство не может подавить насилем все проявления самостоятельного духа».

Такова была первая печатная информация о письме Белинского к Гоголю.

Герцен неоднократно пытался опубликовать материалы, полученные от Чумикова, во французской печати. В письме к Мишле от 15 ноября 1851 г. он советовал использовать статью Чумикова, хотя бы в отрывках в «какой-нибудь газете», с тем чтобы полностью она появилась в «Liberté de penser». В свою очередь Мишле рекомендовал для напечатания полученную им от Герцена анонимную рукопись Чумикова редакции радикально-демократического органа «National».

Das Ausland.

Ein Tagblatt.

Stunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker

besonders Rücksicht auf vermehrte Erfindungen

Deutschland.

Verlagsanstalt des Verlegers

1851.

Verlag des V. O. Seitz'schen Buchhandlung.

1851

НЕМЕЦКАЯ ГАЗЕТА «DAS AUSLAND», В КОТОРОЙ ПОЯВИЛАСЯ ПЕРВАЯ В ПЕЧАТИ ИНФОРМАЦИЯ О ПИСЬМЕ БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ И ОТРЫВОК САМОГО ПИСЬМА

Материал был сообщен редакции газеты А. А. Чумиковым

Титульный лист и страница газеты от 16 августа 1851 г. (№ 196) с информацией о письме (правый столбец, сверху)

...nicht sagen, so daß er sich in die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...

...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...

1851

Wieder ein ...

...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...

...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...

1851

Wieder ein ...

...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...
...und er hat die ...

1851

Нам не удалось установить, была ли и в какой форме использована статья Чумикова во французской прессе, но из письма к Мишле Эрнста Гауга от 21 ноября 1851 г. видно, что Герцен поручил Мишле «переделать, исправить и подписать эти материалы, как он найдет нужным». В этом же письме Гауг разъяснял: «Документы, помещенные в приложении, переведены под наблюдением Герцена; письмо Белинского было даже лично прочитано его автором нашему другу. Поэтому он (Герцен) отвечает за достоверность этих документов»⁸⁸.

Между тем сам Чумиков, как оказывается, не ограничился помещением в «Das Ausland» статей «Russland und die Gegenwart». В № 311 той же газеты, от 29 декабря 1851 г., он напечатал, тоже, разумеется, без подписи, еще статью под заглавием «Die unzufriedenen Klassen. — Die Socialisten» (вошла в серию продолжавшихся из номера в номер обзоров — «Rückblicke»). Главный интерес этой статьи для нашего исследования заключается в том, что в ней впервые были обнародованы в печати, хотя и в переводе на немецкий язык, слова запретного в России письма. Доказывая, что православная церковь, ставшая после уничтожения патриаршества «только служанкой светской власти, потеряла всякое уважение у народа», А. Чумиков разъяснял читателям газеты «Das Ausland», ссылаясь на свою предыдущую статью: «Белинский мог в своем известном, нами уже упомянутом выше, послании к Гоголю преувеличивать, но это письмо получило в России слишком большое распространение, чтоб в нем не заключалось много истины. Как высказывается он, однако, о духовенстве?» И дальше следовала обширная цитата из письма от слов: «Неужели же и в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа» до «Религиозность проявилась у нас только в раскольничьих сектах...» Чтобы дать представление о характере перевода Чумикова, приведем цитату:

«Ihnen (Gogol) kann nicht unbekannt sein wie sehr die russische Geistlichkeit von der russischen Gesellschaft, von dem russischen Volke verachtet ist. Wen betreffen die meisten obsönen Lieder der russischen Volks? Den Popen, seine Frau, seine Tochter, seine Dinstboten. An wen richten sich die gröbsten Schimpfreden, die schmutzigen Beiworte? An den Popen<...> Selbst das religiöse Gefühl hat nicht die Geistlichkeit durchdrungen, und man kann, um diese Behauptung zu wiederstreiten, nicht einige Ausnahmen anführen, die sich durch ihre beschauliche, ruhige, ascetische Frömmigkeit auszeichnen. Die Mehrheit unserer Geistlichkeit hat sich nie durch etwas anderes ausgezeichnet, als durch Dickleibigkeit, scholastische Pedanterie und krasse Unwissenheit. Es wäre völlig ungerecht, sie der Intoleranz und des Fanatismus anzuklagen, denn sie war immer und ist noch ein Muster von religiöser Gleichgültigkeit. Das religiöse Gefühl tritt nur in den dissidentirenden Sekten auf, welche durch ihren Geist sich wesentlich von der Masse des russischen Volkes unterscheiden vor dem sie jedoch durch ihre numerische Schwäche verschwinden».

Материалы, помещенные Чумиковым в газете «Das Ausland», важны не только как первая информация о письме Белинского в печати и первая частичная публикация документа. Они проливают свет и на происхождение списка того текста письма, который через несколько лет был опубликован Герценом в «Полярной звезде».

Если учесть, что парижский корреспондент Герцена готовил привезенный им из Петербурга список письма Белинского для перевода, а не для издания его на русском языке, то все основные недочеты этого текста, воспроизведенные в «Полярной звезде», окажутся понятными. Как установлено Ю. Г. Оксманом, Чумиков прислал Герцену не точную копию с того списка письма, которым он располагал, а несколько сокращенный и обработанный текст,

приноровленный для понимания его иностранными читателями. Все места, смущавшие переводчика или требовавшие комментария, были поэтому или совсем изъяты или упрощены. Так, например, была заменена ссылкой на «глупую поговорку» цитата из «Капитанской дочки», подкреплявшая полемику Белинского с Гоголем о «национальном русском суде». Так, была «уточнена» вставкой слова «царь» взамен «тот, кто и т. д.», неясная без объяснений строка Белинского, в которой он, видимо, хотел точно процитировать упоминание Гоголя о Николае I в письме к С. С. Уварову, но не вспомнил его. Так, вместо известной сентенции «ругая их неумытыми рылами» появился вариант: «учит их ругать побольше». Так, была переосмыслена строка о русской читающей публике («И она»), замененная произвольным указанием на «старую школу» («И старая школа действительно сердилась на вас»). Так, из-за непонятого копиистом или самим Чумиковым слова «колуханы» (верхневолжский диалектизм: мошенники, плуты) исчезла из письма целая строка о попах: «Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы?» (Обратим внимание, что эта строка отсутствует как в публикации «Полярной звезды», так и в указанном тексте частичного немецкого перевода письма в «Das Ausland»). Само собой разумеется, что из текста письма были изъяты и попутные упоминания о живых людях. Мы имеем в виду заключительные строки письма: «Некрасов переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Анненковым в Париж через Франкфурт на Майне». Разумеется, эта частная деталь текста письма не могла быть сохранена ни в редакции Чумикова, ни в публикации Герцена.

Привлеченные нами новые материалы из архива Герцена и из газеты «Das Ausland» позволяют с полной уверенностью утверждать, что основные особенности первопечатного текста письма в публикации «Полярной звезды» следует рассматривать не в качестве вариантов какого-то авторитетного списка, которым якобы располагал Герцен (как это предполагали некоторые исследователи), а в качестве результата позднейшей литературной обработки одного из списков, предпринятой Чумиковым в целях подготовки текста письма для публикации в иностранной печати⁸⁹. Все прочие мелкие неточности и пробелы в тексте

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Рисунок Н. Чернова

Внизу надпись художника: «Дело об отделении казенных крестьян от помещиков особо. — Октября 23 дня 1848 года»

Исторический музей, Москва

публикации письма в «Полярной звезде» легко объясняются небрежностью переписчика той копии, которая была в распоряжении Чумикова, а отчасти, может быть, нечеткостью наборного оригинала и недостаточной тщательностью корректуры. Но все же довольно значительное число этих мелких искажений в тексте публикации «Полярной звезды», независимо от происхождения и целевой установки копии Чумикова, свидетельствует об отдаленности от первоисточника списка, попавшего в руки Герцена. Конечно, Герцен и сам учитывал несовершенство своей первой публикации письма Белинского к Гоголю, но его задачей было не «академическое» издание памятника, а обнародование запрещенного в России документа, имевшего крупнейшее общественное и агитационно-политическое значение. Надежды Герцена оправдались. Эффект первой публикации письма Белинского к Гоголю был так велик, что глава московских либералов этого времени, Грановский, расценивал ее как самые вопиющие строки в «Полярной звезде». Именно этой публикацией, с точки зрения Грановского, и сжигал Герцен все корабли, исключая для себя навсегда возможность возвращения в николаевскую Россию⁹⁰.

Проникнувшие в Россию экземпляры «Полярной звезды» с письмом Белинского, безусловно, сильно увеличили его популярность, способствовали распространению новых списков и сделали его доступным более широкому кругу читателей.

Глава V

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

В русской легальной печати письмо Белинского впервые было процитировано в 1860 г. на страницах «Русского слова». В сентябрьской книжке журнала в статье «Сочинения Белинского. Том 7. Москва» Г. Е. Благосветлов писал: «Гоголь изменил знамени, растоптал свою собственную славу, из рабской готовности подкурить через край царю небесному и земному» (отд. II, стр. 30). Эти слова являлись перифразой из письма Белинского: «У нас же, наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества» <разрядка наша.— К. Б.>⁹¹.

Несмотря на скрытый характер и небольшой объем приведенной в «Русском слове» цитаты из письма, она привлекла специальное внимание властей и вызвала целое разбирательство. Цензор, пропустивший в печать статью Благосветлова с крамольной цитатой, был уволен⁹².

Первую, хотя и очень неполную, фрагментарную публикацию письма в легальной русской печати удалось осуществить В. П. Чижову в статье «Последние годы Гоголя», напечатанной в июльской книжке «Вестника Европы» за 1872 г. (стр. 439—443). Отсюда текст публикации перепечатал и таким образом популяризировал А. Н. Пыпин в своей известной монографии «Белинский, его жизнь и переписка», 1876 г. (т. II, стр. 289—293)⁹³.

И Чижов, и Пыпин, стесненные цензурными условиями, принуждены были отказать от воспроизведения мест, наиболее острых по своей антиправительственной и антиклерикальной направленности. Но даже и в той сокращенной редакции, в которой письмо Белинского появилось на страницах «Вестника Европы», оно уже имело признаки, резко отличающие его от первопечатного текста «Полярной звезды».

Так, благодаря публикации В. П. Чижова (к сожалению, происхождение списка письма, которым он располагал, остается неизвестным) ока-

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Рисунок Н. Чернова

Внизу надпись художника: «Неожиданный приход ревизора на межу. 1848 февраля 2 дня»
Исторический музей, Москва

залось возможным исправить искаженную полемическую сентенцию Белинского о «национальном русском суде». В «Полярной звезде» эти строки читались: «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого?» В публикации же Чижова слова эти оказывались связанными с цитатой из «Капитанской дочки» Пушкина, без ссылки на которую они вообще не имели бы никакого смысла: «А ваше понятие о национальном русском суде-расправе, идеал которого вы нашли в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого». Вместо первопечатного варианта «И старая школа, действительно, сердилась на вас до бешенства» в публикации Чижова было: «И она, действительно, сердилась на вас до бешенства», причем слово «она», т. е. читающая публика, в этом контексте гораздо уместнее, чем произвольный домысел о какой-то «старой школе». Вместе первопечатного «выгоднее для них» в списке Чижова было «льготнее для них», вместо первопечатного «высокого духовного просветления» в копии Чижова было «высокого духовного просвещения».

Все эти отличия копии Чижова, так же как и характерная описка при обозначении места написания письма («Зальцбург» вместо «Зальцбрунн»), полностью совпадают со списком, обнаруженным двадцать лет спустя в бумагах Краевского. Изучение этого списка, впервые опубликованного (с некоторыми купюрами) Н. П. Барсуковым в 1894 г.⁹⁴ и положенного в основу первой критической редакции письма, установленной в 1913 г. С. А. Венгеровым⁹⁵, — не вызывает сомнений в том, что обе копии — и Краевского и Чижова — восходят к одному и тому же оригиналу. Однако можно смело утверждать, что копия Чижова была сделана гораздо тщательнее и в этом смысле стояла несколько ближе к первоисточнику, чем список Краевского. Об этом говорят такие, например, ее варианты, как: «их трудами», вм. «трудами крестьян»; «быть без вины виноватым» вм. «быть без вины виноват»; «падению вашей книги» вм. «порадуйтесь падению вашей книги»; «я читал и перечитывал ее» вм. «я читал ее и перечитывал» и т. п.

Несмотря на свое важное значение как определенной вехи в истории популяризации письма Белинского к Гоголю, несмотря на своеобразие текста, не менее авторитетного, чем копия Краевского и, тем более, публикация «Полярной звезды», список Чижова не привлек к себе внимания ни исследователей письма, ни его издателей. Он остался неизвестным даже Венгерову, который, устанавливая на основании сравнительного изучения двух списков письма его первую сводную редакцию, ошибочно приписал публикацию Чижова — Пыпину и столь же голословно определил ее как перепечатку из «Полярной звезды»⁹⁶.

Выше мы доказали, что список письма Белинского к Гоголю, опубликованный в «Полярной звезде», является сокращенной редакцией текста документа, приготовленной Чумиковым в 1851 г. для перевода на немецкий и французский языки.

Этот вывод облегчает задачу установления и первоисточника Чумикова, поскольку его список, опубликованный в «Полярной звезде», за исключением всех вариантов, обусловленных целевой установкой его работы и принадлежащих лично ему как редактору («старая школа», «царь», «учит их ругать побольше», изъятие строк о «колуханах», о Некрасове и Анненкове, замена цитаты из «Капитанской дочки» и пр.), оказывается необычайно близким к списку Краевского. Эта текстологическая близость переходит в прямые совпадения целых страниц, на протяжении которых сохраняются в этих списках одни и те же разночтения с текстами других копий письма*.

Противостоя всем остальным копиям письма Белинского, списки Чумикова («Полярная звезда») и Краевского сохранили чрезвычайно мало особенностей текста, характерных для ранних, наиболее близких к автографу Белинского, его воспроизведений. Объясняется это не только явной небрежностью и некультурностью переписчиков (в списке Краевского отсутствуют, например, такие строки, как «довольно она твердила их», «в глубине своей вести»; вместо «апостол невежества» написано «а потом невежества», вместо «не ново» — «не любовь», вместо «отменение телесных наказаний» — «ослабление телесных наказаний» и пр.). Несомненно не исправлен был уже их первоисточник, восходивший к оригиналу письма белинского не по прямой линии, а представлявший собой одну из малограмотных писарских копий, пущенных в оборот петрашевцами весной 1849 г.

Публикация Н. П. Барсуковым списка Краевского не утратила и до сих пор значения как первое в русской легальной печати почти полное воспроизведение текста письма, данное, к тому же, по одной из авторитетных его копий. Текст письма из публикации Барсукова неоднократно цитировался в печати большими кусками⁹⁷ и был перепечатан в двух собраниях сочинений Белинского — издания Павленкова в Петербурге, 1900 г., и Иогансона в Харькове, 1902 г. Оба издания вышли в свет без каких-либо цензурных осложнений.⁹⁸ Однако по прошествии довольно значительного времени, а именно в октябре 1903 г., Департамент полиции обратил внимание на IV-й том издания Иогансона с письмом Белинского к Гоголю. В Главное управление по делам печати был сделан запрос: действи-

* Таковы, например, варианты: «русского самодержавия» (вм. «мрака самодержавия»), «схоластический педантизм» (вм. «теологический педантизм»), «нецеремонную» (вм. «перетоненную»), «великих талантов» (вм. «великих поэтов»), «предосудительный толк» (вм. «превратный толк»), «с отличным умом» (вм. «с отменным умом»), «искренних католиков» (вм. «искренних, фанатических католиков»), «не знали, что говорили» (вм. «не знали, что творили»), «попристальнее» (вм. «пристальнее»), «овладеет» (вм. «овладевает»), «постигает» (вм. «постигнет»), «обличавшим беззакония» (вм. «обличавшим в беззаконии»), «смысл Христова слова» (вм. «смысл учения Христова слова»), «А ведь это теперь не новость» (вм. «А ведь все это теперь вовсе не новость») и т. д.

тельно ли эта книга разрешена к печати, так как в письме Белинского «содержатся чрезвычайно резкие суждения о самодержавии, о православном духовенстве и о политическом строе России вообще, совершенно недопустимые в подцензурной печати»⁹⁹.

Рассмотрение публикации письма в издании Иогансона привлекло внимание и к аналогичной публикации в издании Павленкова. Властями было предпринято по этому поводу расследование. Результатом его было не только наказание цензора, пропустившего в печать крамольный документ, но и специальное секретное постановление Главного управления по делам печати от 12 ноября 1903 г., гласившее: «не допускать на будущее время печатания означенного письма как в отдельных изданиях, так и в собраниях сочинений упомянутого автора, а также не допускать вообще его перепечатки полностью или в извлечениях»¹⁰⁰.

Издание полного текста письма Белинского к Гоголю оказалось возможным в России только после революции 1905 г., в результате временного ослабления царской цензуры. «Свободу печати, обещанную в пределах, дозволенных Треповым, революционный пролетариат раздвигает своей могучей рукой до несколько более широких пределов», — заявлял Ленин в ноябрьские дни 1905 г.¹⁰¹

В числе первых массовых изданий запретных памятников русской литературы было и письмо Белинского к Гоголю¹⁰². Выпуская письмо в свет отдельным изданием, редактор его, Венгеров, писал в предисловии: «Целиком письмо Белинского делается доступным только в настоящем издании, в медовые дни русской самочинной свободы печати»¹⁰³. Вслед за изданием Венгерова, через несколько недель появилось еще одно издание письма, осуществленное в Петербурге В. Яковенко¹⁰⁴, впоследствии запрещенное цензурой.

Но «медовые дни» свободы печати продолжались в царской России недолго. В 1909 г. письмо Белинского было помещено В. Я. Богучарским в его книге «Три западника сороковых годов» (ч. II). Издание это было немедленно арестовано и уничтожено по постановлению Комитета министров¹⁰⁵. А 13 декабря 1913 г. Петербургский комитет по делам печати наложил арест и на упомянутое выше издание письма Белинского, В. Яковенко, 1905 г.; самого же издателя постановил предать уголовному суду за нарушение 73 и 128 статей Цензурного уложения¹⁰⁶. В донесении в Петербургский комитет по делам печати (от 4 января 1914 г.) приведены были наиболее одиозные цитаты из письма Белинского и сделан решительный вывод: «Приведенные выражения, допущенные автором письма к Гоголю по отношению к православной церкви, с одной стороны, и к существующему у нас самодержавию, с другой, являются как поношением церкви православной, так и оказанием дерзостного неуважения к верховной власти и порицанием установленного основными законами образа правления»¹⁰⁷. Отпечатанное в 1914 г. в московской типографии А. Д. Плещеева¹⁰⁸ отдельное издание письма Белинского также было немедленно арестовано Московским комитетом по делам печати, а лица, виновные в издании брошюры, привлечены к судебной ответственности¹⁰⁹.

Только в советскую эпоху письмо Белинского к Гоголю стало доступно всему народу. За годы советской власти оно вышло в свет двадцать четыре раза, в общей сложности (отдельными изданиями и в собраниях сочинений великого критика) более чем миллионным тиражом¹¹⁰.

«Политическое завещание» великого революционного демократа было тем самым сделано достоянием широких масс советских читателей.

Однако наше литературоведение еще далеко не до конца выполнило свой исследовательский долг по отношению к одному из наиболее выдающихся памятников русской революционной мысли. Мы до сих пор не располагаем научно-установленным критическим текстом письма, и по существу

в этом направлении исследователи творчества Белинского еще не работали.

В 1936 г., в связи с 125-летием со дня рождения Белинского, Гослитиздат выпустил отдельное издание письма к Гоголю. Редактор его, Н. Ф. Бельчиков, первый из советских литературоведов, сделал попытку подойти критически к первопечатному тексту письма из «Полярной звезды» и ввел в него дополнения из списка Н. Ф. Павлова. Дополнения эти — выделяем их разрядкой — заключались в двух фразах: 1) «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина» и 2) «Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? — Попов»¹¹¹.

Но по непонятной причине в это издание вкралась странная ошибка — вместо «колуханы, жеребцы» оказалось напечатанным: «брюхаты жеребцы». Еще более непонятно, что вслед за изданием 1936 г. этот несуществующий и бессмысленный вариант был повторен в восьми изданиях письма к Гоголю. Четыре редактора его (Д. Д. Благой, Ф. М. Головенченко, В. С. Спиридонов и В. И. Кулешов)¹¹² повторили, ничтоже сумняшеся, эту неопостижимую ошибку, и никто из них, ссылаясь непосредственно на список Павлова (а не на издание 1936 г.), не нашел нужным познакомиться с подлинником списка (хранящимся в ЦГИА в Москве) и дать текст по первоисточнику!

Ничего не было сделано для установления критически проверенного текста письма и в довольно обширной литературе, появившейся в связи с исполнившимся в 1948 г. столетием со дня смерти критика. Приходится констатировать, что все редакторы изданий сочинений Белинского, выпущенных к этой памятной дате, как бы стоворившись, пошли по линии наименьшего сопротивления и проявили несвойственную советским текстологам небрежность при подготовке к печати самого ответственного документа из литературного наследия Белинского.

В трехтомнике и отдельном издании письма Гослитиздата текст дан по «Полярной звезде» с введением в него произвольного варианта «брюхаты жеребцы» (из издания 1936 г.), без всякого объяснения¹¹³. В двухтомнике «Избранные философские произведения» Белинского точно перепечатан текст из издания 1941 г. (с неверным указанием, что он взят из отдельного издания письма 1936 г.)¹¹⁴. В «Избранных педагогических сочинениях» Белинского дан контаминированный текст, взятый неизвестно откуда (с указанием, что он взят из XI т. Полн. собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, хотя общеизвестно, что в последнее издание письмо Белинского к Гоголю совсем не вошло)¹¹⁵. И, наконец, в книге «Белинский о Гоголе», сост. С. И. Машинским (1949 г.)¹¹⁶, опубликован текст той же «Полярной звезды» с тремя вставками в него из списка Павлова.

Глава VI

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПРОВЕРЕННОГО ТЕКСТА ПИСЬМА К ГОГОЛЮ

Проблема критического текста письма Белинского к Гоголю не могла быть разрешена на основании того незначительного документального материала, которым располагали до последнего времени советские текстологи.

Большие возможности в этом отношении открылись лишь в результате разысканий списков письма Белинского во всех архивохранилищах Москвы и Ленинграда, организованных редакцией «Литературного наслед-

В Рукописном отделении Государственной библиотеки СССР им. Ленина был обнаружен в 1947 г. неизвестный список письма Белинского к Гоголю, условно именуемый нами списком Кетчера. Этот список анонимен. Дата его, видимо, 1848—1849 гг. Он сохранился, вместе с копиями двух писем Гоголя к Белинскому, в тетради из 14 листов, исписанных с обеих сторон, и озаглавлен: «Б..... Г.....». В инвентарной книге, в которой зарегистрирована эта тетрадь в ряду разных поступлений 1922 г., происхождение ее не указано. Однако факт регистрации тетради одновременно с бумагами Н. Х. Кетчера наводит на мысль о принадлежности ее к фонду последнего. Как будущему издателю сочинений Белинского, Кетчеру передавались и уцелевшие письма Белинского, и материалы для его биографии. Несомненно, что в его руках не могло не быть Зальцбрунского письма, и притом, конечно, не какого-нибудь случайного списка, а копии, наиболее близкой к оригиналу¹¹⁷.

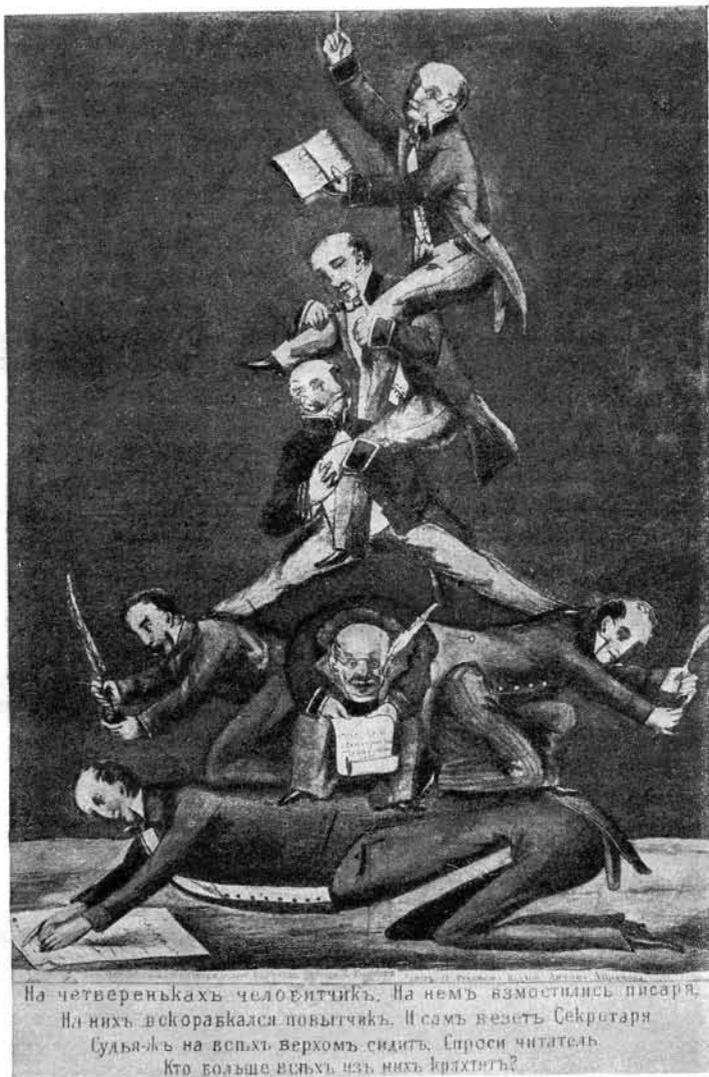
Рядом со списком Кетчера должен быть поставлен, по степени точности и полноты, список, принадлежавший П. В. Анненкову¹¹⁸. Уже самое имя последнего как одного из ближайших приятелей Белинского, непосредственного свидетеля его работы над этим письмом в Зальцбрунне, историка и мемуариста, понимавшего громадное общественное значение этого документа, а потому, конечно, позаботившегося о получении авторитетного его текста, определяет и наше внимание к списку Анненкова. Список этот представляет собой писарскую копию, заказанную Анненковым, видимо, во время его пребывания в Москве зимой 1848/49 г. Изучение списка Анненкова устанавливает, что первоисточником для него послужил список Кетчера. Это доказывается не только почти полным тождеством обоих списков от текста до заключительной даты («Зальцбрунн, 15 июля п. с. 1847 г.»), от совпадающих деталей пунктуации до повторения одних и тех же опусков, но и тем примечательным обстоятельством, что некоторые особенности текста, имеющиеся в списках Кетчера и Анненкова, отсутствуют во всех прочих копиях письма. Что касается различий между списками, то они сводятся лишь к нескольким явным ошибкам копииста Анненкова*.

После того, как списки Кетчера и Анненкова были изучены и определены, как самые ранние и авторитетные, в отделе письменных источников Гос. исторического музея, в архиве декабриста Е. П. Оболенского, был обнаружен новый список письма¹¹⁹. Список этот, как и список Кетчера, входит в тетрадь вместе с копиями писем Гоголя к Белинскому. Тетрадь озаглавлена: «Корреспонденция Г...ля с Б.....м», а внизу той же рукой, которой переписаны все три письма, поставлена дата: «1848 года Декабря 19-го». Таким образом список из архива Оболенского — единственный список 1840-х гг., имеющий точную дату и получающий благодаря этому право на признание его самым старшим из известных нам списков. Дата его — 19 декабря 1848 г. — отделена от смерти Белинского менее, чем полугодом.

По качеству текста список Оболенского близок к списку Кетчера и не имеет с ним ни одного расхождения в ответственных местах. Он отличается от последнего очень небольшим количеством явных опусков и пропусков. Приводим их здесь все: «кровью связанный» вм. «кровно

* Так, например, строка «надежду, честь, славу» передается в списке Анненкова: «надежду, славу»; «самые живые, современные национальные вопросы» — «самые новые современные национальные вопросы»; «вам надо спешить лечиться» — «вам надобно лечиться»; «здорового чутья» — «здорового чутья»; «в Ревизоре и Мертвых Душах» — «в Мертвых Душах и Ревизоре»; «овладеет» вм. «овладевает»; «утешения» вм. «утгнетения»; «поеду» вм. «еду». В строке: «Вы не поняли ни духа, ни формы» в списке Анненкова выпали слова: «христианства нашего времени. Не истиной христианского учения» и пр.

связанный»; «верховного просветления» вм. «духовного просветления»; «положим вы знаете» вм. «положим вы не знаете»; «неужели же» вм. «но неужели же»; «затылок» вм. «задницу»; «у него слишком много бы было» вм. «у него слишком много для этого»; «овладеет» вм. «овладевает»; «постигает» вм. «постигнет»; «писана» вм. «писалась»; «светские силы» вм. «свежие

КАРИКАТУРА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В КРЕПОСТНОЙ
РОССИИ

Литография 1858 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

силы»; «два-три верноподданнических стихотворения» вм. «только два-три верноподданнических стихотворения»; «тогда рассказал» вм. «тогда же сказал»; «памятник всем статьям» вм. «памятнее всеми статьями»; «с одной стороны отзывается страшною гордостью» вм. «отзывается с одной стороны страшною гордостью»; «невежество» вм. «невежливо»; «намерениях» вм. «намерении».

На четвертом месте по авторитетности стоит список А. Н. Плещеева, пересланный им из Москвы Ф. М. Достоевскому, и переданный последним для снятия копии петрашевцу Н. А. Момбелли¹²⁰ (пока невозможно точно определить — экземпляр ли это, присланный Плещеевым, или уже копия, снятая с него П. Е. Филишовым; см. стр. 530).

Список Момбелли совпадает во всех ответственных местах со списками Кетчера, Анненкова и Оболенского и является первоисточником для всех петербургских копий письма Белинского. До сих пор мы располагали только выписками из списка Плещеева, находящимися в обвинительном заключении по его делу. Выписки эти сделаны крайне небрежно. Помимо пропусков слов и целых фраз, в них много грубых искажений текста, например: «кнутобесия» вместо «мракобесия»; «неимоверно выше» вм. «неизмеримо выше»; «свежие мысли» вм. «свежие силы»; «кулака самодержавия» вм. «мрака самодержавия» и т. п.

Подлинник списка, переданного Достоевским Момбелли, представляет собой рукопись, написанную тремя лицами. Все почерки не писарские. Первым почерком написан текст от начала до слов: «Ах ты неумытое рыло» и от слов «Вы сколько я вижу» до конца; вторым почерком от слов: «Да у какого Ноздрева» до «Ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя и еще более как человека»; третьим — несколько строк в середине письма. В списке подчеркнуты карандашом наиболее однозвучные — антиправительственные и антиклерикальные места текста, а именно: «когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность»; «поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности»; далее о торговле людьми, о замене «однохвостого кнута трех-хвостую плетью», все о православной церкви, о «красоте самодержавия», о либеральном направлении и, наконец, слова: «она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности»¹²¹. Поскольку почти все эти подчеркнутые места, вместе с искажениями «кнутобесия» и «кулака», цитируются в обвинительном заключении по делу Плещеева, а также в сводке донесений Антонелли и Липранди, происхождение подчеркиваний определяется с очевидностью: они были сделаны либо в III Отделении, либо в следственной комиссии, в процессе подготовки материалов для следствия и обвинения.

Рядом со списком Момбелли в деле находится и копия, сделанная с него, по заказу последнего, писарем Д. Комаровым. Копия эта интересна для нас только как документ, иллюстрирующий возникновение ошибок в процессе копирования списков письма. Несмотря на хорошее в целом качество копии Комарова, в ней появляются уже существенные различия с подлинником списка Момбелли, как, например: «кровью» вм. «кровно»; «все враги ваши» вм. «враги ваши»; «кнутобесия» вм. «мракобесия» и др.

Списки Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли старше всех известных до сих пор списков письма Белинского, а также полнее и тщательнее их. Переписчики этих списков, избежав в самых ответственных местах ошибок других копиистов письма (и тем самым даже объяснив понимание последних), бережно сохранили все мелкие детали утраченного оригинала, которые или совсем выпали из более поздних, наспех приготовленных, часто под диктовку, копий с копий или оказались затемненными «осмыслениями» случайных переписчиков и толкователей.

Списки Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли дают возможность установить правильное чтение множества слов, пропущенных или искаженных во всех прежних публикациях письма Белинского к Гоголю. Они документируют новое чтение сентенции о русских писателях как «единственных защитниках» от «мрака самодержавия, православия и

народности». Вместо «мрака» в публикации «Полярной звезды» и в списке Краевского читалось «русского». Столь же беспорочен вариант этих списков в строке: «и, если ее принимали же за хитрую, но чересчур перетоненную* прodelку». Во всех прежних публикациях письма эпитет «перетоненную» был обесмыслен искажением «неперетоненную». Полностью оправдывается новыми списками и чтение строки, отсутствовавшей в тексте «Полярной звезды» и искаженной во всех позднейших публикациях письма: «Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? — попов». Слово «колуханы» (или «колыханы», как в списке Краевского), оставшись непонятым редакторами текста письма даже в последних изданиях Белинского, или исключалось, или заменялось произвольным чтением: «брюхаты». (Между тем «калухан» — слово, употребленное Белинским, зафиксировано как верхневолжский диалектизм даже в словаре В. И. Даля: «Налыган — конский барышник; в бранном значении — плут, мошенник») ¹²².

Не перечисляя всех лексических, морфологических, интонационных поправок, вносимых списками Кетчера, Анненкова и Оболенского в общеизвестный текст письма Белинского к Гоголю, отметим лишь наиболее типические из них. Так, строка «А ведь все это теперь вовсе не новость» передавалась до сих пор без слов «все» и «вовсе»; вместо «русских мужиков» писалось и печаталось — «мужиков»; вм. «нельзя умолчать» — «нельзя молчать»; вм. «их выполнение» — «их исполнение»; вм. «по натуре своей» — «по натуре»; вм. «фанатических католиков» — «католиков»; вм. «вовсе не в его натуре» — «не в его натуре»; вм. «по их направлению» — «по направлению»; вм. «только одно» — «одно»; вм. «вы не знали, что творили» — «вы не знали, что говорили»; вм. «скажете вы мне» — «вы скажете»; вм. «так почтенно» — «так почетно»; вм. «гимны устраивают» — «гимн устраивает»; вм. «выразиться» — «выражаться»; вм. «о самом себе как о писателе» — «о себе как писатель»; вм. «отменным умом» — «отличным умом»; вм. «предосудительный» — «превратный»; вм. «восторженных восклицаний» — «восклицаний» и т. д.

Типичной деталью ранних списков являются и обозначения «N» (вместо «Некрасов») и «Зальцбрунн». Во всех более поздних и отдаленных от первоисточника списках вместо «N» и «Зальцбрунн» фигурируют написания «Современник» и «Зальцбург»**.

Как бесспорное свидетельство близости списков Кетчера, Анненкова и Момбелли к подлиннику Белинского должно быть отмечено и наличие в них точной даты автографа: «15 июля н. с. 1847 г.». Указание нового стиля — неизменная принадлежность всех заграничных писем Белинского — не имело, конечно, никакого значения для переписчиков документа, и естественно, что эта помета («н. с.») оторвалась от остального текста письма в первой же стадии его распространения. Наличие отметки «н. с.» в списках Кетчера, Анненкова и Момбелли — признак не только тщательности копииста, но и его уважения к автографу. В списке Оболенского помета «н. с.» отсутствует, но это не снижает его значения, так как по доброкачественности всего остального текста он стоит в ряду списков, наиболее близких к утраченному оригиналу.

Эта близость к оригиналу Белинского и гарантировала названные списки от тех грубых искажений текста письма, которыми испещрены были все прочие копии.

Итак, в основу предлагаемого нами критического текста письма Белинского к Гоголю положен список Кетчера, как наиболее

* В списке Момбелли описка: «перетоненную».

** В списке Момбелли описка: «Зальцбрук». Отметка «Зальцбрунн» в «Полярной звезде» является, повидимому, поправкой Герцена, а не особенностью списка Чумикова.

авторитетный, с исправлением в нем явных ошибок, опуск и пропусков по спискам Оболенского, как одного из самых ранних, и Момбелли, как современного им и достаточно авторитетного.

Исправления эти таковы: «и если ее принимали» (Момбелли; также — Павлов, Щукин) вм. «и если ее приписали»; «со своими крестьянами» (Момбелли) вм. «с своими крестьянами»; «смысл учения Христова» (Момбелли; также — Краевский) вм. «смысл учения Христова слова»; «никогда ничем» (Момбелли; также — Рогожин) вм. «никогда и ничем»; «своими сочинениями» (Момбелли) вм. «своим сочинением»; «когда тот, кто» (Момбелли) вм. «когда тот, который»; «почему у нас так легок литературный успех» (Оболенский, Момбелли; также — Забелин, Рогожин) вм. «почему у нас легок литературный успех»; «их энтузиазм» (Оболенский; также — Забелин) вм. «энтузиазм».

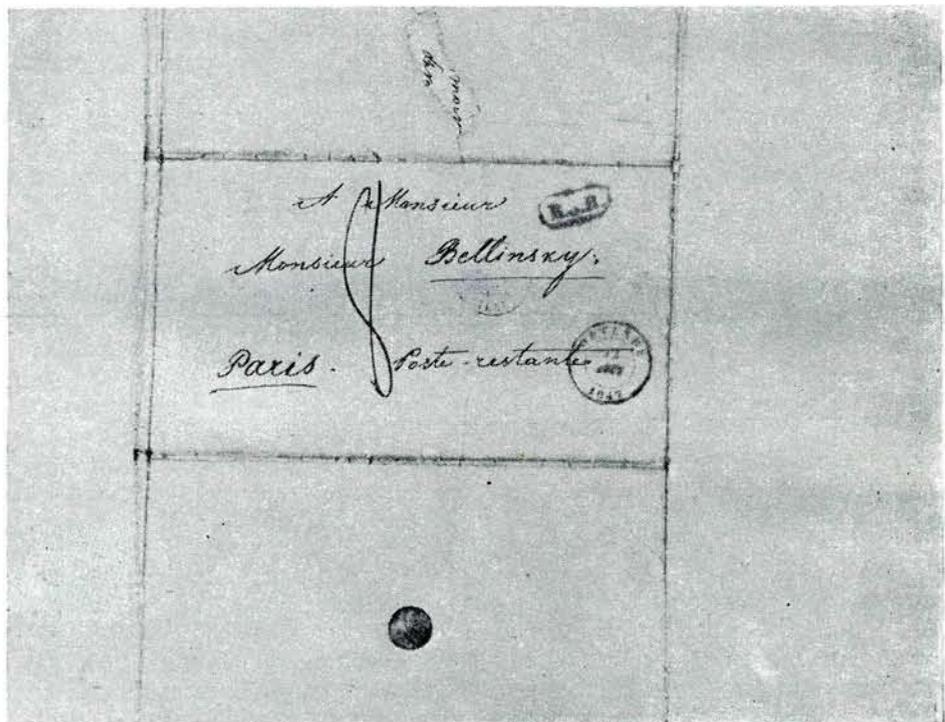
Перечисленные исправления (конъектуры), сделанные нами в восьми местах, внесены в текст списка в результате анализа стиля и содержания письма Белинского к Гоголю. Строка «только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто» <разрядка наша.— К. Б.> исправлена нами не потому только, что она такова в списке Момбелли, а потому, что это — перифраза Белинским письма Гоголя к С. С. Уварову от 2 мая 1845 г. и проекта всеподданнейшего письма 1847 г., где сказано именно «своими сочинениями» и «тот, кто»¹²³.

Незначительность и случайность всех дефектов текста письма Белинского к Гоголю в копиях Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли наглядно подтверждается сравнением с ними даже родственных им списков. Так, например, в копии Н. Ф. Павлова¹²⁴, датированной 1849 г., искажены были, сбиваясь местами на пересказ, даже центральные политические формулировки письма. Строки: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» — в списке Павлова передавались в следующей сокращенной и извращенной редакции: «Национальные вопросы в России: 1) уничтожение крепостного имущества, 2) отменение телесного наказания, 3) введение по возможности строгого выполнения тех законов, которые уже есть».

В списке Павлова отсутствовали такие строки, как: «Но смысл учения Христова слова открыт философским движением прошлого века», «Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику». Вместо «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» в списке Павлова читалось: «Ноздрев, Городничий»; вм. «действительно не совсем лестным» — «не совсем лестным»; вм. «под покровом» — «под покровительством»; вм. «самого большого» — «большого»; вм. «только как художника» — «как художника»; вм. «и навозе» — «и неволе»; вм. «права и законы» — «правительство и законы»; вм. «неужели вы искренно» — «вы искренно»; вм. «ясности и положительности» — «яснее и положительнее»; вм. «нетерпимости и фанатизма» — «нетерпимости»; вм. «подобных убеждений» — «ваших убеждений»; вм. «затмили» — «заменяли»; вм. «великих поэтов» — «всяких поэтов»; вм. «камер-юнкерскую» — «камергерскую»; вм. «самодержавия, православия и народности» — «православия и народности»; вм. «цинически-грязно» — «ученически грязно»; вм. «сегодня же еду» — «поеду сегодня»; вм. «и Некрасов» — «и „Современник“». Очень характерна для копии Павлова произвольная перестановка слов (вм. «нашли общего» — «общего нашли»; вм. «близких к вам» — «к вам близких»; вм. «вполне исчерпано» — «исчерпано вполне» и т. п.), замена одних глагольных форм другими (вм. «написали бы вы» — «писали бы вы»; вм. «надо спешить» — «надобно поспешить»; вм. «приглядитесь» — «приглянитесь»; вм. «овладевает» — «овладеет»; вм. «передавши» — «передавая»;

вм. «не хотят»—«не хотеть»; вм. «ошибался»—«ошибаюсь» и т. п.); произвольная замена союза «и» запятой (вм. «здравым смыслом и справедливостью» — «здравым смыслом, справедливостью»; вм. «чорта и ада» — «чорта, ада» и т. д.).

Список Павлова — один из типичных массовых списков, стоящих на грани полной деформации текста. Мы остановились подробно на особенностях его вариантов только затем, чтобы резче оттенить его отход от текстов Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли, более тесно и непосредственно связанных с первоисточником, восходящим к оригиналу Белинского.

АВТОГРАФ ОТВЕТНОГО ПИСЬМА ГОГОЛЯ БЕЛИНСКОМУ ОТ 10 АВГУСТА 1847 г.

Находится в «деле» Н. Ф. Павлова

Последний лист письма с адресом на французском языке; направлено Белинскому в Париж;
Центральный исторический архив, Москва

Все прочие рассматриваемые нами далее списки, независимо от времени их составления, степени авторитетности и характера отступлений от оригинала, объединяются в группу списков смешанного типа, сочетающих в себе особенности копий Кетчера и Момбелли (т. е. московское и петербургское происхождение).

В Гос. историческом музее находятся еще два списка письма Белинского к Гоголю, по своему типу примыкающих к списку Кетчера. В них точно переданы строки о полах и сохранены варианты «перетоненную», «мрака самодержавия», «N.» (т. е. Некрасов, а не «Современник»).

Лучший из них — автограф историка И. Е. Забелина¹²⁴, представляющий собою тетрадь (без обложки, на 18 лл.) с копией всей переписки Белинского с Гоголем. В списке Забелина встречается очень небольшое количество описок. Вот наиболее существенные из них: «приписали» вм.

«принимали»; «только нечем откупиться» вм. «нечем откупиться»; «она ведь всегда была» вм. «она всегда была»; «непогрешительную истину» вм. «неоспоримую истину»; «выражаться» вм. «выразиться»; «Зальцбург» вм. «Зальцбрунн» (в обоих случаях) и т. д.

Второй список из собрания купца-коллекционера Н. П. Рогожина¹²⁵. Тетрадь (без обложки, на 6 лл.) с копией также всей переписки Белинского с Гоголем. Список сделан довольно небрежным почерком и обладает значительно бóльшим количеством пропусков и опусок, чем забелинский, хотя в нем и сохранилась пометка «н. с.». Например: «приняли» вм. «принимали»; «она их слышала» вм. «она слышала их»; «она их твердила» вм. «она твердила их»; «императоры» вм. «плантаторы»; «ваньками, васьками, палашками» вм. «Ваньками, Шешками, Васьками, Палашками»; «всех в негодование» вм. «меня в негодование»; «гонителем» вм. «гонительницею»; «овладеет» вм. «овладевает»; «постигает» вм. «постигнет»; «книга писалась <...> два или три года» вм. «год, два или три»; «смысл» вм. «толк»; «в своих писателях» вм. «русских писателях»; «шпионы» вм. «Шпекины», «Зальцбург» (в обоих случаях) вм. «Зальцбрунн» и «15 июня» вм. «15 июля».

Признаки деформации, резко обнаружившиеся в копии Павлова, характерны и для списка письма Белинского, сохранившегося в архиве М. И. Пущина¹²⁷. Этот список также генетически связан с копией Кетчера. В инвентарных описях список Пущина датируется концом 1840-х годов. Эта датировка, конечно, очень условна и не имеет серьезного значения, ибо исключительная небрежность переписчика очень суживает возможности правильного учета его вариантов. Так, например, бережно сохраняя контуры ранних списков письма, повторяя даже такую характернейшую опуску копии Анненкова, как пропуск нескольких слов в сентенции о «духе и форме христианства нашего времени», список Пущина некоторыми своими разночтениями уже близок к копиям Краевского и Чицова («просвещение» вм. «просветление»; «Зальцбург» вм. «Зальцбрунн»). Точная передача деталей списков Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли сочетается в копии Пущина с грубейшими искажениями («Да, я люблю вас» вм. «Да, я любил вас»; «папы, архимандриты» вм. «попы, архиереи»; «непристойную» вм. «похабную»; «заступников» вм. «защитников»; «атеизму» вм. «китаизму»; «рабскими» вм. «робкими»; «я ошибаюсь в моих о вас понятиях» вм. «я ошибался в моих о вас заключениях» и т. д.).

К группе московских списков, близких по типу к списку Кетчера, принадлежит и позднейшая копия, видимо 1860-х годов, из собрания В. Ф. Груздева¹²⁸. О близости этого списка к первым свидетельствуют аналогичные чтения в них ряда мест: «орудием насмешки потушивший»; «по Христу»; «А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста»; «Кого русский народ теперь называет дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов»; «фанатических католиков»; «теологическим педантизмом»; «великих поэтов»; «мрака самодержавия»; «отменным умом»; «восторженных восклицаний»; «N» (а не «Современник»); «Зальцбрунн» (при дате, в тексте письма ошибочное: «Зальцбург») и др. Наряду с достоинствами, указывающими на доброкачественное происхождение списка Груздева, в нем встречается большое число пропусков и искажений текста. Искажения эти таковы: «пересоленную» вм. «перетоненную»; «Пашками» вм. «Палашками»; «агенту из помещиков» вм. «адепту из помещиков»; «мраколюбия» вм. «мракобесия»; «сродницей деспотизма» вм. «угодницей деспотизма»; «ваши папы» вм. «ваши попы»; «то толстыми брюхами, то теологическим педантизмом, то диким невежеством» вм. «толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством»; «великую и непогрешительную истину» вм. «как великую и неоспоримую истину»; «торжественности» вм. «тождественности»; «пассивного благочестия»

вм. «наивного благочестия» и т. д. Пропущены копиистом иногда слова, как: «только как художник», «не в мистицизме», «глубоко-истинными», «принципа ортодоксии», «духовенства всегда», «ваш византийский бог», «чувства самодовольства» и др.

Довольно близок к спискам Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли, несмотря на элементы некоторой деформации, список письма Белинского из собрания П. И. Щукина¹²⁹.

Список этот поздний. Его дата — начало 1854 г., но в нем сохранились некоторые характерные черты самых ранних и авторитетных копий (например: «мрака самодержавия», «перетоненную проделку», «по Христе» и т. д.). Наряду с этим в щукинском списке вместо «Зальцбрунн» появляется «Зальцбург», «N» (Некрасов) неправильно расшифровывается как «Современник», а о небрежности копииста свидетельствует обилие таких искажений, как «бедных негров» вм. «белых негров»; «куческого права» вм. «крепостного права»; «цинически-грозно» вм. «цинически-грязно»; «истинную добродетель» вм. «истину и добродетель»; «затоптанного» вм. «потерянного»; «покорным унижением» вм. «позорным унижением»; «ско-там» вм. «сатане» и пр.

Одним из интересных списков является список Н. Я. Колобова¹³⁰. В основу его явно положен текст, совпадающий с копиями Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли. Но текст этот испорчен искажениями, пропусками и произвольными домыслами копиистов (и возможно не в одной стадии копирования). Искажения эти таковы: вм. «чтобы я считал» написано «что я считал бы»; вм. «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» — «Ваш Чичиков, Ноздрев, Городничий»; вм. «перетоненную» — «переточенную»; вм. «самосознанию» — «самопознанию»; вм. «высокое» — «всякое»; вм. «не организовалось в церковь и не приняло» — «не организовалась церковь и не приняла»; вм. «потушивший» — «нарушивший»; вм. «светской власти» — «зверской власти»; вм. «смело дошли» — «и если еще не дошли»; вм. «отстаивали» — «оставили»; вм. «Пушкина, литературу» — «русскую литературу»; вм. «смирение» — «служение»; вм. «с Анненковым» — «в Англию» и т. д.

Наряду с этими искажениями в списке Колобова встречается множество пропусков, сделанных явно по небрежности или непониманию копииста. Например, пропущены слова: «привыкли», «предметы такими, какими нам хочется их видеть», «тревожно», «и мракобесия, панегирист», «Шпекины» и т. д. Но о доброкачественной текстовой основе списка Колобова говорят многократные совпадения его со списками Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли в таких ответственных местах, как: «огромные корпорации», «неумытыми рылами», «неумытое рыло», «и без того потому и не умываются», «колуханы», «превратный толк», «готовая простить», «Ваша книга испугала» и др.

На близость этого списка к копиям Кетчера, Анненкова, Оболенского и Момбелли указывают и отсутствие в нем неправильной расшифровки «N» как «Современник» и дважды правильно повторенное слово «Зальцбрунн». Ошибка «в Англию» вместо «с Анненковым» делается понятной, если мы сравним это место с копией Оболенского или Забелина, где фамилия Анненкова сокращена — «Ан.», и поэтому осмыслена переписчиком как «в Англию».

Особенно близки к списку Момбелли по своим текстологическим особенностям, хотя и с многочисленными искажениями, копии письма Белинского в собраниях А. А. Краевского, Б. Э. Нольде, М. И. Семевского, в рукописном сборнике 1857—1858 гг. и в публикациях «Полярной звезды» и В. П. Чижова.

Список из собрания Б. Э. Нольде, поступивший в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде)

в 1919 г., не датирован, и происхождение его неизвестно. Бумага калужской фабрики И. Аристархова (та же, что и в списке Кетчера) позволяет отнести его к концу 1840-х — началу 1850-х годов. Как признак более поздних списков в копии Нольде надлежит отметить неполноту датировки (отсутствие отметки «и. с.»), двукратное «Зальцбург» (вместо «Зальцбрунн»), исправление первоначально написанного «N» на «Современник». Список сделан, видимо, с очень неисправного оригинала и сочетает искажения первоисточника с новыми ошибками копииста. Однако он имеет следы позднейших исправлений. Так, произвольная вставка не принадлежащих Белинскому слов о том, что «Пушкин, литература и театры <...> не только не полезны русскому народу, но даже могут служить к его гибели», выправляется в списке позднейшей карандашной вставкой, точно передающей подлинник: «Нисколько не могут служить к спасению души, но даже могут служить к ее гибели». Домыслы копииста получают здесь отражение и в других отступлениях от оригинала. Так, вместо «она» (т. е. Россия, в известной строке «ей нужны не проповеди, не молитвы») появляется двукратное «мы»: «довольно мы слышали их!», «довольно мы твердили их!» Вместо «Чичиковы, Ноздревы, Городничие» в списке оказываются — «Ваши Чичиковы» и пр.; «неумытое рыло» заменяется «невмытым рылом»; в сентенции «это теперь не новость для всякого гимназиста» вм. «гимназиста» мы читаем «студента»; вм. «колуханы» — «шелыганы»¹³¹; вм. «похабную сказку» — «соблазнительную сказку»; вм. «в ложном отношении» — «в ложном положении»; вм. «у него есть будущность» — «у нас есть будущность»; вм. «у русского человека» — «у русского общества»;

ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТНОГО ПРИСТАВА В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Акварель П. А. Федотова, 1837 г.

Третьяковская галерея, Москва

вм. «тяжко зрелище угнетения» — «тяжело зрелище унижения» и т. д. Несколько десятков пропусков, опусок и произвольных перестановок слов свидетельствуют о небрежности копииста списка Нольде в такой же степени, как прямые искажения текста подтверждают неисправность его оригинала¹³².

Однако наряду с этим список Нольде дает варианты, характерные как для самых ранних списков письма Белинского, так и для позднейших его искаженных копий. К числу первых относятся такие чтения, как «мрак самодержавия», «перетоненная проделка», «она не так красива и не так безопасна». К числу вторых принадлежат мелкие варианты, роднящие список Нольде с копиями Краевского и публикацией «Полярной звезды» и отсутствующие в более авторитетных списках.

Близок к списку Нольде список из собрания М. А. Васильева, 1850-х годов¹³³, — одна из типичных копий петербургского происхождения, идущих от списка Момбелли. Текст списка Васильева испорчен явными опусками, пропусками, перестановками и домыслами копииста. Так, например, вм. «истину и добродетель» в списке Васильева написано: «истинную добродетель»; вм. «не смею досказать» — «не умею досказать»; вм. «угодницей деспотизма» — «поборницей обскурантизма»; вм. «положительности в уме» — «положительности в душе»; вм. «диким невежеством» — «одним невежеством»; вм. «набожного автора» — «небогатого автора»; вм. «подобных убеждений» — «последних убеждений»; вм. «унижения» — «утеснения»; вм. «вашим сочинениям в России» — «вашим произведениям на Руси»; вм. «мишуру эполет» — «славу эполет»; вм. «тамошние Шпекины» — «там есть люди»; вм. «Зальцбруни» — «Зальцбург».

Встречаются в списке Васильева и добавления новых, ранее не известных слов. Например: вм. «не в его натуре» — «не в его духе, не в его натуре»; вм. «признаться» — «признаться сказать»; вм. «великий писатель» — «ее великий писатель» и др. Но ряд ответственных мест в тексте письма Белинского в списке Васильева передан, как и в наиболее авторитетных списках: «мрак самодержавия», «перетоненная проделка», «Некрасов» (а не «Современник»). Несколько изменена в списке Васильева строка о полах: «Кого русский народ называет дурьей породой, шалыганями, жеребцами? — попов». Датировка письма совсем выброшена копиистом.

Того же типа, что и последние копии, списки В. П. Чижова и М. И. Семевского. На первом из них (точнее, о тех цитатах, которые только и дошли до нас из этого списка) мы говорили уже в обзоре первопечатных текстов письма Белинского. Список же М. И. Семевского, датированный переписчиком «12 августа 1853 г.», восходит к хорошему оригиналу, но особой тщательностью не отличается¹³⁴. Ручкой М. И. Семевского в нем сделано много уточнений, но работа эта не доведена им до конца. В списке сохранилась точная дата оригинала письма «июля 15 (нового стиля)», первоначальное «N» (вместо «Некрасов»), но уже вместо «мрака самодержавия» оказалось «русского самодержавия» (как в списке Краевского и в публикации «Полярной звезды»), вм. «перетоненную» — «нецеремонную» (как в тех же источниках), вм. «Зальцбруни» — «Зальцбург»; вм. «почесывающая себе» — «почесывают у себя»; вм. «никогда не видели» — «не видели»; вм. «о себе как о писателе» — «о себе как писатель» и т. д.

В рукописном сборнике 1857—1858 гг.¹³⁵ находятся три выписки, содержащие наиболее острые антиправительственные места из письма Белинского к Гоголю. Выписки эти таковы: 1) с начала письма до слов: «апатическом полусне»; 2) со слов: «Проповедник кнута» до «перед нею числительно» и 3) со слов: «Вы сколько я вижу не совсем хорошо понимаете русскую публику» до «падению Вашей книги». Совершенно очевидно, что владелец сборника пользовался для своих выписок копией письма смешанного типа, совпадающей со списками и Момбелли, и Анненкова, и Пущина.

и Нольде. Со списком Момбелли совпадают следующие варианты: «хорошо вам» вм. «вам хорошо»; «принимали» вм. «приписали» и др. Со списком Анненкова: «любовь мою» вм. «любовь свою»; «выполнение» вм. «исполнение» и др. Со списком Пущина: «она их слышала» вм. «она слышала их»; «сочинения» вм. «стихотворения» и др. Со списком Нольде: «шалыганы» вм. «колуханы». В выписках неизвестного лица встречается порядочное число пропусков (например: «человек», «хоть на минуту», «для всех русских» и т. д.) и изредка явные описки, вызванные небрежностью переписчика (например: «помолчать» вм. «промолчать»; «барометр» вм. «характер»; «простую книгу» вм. «плохую книгу» и др.). В этих выписках из письма Белинского мы находим и совершенно новые для нас словосочетания, как: «под защитой религии и покровом кнута» вм. «под покровом религии и защитой кнута»; «ни личности, ни чести, ни собственности» вм. «для личности, чести и собственности»; «татарских прав» вм. «татарских нравов»; «Но зачем вы примешиваете тут Христа? Что вы находите» вм. «Но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли»; «Церковь же является» вм. «Церковь же явилась»; «духовенство народное» вм. «духовенство»; «и в уме и воле» вм. «в уме»; «исторической судьбы» вм. «исторических судеб»; «и в духовенстве» вм. «к духовенству»; «грубым невежеством» вм. «диким невежеством»; «проявляется» вм. «проявилась»; «с меньшею резкостью» вм. «менее резко»; «книги вредной» вм. «зловредной книги».

Очень далек от первоисточника список письма Белинского, находившийся в Премухинском архиве Бакуниных¹³⁶. Его неточности и пропуски — результат как неисправности его оригинала, так и малограмотности переписчика. Так, например: вместо «перетоненную проделку» в копии Бакуниных написано «пересоленную проделку»; вм. «апатическом полусне» — «стратегическом полусне»; вм. «теологический педантизм» — «педагогический педантизм»; вм. «неумытые рыла» и «неумытое рыло» — «неумытые рожи» и «неумытая рожа»; вм. «во всеобщем презрении у русского общества и русского народа» — «в презрении общественном у русского народа»; вм. «опорою кнута» — «подпорою кнута»; вм. «адепту из помещиков» — «одному из помещиков»; вм. «приняло за основание принцип ортодоксии» — «приняло за правило ортодоксию церкви».

Некоторые искажения бакунинского списка совпадают с описками в копии Краевского («а потом невежества» вм. «апостол невежества»; «просвещения» вм. «просветления»). В то же время один из вариантов: «ш... жеребцы» явно восходит к списку Нольде («шалыганы, жеребцы» вм. «колуханы, жеребцы»). Список Премухинского архива не имеет двух последних слов письма и даты. Рукой переписчика помечено: «окончания нет».

Мы не вправе считать вопрос о критическом тексте письма Белинского к Гоголю до конца разрешенным в настоящем издании. Конечно, находки еще более авторитетных списков письма могут уточнить некоторые детали текста, но на данном этапе изучения письма разрешить этот вопрос иначе представляется невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. А. Некрасов. Газетная. — Полн. собр. соч. и писем. Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Егорова и К. И. Чуковского. Т. II, М., 1948, стр. 222.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 223—224.

³ А. И. Герцен. Былое и думы. — «Русские тени. Н. И. Сазонов». — Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 575.

⁴ Письмо к К. С. Аксакову 17 сентября 1856 г. — «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, стр. 281.

⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, Пг., 1922, стр. 378.

⁶ Н. А. Добролюбов. Дневник. Запись 17 января 1857 г.—Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 456.

⁷ Н. А. Добролюбов. «Сочинения В. Белинского».— Там же, т. II, М., 1935, стр. 471.

⁸ Н. А. Добролюбов. «Темное царство».— Там же, стр. 84.

⁹ Н. А. Добролюбов. «Сочинения В. Белинского».— Там же, стр. 471.

¹⁰ Газ. «Новая Русь» от 17 мая 1909 г.

¹¹ М. Антонович. Воспоминания по поводу чествования памяти В. Г. Белинского.— «Русская мысль», 1898, № 12, отд. II, стр. 6.

¹² «Дежурный у тумбочки сидит, какую-то книжицу читает. И до того зачитался, что зайди в то время сам генерал, и то бон, видать, не оторвался от чтения <...> Развернул книжицу, а это письмо Белинского к Гоголю.

Я его раз прочитал, два прочитал, три... и так с тем письмом больше не расставался. Вот однажды в походе в седле сижу и „Письмо к Гоголю“ читаю. А впереди меня полковник едет. Доехали к речке. Лошадь моя сразу возьми да и остановись. Я из седла прямо в воду бултыхнулся. А гоголевское письмо из рук выпало и вниз поплыло, мимо полковника. Полковник понял, что я зачитался, и спрашивает:

— Что читали, фельдфебель?

— Отче наш, господин полковник,— вытянулся я.

— А ну-ка, дайте, я взгляну.

Я догнал книжицу, поймал и полковнику подал.

Он посмотрел и десять суток гауптвахты мне дал. В те времена письмо это, как бельмо на глазу, у буржуев сидело. (Рассказ фельдфебеля. Записал Н. Химченко в с. Бардинка Бессоновского р-на Пензенской обл. от Ф. К. Федулеева, 60 лет.— «Земля родная». Лит.-худ. альманах, кн. III, Пенза, 1948, стр. 97).

¹³ «Белинский был тем, что я позволяю себе назвать центральной натурой; он всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне...» (И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— Соч., т. XI, Л., 1934, стр. 402).

¹⁴ Г. В. Плеханов. Белинский и разумная действительность.— Соч., изд. 2-е, т. X, М.—Л., 1925, стр. 251.

¹⁵ Г. В. Плеханов. В. Г. Белинский.— Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 167.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 5, М., 1946, стр. 342.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, М., 1948, стр. 286.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «О „Вехах“».— В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, стр. 107.

²⁰ «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», М., 1909, стр. 56.

²¹ Там же, стр. 56.

²² «Творческое самосознание».— Там же, стр. 82.

²³ Там же, стр. 163.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, прим., стр. 421.

²⁵ Там же, стр. 108.

²⁶ «Из прошлого рабочей печати в России». Впервые в спец. выпуске «Рабочий», 1914, № 1 от 22 апреля; В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 223—224.

²⁷ А. А. Жданов. О журналах «Звезда» и «Ленинград», М., 1946, стр. 23.

²⁸ И. В. Сталин. 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, М., Госполитиздат, 1947, стр. 30.

²⁹ «Северная пчела», 1846, № 293 от 31 декабря.

³⁰ «Современник», 1847, № 2; X, 435—455.

³¹ П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1838—1848, гл. XXXV.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 581—582.

³² Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. IV, стр. 44—45.

³³ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 598.

³⁴ А. И. Герцен. Былое и думы.— «Русские тени. Н. И. Сазонов».— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 27, 580.

³⁵ Там же, стр. 580.

³⁶ А. И. Герцен. Избранные сочинения, М., ГИХЛ, 1937, стр. 398. Ср. кн. Я. Е. Эльсберга. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, М., 1948, стр. 291.

³⁷ См. письмо Белинского к жене от 3—4 августа н. с. 1847 г.— «Письма», III, 249.

³⁸ См. письмо Белинского к жене от 5 июня/24 мая 1847 г.— «Письма», III, 214.

³⁹ Ю. Г. Оксман считает, что в «Двух помещиках» Тургенев пародирует некоторые страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями» (Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. I, Одесса, 1921, стр. 6).

⁴⁰ Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. I, Одесса, 1921, стр. 6. Ср. статью М. К. Клемана «Программы „Записок охотника“».— Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, вып. XI, 1941, стр. 89.

⁴¹ «Два помещика» намечались для публикации Тургеневым в «Иллюстрированном альманахе» Некрасова 1847 г., не вышедшем в свет из-за цензурных условий. Папечатаны они впервые в отдельном издании «Записок охотника» 1852 г.

⁴² «Дневник В. С. Аксаковой», СПб., 1913, стр. 42.

⁴³ «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 548.

⁴⁴ К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Собр. соч., т. III, СПб., [1899], стб. 1094.

⁴⁵ Местонахождение автографа письма Белинского, полученного Гоголем, никогда не было известно. Возможно, что сам Гоголь уничтожил письмо или потерял его во время своих поездок.

⁴⁶ Об ощущении Белинским приближающейся смерти говорят очевидцы. См. письмо Т. Н. Грановского к жене от 28 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 273) и «Воспоминание о Белинском» И. И. Панаева (в его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 511, 513).

⁴⁷ Письма Т. Н. Грановского к жене от 28 и 29 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 273 и 274).

⁴⁸ К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.— Собр. соч., т. III, СПб., [1899], стб. 1094.

⁴⁹ И. И. Панаев. Воспоминание о Белинском.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 514.

⁵⁰ П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1838—1848, гл. XXXV.— В его кн. «Литературные воспоминания», Л., «Academia», 1928, стр. 552.

⁵¹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, стр. 290—291.

⁵² А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжина. Пг., 1917, стр. 110—111.

Этот факт подтверждает наше предположение о передаче Белинским копии письма в Москву.

⁵³ «Полярная звезда на 1862 год», кн. VII, вып. 1, стр. 71; «Петрашевцы», М., 1907, стр. 39.

⁵⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин. Воспоминания.—Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 67, № 4, 1900, стр. 24—25.

О встречах в это время Плещеева с Грановским и П. Н. Кудрявцевым см. его письмо к Ф. М. Достоевскому от 14 марта 1849 г. («Голос минувшего», 1915, № 12, стр. 60—61, 66).

⁵⁵ Ешевский Степан Васильевич (1829—1865) — историк. С 1847 г. студент Московского университета. Работать начал под руководством П. Н. Кудрявцева. Кандидатская диссертация его обратила на себя внимание Грановского. Характерно, что и у второго ученика Грановского—И. Е. Забелина был список письма Белинского. См. стр. 558—559.

⁵⁶ ЦГИА, ф. III Отд., 1-я экзп., № 214, ч. 14, 1849 г., л. 163 об.

⁵⁷ «Петрашевцы». Сборник материалов. Ред. П. Е. Щеголева, т. III, М.—Л., 1928, стр. 205.

⁵⁸ Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 136.

⁵⁹ «Петрашевцы», т. III, стр. 183.

⁶⁰ Там же, стр. 188.

⁶¹ «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 425.

⁶² «Петрашевцы», т. III, стр. 201. В «Выписке из списка лиц, посещавших с 11 марта сего года собрания Петрашевского по пятницам», сказано, что письмо Белинского «принадлежит Филиппову» (Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 71).

⁶³ П. М. Ковалевский. Встречи на жизненном пути. I. Е. П. Ковалевский.— В кн. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. С прил. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского, Л., 1928, стр. 319.

⁶⁴ А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890. Гл. «Федор Михайлович Достоевский», стр. 183—184.

⁶⁵ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. I, «Детство и юность (1827—1855 гг.)», Пг., 1917, стр. 206.

⁶⁶ А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Вступ. статья, ред. текста и коммент. К. Чуковского. М., 1948, стр. 189.

⁶⁷ Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 99. Ср. «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 100 и 213.

⁶⁸ ЦГИА, 1-й секретный архив, д. № 99 Б. Донесения Липранди, т. I, лл. 153 и 156. Сообщено Я. Э. Черняком.

⁶⁹ «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 344.

⁷⁰ Д. Д. Ахшарумов. Записки петрашевца, М.—Л., 1930, стр. 27.

⁷¹ Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузмина.— «Русская старина», 1895, № 3, стр. 78 и 83. Ср. «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 236.

- ⁷² Н. Д. Языков, поручик Ген. штаба.
- ⁷³ «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 230.
- ⁷⁴ «Петрашевцы», т. III, стр. 207—208.
- ⁷⁵ «Дело петрашевцев», т. I, 1937, стр. 332.
- ⁷⁶ «Петрашевцы», т. III, стр. 88, 185, 189, 200, 208; Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, стр. 173.
- ⁷⁷ ЦГИА, ф. III Отд., 1-я эксп., 1853 г., д. № 75, приложения: «Бумаги, принадлежащие г. Павлову, требующие особого объяснения» (Шифр 266/47 б). Материалы о распространении письма Белинского к Гоголю, оказавшиеся в этом «деле», впервые введены в научный оборот Я. З. Черняком в статье «Письмо Белинского к Гоголю» («Красная новь», 1936, № 7, стр. 233—234). Приносим глубокую благодарность Я. З. Черняку, предоставившему нам эти материалы. Автограф ответного письма Гоголя к Белинскому, оказавшийся в этом же деле, опубликован Р. Канторов в «Красном архиве», 1923, кн. III, стр. 309—311.
- ⁷⁸ Имя Н. М. Горлицына как переписчика письма Белинского к Гоголю, обнаруженного в бумагах Н. Ф. Павлова, названо в первом же рапорте на имя московского военного генерал-губернатора от 17 января 1853 г. о результатах обыска в квартире Павлова (д. № 75, лл. 13—14).
- ⁷⁹ Д. № 75, приложения, лл. 18—19 об. Ср. «Красный архив», 1923, т. III, стр. 311.
- ⁸⁰ Показания Н. М. Горлицына в д. № 75, лл. 28—28 об., 30—30 об.
- ⁸¹ Показания К. К. Павловой в д. № 75, лл. 36—37.
- ⁸² Николай Алексеевич Северцов (1827—1885), в это время молодой ученый, впоследствии знаменитый зоолог и путешественник; брат его Александр Алексеевич — историк (Материалы об обоих братьях в эпоху 1840-х годов см. в кн. Л. Б. Северцовой «А. Н. Северцов», М.—Л., 1946, стр. 15—21).
- ⁸³ Показания Н. А. и А. А. Северцовых в д. № 75, лл. 34 и 35—35 об.
- ⁸⁴ «Петрашевцы», 1928, т. III, стр. 213.
- ⁸⁵ «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, СПб., 1896, стр. 455.
- ⁸⁶ «Полярная звезда» на 1855 год, кн. 1, стр. X; Полн. собр. соч. и писем Герцена. Т. VIII, Пг., 1917, стр. 205—206.
- ⁸⁷ Центральный гос. архив Октябрьской революции. Герцено-Огаревская коллекция, № 132. Принадлежность А. А. Чумикову этого анонимного документа, обнаруженного С. А. Макашиным, установлена Я. З. Черняком. Анонимные публикации А. А. Чумикова в газете «Das Ausland» выявлены С. А. Рейсером. Ответные письма Герцена к Чумикову см. в Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. VI, Пг., 1917, стр. 427—432. Для характеристики А. А. Чумикова (1819—1859) интересны записи в дневнике Н. А. Добролюбова. См. также прим. Ю. Г. Оксманна к Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова, т. III, М., 1936, стр. 665—666.
- ⁸⁸ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1917, стр. 466, 522.
- ⁸⁹ Определение списка письма Белинского к Гоголю, опубликованного Герценом в «Полярной звезде» как сокращенного варианта, приготовленного для перевода, а не для издания на русском языке впервые сделано Ю. Г. Оксманом в докладе «Письмо Белинского к Гоголю», прочитанном в Институте истории АН СССР 10 марта 1948 г.
- ⁹⁰ Грановский — Кавелину 2 окт. 1855 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 456).
- В архиве Н. И. Сазонова (ЦГЛА, ф. 476, оп. 1, № 7) хранится список переписки Белинского с Гоголем из «Полярной звезды». Первое письмо Гоголя скопировано полностью. Ответ Белинского оборван после слов: «Не есть ли поп на Руси <...> И будто всего этого вы не знаете? Странно!» На рукописи помета карандашом: «Писано сыном Алексеем под диктовку Н. М. Сатина». Но судя по точности копии, даже в соблюдении расположения строк, из «Полярной звезды», надо думать, что надпись эта ошибочна.
- В архиве П. А. Картавова (Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина) также имеется копия переписки Белинского с Гоголем из «Полярной звезды».
- Эти примеры подтверждают наше предположение о роли «Полярной звезды» в популяризации письма Белинского к Гоголю в России.
- ⁹¹ Статья подписана: Р. Р. Псевдоним Благосветлова раскрыт Г. Прохоровым в обзоре «Судьба литературного наследия Благосветлова». — «Лит. наследство», т. 7—8, 1933, стр. 315.
- ⁹² См. «Дело С.-Петербургского цензурного комитета „Об увольнении цензора А. Ярославцева“» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, № 103—1860 г.). Оpubл. Г. Прохоровым в указанном обзоре. — «Лит. наследство», т. 7—8, 1933, стр. 315—316.
- ⁹³ Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 531—535. В журнальной редакции монографии Пыпина («Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 170) письмо Белинского к Гоголю только упоминалось, а не цитировалось. В самом кратком пересказе, почти без цитат, но с точной ссылкой на публикацию В. П. Чинова, А. Н. Пыпин впервые дал письмо Белинского к Гоголю в «Характеристиках литературных мнений от 20-х до 50-х годов» («Вестник Европы», 1873, № 3, стр. 524—526).

⁹⁴ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, СПб., 1894, стр. 596—617. Список Краевского в редакции Н. П. Барсукова положен был в основание публикации письма Белинского к Гоголю в одномтомнике «Избранные сочинения В. Г. Белинского». Вступ. статья и прим. Ф. М. Головенченко. М., 1947, стр. 615—619. Ср. переизд. 1948 и 1949 гг.

⁹⁵ С. А. Венгеров. Писатель-гражданин. Гоголь.— Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1913, стр. 202—217.

⁹⁶ С. А. Венгеров. Собр. соч., т. II, СПб., 1913, стр. 202.

Эта двойное ошибочная библиографическая справка, сделанная, очевидно, по памяти, вошла и в новейшие комментарии к письму Белинского к Гоголю. См. «Избранные сочинения В. Г. Белинского». Т. III. Ред. текста Д. Д. Благого, прим. А. Лаврецкого. М., 1941, стр. 805; «Собрание сочинений в трех томах». Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Т. III. Ред. текста и коммент. В. И. Кулешова и А. Н. Дубовикова. М., 1948, стр. 896.

⁹⁷ С. А. Шевский. Осужденная книга.— «Мир божий», 1897, № 5, отд. II, стр. 87—91; Г. Джаншиев. Из эпохи великих реформ, изд. 7-е, М., без года, стр. XI; Г. Джаншиев. Белинский и эпоха реформ.— В сб. «Памяти В. Г. Белинского», М., 1899, стр. 59, 61.

В 1902 г. П. А. Картавов, издавая сборник «Литературный архив», пытался напечатать в нем (наряду с неизданными произведениями Некрасова и несобранными статьями и стихотворениями И. Аксакова, Расстопчиной и др.) письмо Белинского к Гоголю. Об этом доложил в Петербургский цензурный комитет 1 мая 1902 г. цензор Соколов: «распространение этого письма <...> едва ли будет своевременным ввиду резкости его тона и тенденциозности содержания». Комитет определил: «Письмо Белинского к Гоголю не дозволить в сборнике».

В ЦГИА (в Ленинграде) хранится неправоленный оттиск письма Белинского, принадлежавший П. А. Картавову. Текст письма в нем настолько искажен, что при чтении возникает мысль: не восходит ли он к списку, писавшемуся по памяти кем-нибудь из лиц, знавших письмо наизусть, в 1840—50-х годах. Интересно, что наряду с пропусками и искажениями в оттиске имеются дополнения и исправления текста, встречающиеся в списках письма начала 1850-х годов. Еще более любопытно, что в нем появились выражения, совершенно не встречающиеся ни в одном из списков. Так, например, после слов: «... Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр <...> которые несколько не могут служить к спасению души, но много даже к ее погибели» в оттиске стоит: «Бедная душа!» После фразы «Все это нехорошо», следующей за осуждением похвал Вяземскому, в оттиске напечатано: «Ей-богу, нехорошо». За характеристикой положения русского общества, «в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, апатию да тоску», следует целая тирада, в других списках отсутствующая: «Вот почему у нас проводят время или в назидательных танцах, или для всех и каждого равно неинтересном преферансе, или в пошлом разврате».

После слов о том, что публика «всегда готова простить писателю плохую книгу, но никогда не простит ему зловерной книги», включена новая фраза: «Я чувствую себя счастливым, писав эти строки».

В архиве П. А. Картавова (в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) обнаружена вторая корректура письма Белинского к Гоголю с кратким предисловием издателя, кончавшимся словами: «Мы печатаем переписку по имеющейся у нас копии, ввиду разницы ее против напечатанного у Пыпина». В этой корректуре, по сравнению с первой, имеется ряд сокращений цензурного характера. (Сообщено Р. Б. Заборовою.)

⁹⁸ Соч. В. Г. Белинского в четырех томах, изд. 2-е, Ф. Павленкова, СПб., 1900, т. IV, стб. 1256—1264 (ц. р. 1 августа 1900 г.); Соч. В. Г. Белинского в четырех томах. Киев — Петербург — Харьков, Ф. А. Иогансон, 1902, т. IV, стб. 645—651 (ц. р. Киев 17 мая 1902 г.).

⁹⁹ Отношение начальника Главного управления по делам печати Н. Зверева к председателю Совета Главного управления по делам печати А. А. Катенину от 4 ноября 1903 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 5, ед. хр. № 9, л. 3—3 об.).

¹⁰⁰ Цензор Н. Соколов, пропустивший IV т. павленковского издания, давал объяснение начальнику Главного управления по делам печати и ссылался в свое оправдание на публикацию письма Белинского в труде Барсукова, а также на дороговизну павленковского издания (Протокол заседания от 12 ноября 1913 г.—Там же, л. 86).

¹⁰¹ «Приближение развязки».—В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 9, 1947, стр. 421.

¹⁰² В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С предисл. С. А. Венгерова. СПб., кн-во «Светоч» (серия «Избранные произведения полит. лит-ры», № 2), 1905, стр. 22; изд. 2-е, 1906. С. А. Венгеров разъяснял: «для популярной брошюры не было надобности углубляться в изучение текста, и я взял его из „Полярной звезды“, прибавив только одну, весьма характерную фразу <...> из текста, напечатанного Барсуковым по копии Краевского» (Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, СПб., 1913, стр. 203). Допол-

нительные строки, которые имел ввиду С. А. Венгеров, заключались в указании Белинского на то, что письмо Гоголя переслано было ему Некрасовым и что он из Зальцбрунна выезжает с Анненковым в Париж. Из брошюры С. А. Венгерова текст зальцбрунского письма, со всеми пробелами и искажениями «Полярной звезды», перепечатан был в «Письмах Белинского» под ред. Е. А. Ляцкого (т. III, СПб., 1914, стр. 230—239). См. еще наст. том, стр. 207—208.

Воспроизведением текста «Полярной звезды» является также публикация письма к Гоголю в «Избранных философских сочинениях В. Г. Белинского». Под общ. ред. М. Т. Иовчука. Ред. текста и коммент. В. С. Спиридонова. М., 1941, стр. 467—474. Этот же искаженный текст перепечатан и в изданиях 1948 г.

¹⁰³ Там же, стр. 8.

¹⁰⁴ «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю», СПб., изд. В. Яковенко, 1905. 16 стр.

¹⁰⁵ См. И. В. Владиславлев. Русские писатели, Л., 1924, стр. 234. 2-е изд. книги Богучарского увидело свет только в 1919 г. (Пг., «Атеней», 1919).

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. 777, оп. 48, № 168 «Дело С.-Петербургского комитета по делам печати 1913 г. о брошюре „Письмо В. Белинского к Гоголю. Изд. В. Яковенко <...> 1905 г.“». На 6 лл.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю», М., «Идея», 1914. 16 стр.

¹⁰⁹ ЦГИА, ф. 776, оп. 17, ед. хр. 687 «Дело II отд. Канцелярии Главного управления по делам печати о наложении ареста на брошюру: «Письмо В. Белинского к Н. Гоголю», М. Тип. В. <!> Д. Плещеева». На 4 лл.

¹¹⁰ Первая публикация после 1917 г.— В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Предисл. Н. С. Когана. М., изд. «Красная новь», 1923. Коган перепечатал текст письма из издания «Светоча» 1905 г.

¹¹¹ В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Ред., предисл. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., Гослитиздат, 1936. См. еще заметку Н. Ф. Бельчикова «Письмо Белинского к Гоголю. Ист. справка». — «Лит. газета», 1936, № 33 от 10 июня.

¹¹² Текст письма вошел во все советские издания сочинений Белинского (см. библиографию в т. 57 «Лит. наследства»).

¹¹³ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах. Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Т. III. Ред. текста и коммент. В. И. Кулшова и А. Н. Дубовикова. М., 1948, стр. 707—715; В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Ред., послесл. и прим. Ф. М. Головенченко. М., Гослитиздат, 1947.

¹¹⁴ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. Ред. текста и прим. В. С. Спиридонова. Т. II. М., 1948, стр. 512—522, прим.— стр. 586.

¹¹⁵ В. Г. Белинский. Избранные педагогические сочинения. Под ред. Е. Н. Медынского. М.—Л., 1948, стр. 108—115, прим.— стр. 271.

¹¹⁶ «В. Г. Белинский о Гоголе». Статьи, рецензии, письма. Ред., вступ. статья и коммент. С. Машинского. М., Гослитиздат, 1949, стр. 358—367.

¹¹⁷ Бумага — фабрики И. Аристархова (та же, что в списках Павлова и Нольде). Шифр М. 5184/9а.

О фонде Н. Х. Кетчера см. «Записки Отделения рукописей Гос. публичной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 5—17.

¹¹⁸ Список этот находится в тетради (на 20 лл.), в которую вписаны и оба письма Гоголя. ИРЛИ АН СССР (ф. 7, № 129).

¹¹⁹ Список в тетради на 19 лл., заполненной не писарским почерком (Гос. исторический музей. Шифр 693/3 А 343/Г 84 б).

Список Оболенского указан нам М. Ю. Барановской, которой мы приносим глубокую благодарность.

Тетрадь со списком находится среди писем разных лиц к Е. П. Оболенскому. Но для определения момента, когда она попала в руки Оболенского, то есть была ли прислана ему в начале 1849 г. с оказией в Ялтуровск или он получил ее после возвращения из Сибири в 1856 г. в Калуге, данных нет.

¹²⁰ Список под названием «Письмо Белинского к Гоголю» входит вместе с двумя письмами Гоголя к Белинскому в тетрадь, приложенную к делу Н. А. Момбелли (см. о нем стр. 534). ЦВИА (Ленингр. отделение), ф. № 9, «Главное Военно-судное управление», д. № 55, ч. 7, лл. 69 об.— 74.

Выписки из списка опубликованы в сб. «Петрашевцы», т. III, 1928, стр. 214—212.

Кроме того, нам известны выписки из этого же списка в неопубликованной сводке донесений Антонелли и Липранди по делу петрашевцев (ЦГИА, ф. III Отд., 1-я экзп., д. № 214, ч. 142, л. 163 об.).

¹²¹ Этим же карандашом слово «мрака» исправлено на «кулака», так же как и выше слово «мракобесия» исправлено на «кнутабесия». Повидимому, эти разночтения были перенесены следователем из копии Комарова (лежавшей в деле ранее списка Момбелли), где они сделаны были ошибочно.

ЦВИА (Ленингр. отделение), ф. № 9, «Главное Военно-судное управление», д. № 55, ч. 7, лл. 56—67.

¹²² В. И. Д а л ь. Толковый словарь, т. II, М., 1935, стр. 79. Слово «калухан» у Даля имеет несколько иной смысл: «Калухан — еретик, отщепенец, отступник от православия; особ. молокан, духоборец или скопец» (тамбовский диалектизм). — Там же, стр. 79. См. еще А. Н. А ф а н а с ь е в. Русские заветные сказки, стр. 83 — «Погоди! Я его долгогривого колухана обтяпаю!».

¹²³ «Письма Н. В. Гоголя». Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. III, стр. 53 и 316.

¹²⁴ Копия Н. Ф. Павлова, первые сведения о которой появились еще в 1936 г. в статье Я. З. Черныка «Письмо Белинского к Гоголю» («Красная новь», 1936, № 7), до последнего времени оставалась даже не описанной. В 1941 г. Д. Д. Благого, редактируя текст письма Белинского к Гоголю, отмечал, что список Н. Ф. Павлова как «один из самых авторитетных» положен был им «в основу» установленной редакции этого документа («Избранные сочинения В. Г. Белинского», т. III, М., 1941, стр. 605—612 и 805—806). Но, видимо, условия издания не позволили Д. Д. Благому охарактеризовать ни особенностей нового списка, ни принципов, которыми он руководствовался, выбирая те или иные варианты.

Список Павлова — тетрадь на 8 лл., сплошь исписанных скорописью. Заглавия и подписи нет. Бумага без водяных знаков. Находится в деле «Бумаги, принадлежащие г. Павлову, требующие особенного объяснения» (ЦГИА, шифр № 266/476). Письмом Белинского к Гоголю и открывается дело. Далее следует подлинник ответа Гоголя Белинскому и автографы стихотворений И. С. Аксакова «Не в блеске пышного мечтанья...» и «Голос века».

¹²⁵ Список на лл. 3—16 тетради И. Е. Забелина под названием: «Б. к Г.».— Гос. исторический музей, ф. Забелина, № 440, ед. хр. 1061.

¹²⁶ Список на лл. 2—6 тетради из собрания Н. П. Рогожина под заглавием: «От Белинского к Гоголю». — Гос. исторический музей, ф. Рогожина, № 46633 — Р. арх. 711.

¹²⁷ Список М. И. Пущина — писарской, малограмотный, входит в тетрадь (на 18 лл.), озаглавленную «Переписка Гоголя с Белинским». — ИРЛИ АН СССР 6513. XXXIII, б. 55.

¹²⁸ Список В. Ф. Груздева находится в тетради на 18 лл. вместе с двумя письмами Гоголя к Белинскому. В советские годы на него нанесены поправки из печатного текста (по новой орфографии). Поступил в ИРЛИ АН СССР с бумагами В. Ф. Груздева (№ 212). Сообщено В. И. Малышевым.

¹²⁹ Список входит в рукописный сборник «Статьи о Гоголе и его сочинениях» (Гос. исторический музей, ф. 343/10, инв. № 23898/125). Сборник начинается копией статьи Белинского о «Выбранных местах» в «Современнике» 1847 г. и включает два письма Гоголя и заальдбрунскии ответ Белинского. Фамилия составителя сборника очень неразборчива (Н. Коленов? или Н. Калиновский?).

¹³⁰ Список Н. Я. Колобова под заглавием «Ответ Белинского Гоголю» входит в состав рукописного сборника (на 257 лл.). Кроме него, в сборнике находятся выписки правительственных указов, разных исторических сведений из печати 1856—1860 гг., списки запрещенных стихотворений Пушкина, В. С. Курочкина и других, извлеченные из изданий русской вольной печати. Список письма Белинского (на лл. 218—227) написан другим почерком, чем весь сборник, и на другой бумаге (ф-ки Аристархова, № 4). (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина—№ 66). Николай Яковлевич К о л о б о в (1866—1930) — петербургский купец 2-й гильдии.

¹³¹ Шальган — вор. См. В. И. Д а л ь. Толковый словарь, М., 1935, т. IV, стр. 639.

¹³² Список представляет собой тетрадь на 14 лл. Написан двумя почерками явно интеллигентных людей. С поправками карандашом (Q XV. 167).

¹³³ Список М. А. Васильева находится в тетради на 10 лл. вместе с первым письмом Гоголя к Белинскому (ИРЛИ АН СССР. Шифр: ф. 141, № 24).

Михаил Андреевич В а с и л ь е в (1878—1944) — историк литературы, профессор Казанского университета.

¹³⁴ Список входит в состав большого рукописного сборника запретных произведений, принадлежавшего М. И. Семевскому, в виде особого раздела: «Переписка Н. В. Гоголя с В. Белинским, возникшая вследствие выхода в печать книги Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями“ 1847 г.» (на лл. 116—134) («Сборник рукописных прозаических и поэтических произведений, составленных Михайловановым», ч. I, М., 1856 г. На форзаце позднейшая запись: «Из книг Михаила Ивановича Семенова. Составлена в Москве 1855—56 года»). ИРЛИ АН СССР.

¹³⁵ Извлечения из списка письма Белинского под названием «Белинский к Гоголю» входят в рукописный сборник неизвестного владельца 1857—1858 гг. (на 174 лл.). Сборник содержит выписки из произведений Герцена, печатавшихся в «Поллярной звезде», сведения о восстании декабристов и другие записи. Извлечения из письма Белинского помещены на лл. 2—4 с датой 28 марта 1857 г. (Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина).

¹³⁶ Список представляет собой тетрадь на 14 лл. (из них 2 лл. — чистые). ИРЛИ АН СССР (ф. 16, оп. 11, № 4).

ТЕКСТ ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

1. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Результатом настоящего исследования является установление научно-проверенного текста письма Белинского к Гоголю, этого замечательного памятника русской революционно-демократической мысли. Организованные редакцией «Литературного наследия» специальные архивные разыскания позволили выявить и установить двадцать копий Зальдбруннского письма, что расширило документальную базу его изучения. Обследование всех списков прояснило их генеалогию, позволило выявить наиболее точные и полные из них и помогло подойти к определению редакции письма, наиболее близкой к утраченному оригиналу.

Мы остановились на самом авторитетном из списков — списке Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, условно называемом списком Н. Х. Кетчера.

В основу нашей схемы распространения письма и генеалогии его списков положены материалы доклада Ю. Г. Оксманна «Письмо Белинского к Гоголю», прочитанного в Институте истории АН СССР 10 марта 1948 г.

Тексты списков письма из ленинградских архивохранилищ (из собраний П. В. Анненкова, М. И. Пущина, Б. Э. Нольде, Н. Я. Колобова, М. И. Семевского, М. А. Васильева, Бакуниных и сборника 1857—1858 гг.) сообщены Р. Б. Заборовой.

Письмо Белинского к Гоголю озаглавлено в самых авторитетных списках: «Б..... Г.....»; «Б.....й Г.....» или «Ответ Белинского». Мы не даем ни одного заголовка.

Ниже мы публикуем список Кетчера с внесением в него исправлений пропусков и опусков по спискам Оболенского и Момбелли (всего в восьми местах). Наиболее значительные варианты всех остальных списков письма (кроме писарской копии со списка из дела Момбелли) мы даем в подстрочных примечаниях к тексту.

Списки эти нижеследующие:

1. Список Н. Х. Кетчера (?) (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва)	<i>ЛБ</i>
2. Список П. В. Анненкова (ИРЛИ АН СССР)	<i>А</i>
3. Список Е. П. Оболенского (Гос. исторический музей, Москва)	<i>Об</i>
4. Список А. Н. Плещеева — П. Е. Филиппова, данный Ф. М. Достоевским для копирования Н. А. Момбелли (ЦВИА, Ленинград)	<i>Д</i>
5. Список И. Е. Забелина (Гос. исторический музей, Москва)	<i>З</i>
6. Список Н. П. Рогожина (Гос. исторический музей, Москва)	<i>Р</i>
7. Список Н. Ф. Павлова (Архив III Отделения — ЦГИА, Москва)	<i>П</i>
8. Список А. А. Краевского (Гос. публичная библиотека им М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград)	<i>К</i>
9. Список А. А. Чумикова, опубликованный Герценом в «Полярной звезде на 1855 год»	<i>ПЗ</i>
10. Список, хранящийся в бумагах Б. Э. Нольде (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград)	<i>Н</i>
11. Список М. И. Пущина (ИРЛИ АН СССР)	<i>Пп</i>
12. Список В. П. Чижова (цитаты в «Вестнике Европы», 1872, № 7)	<i>Ч</i>
13. Список, хранящийся в коллекции П. И. Щукина (Гос. исторический музей, Москва)	<i>Щ</i>
14. Список в сборнике из собрания Н. Я. Колобова (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград)	<i>Клб</i>
15. Список М. А. Васильева (ИРЛИ АН СССР)	<i>В</i>
16. Список В. Ф. Груздева (ИРЛИ АН СССР)	<i>Г</i>
17. Выписки в сборнике 1857—1858 гг. (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград)	<i>Сб</i>
18. Список М. И. Семевского (ИРЛИ АН СССР)	<i>С</i>
19. Список, хранящийся в «Премухинском архиве» Бакуниных (ИРЛИ АН СССР)	<i>Б</i>
20. Список в деле Н. А. Момбелли, сделанный писарем Д. Комаровым (ЦВИА, Ленинград)	<i>Мбл</i>

2. ПУБЛИКАЦИЯ ТЕРСТА

Вы только отчасти правы, увидав ¹ в моей статье р а с с е р ж е н н о г о человека: этот эпитет слишком слаб и нежен, для выражения того состояния, в какое ² привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это Вашим, действительно не совсем ³ лестным отзываю о почитателях Вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем⁴; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умолчать ⁵, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь мою ⁶ наградю великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю⁷ не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже⁸ никогда⁹ не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле ¹⁰ дикой радости, который ¹¹ издали, при появлении ее, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п. ¹²), и литературные, которых имена Вам ¹³ известны. Вы сами видите хорошо ¹⁴, что от Вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа с ее духом. Если б она и была написана вследствие глубоко-искреннего ¹⁵ убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали ¹⁶ все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтоб не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную ¹⁷ проделку для достижения небесным путем чисто земных целей ¹⁸ — в этом виноваты только Вы. И это несколько не удивительно, а удивительно то, что Вы находите это удивительным. Я думаю, это от того, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей ¹⁹ фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы ²⁰ столько уже лет привыкли ²¹ смотреть на Россию из Вашего п р е к р а с н о г о д а л е к а , а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть

¹ Р, Н, Ч: увидев. ² А, П: каковое; Д, З, Г, К, ПЗ, Ч: которое. ³ Д: не очень. ⁴ Р: в нем только. ⁵ Д, К, В, КЛБ, ПЗ: молчать. ⁶ Д, К, Н, ПЗ, Ч: свою; Р: мою любовь. ⁷ Пн, ПЗ: я представляю. ⁸ Р, В, Г, Пн, С — пропущено. ⁹ К, Пн, С — пропущено. ¹⁰ Д: и на те вопли; К, ПЗ, С: тех воплях. ¹¹ Д, К: которые. ¹² Д: и т. д. ¹³ Д, К, ПЗ, Н, Щ: хорошо Вам. ¹⁴ ПЗ: Вы видите сами. ¹⁵ Об, В, Г, К, ПЗ, С: глубокого, искреннего; Щ: глубоко-обдуманного. ¹⁶ Д, П, Сб, Щ: принимали; ЛВ, Об, З, А, Н, Г: приписали; Р, В, К, КЛБ, ПЗ: приняли. ¹⁷ Д: перетоненную; К, ПЗ, Н: нецеремонную. ¹⁸ Д, К, ПЗ: земной цели. ¹⁹ Д, К, ПЗ: Вашей. ²⁰ Д — пропущено. ²¹ Р: привыкли столько уже лет.

предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому²², что Вы в этом прекрасном далеке²³, живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пизтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их^{24!}), не молитвы (довольно она твердила их^{25!}), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного²⁶ в грязи и навозе²⁷, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение²⁸. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: В а н ь к а м и, С т е ш к а м и²⁹, В а с ь к а м и, П а л а ш к а м и; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации³⁰ разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения³¹ хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), — что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого³² кнута трех-хвостом³³ плетью. Вот вопросы, которыми тревожно³⁴ занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя-само³⁵ как будто в зеркале, — является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их не у м ы т ы м и, р ы л а м и^{36!}.. И это не должно было привести меня³⁷ в негодование?.. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас³⁸ за³⁹ эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления Вашей книги? Нет, если бы Вы действительно преисполнились истинною⁴⁰ Христова⁴¹, а не дьяволова ученья⁴²; —

²² З: потом. ²³ Д, В, К: в этом прекрасном далеке Вы. ²⁴ Р: она их слышала; Н: мы слышали. ²⁵ Р: она их твердила; Н: мы твердили. ²⁶ Щ: затоптанного. ²⁷ ПЗ: соре. ²⁸ Д, К, ПЗ, Г: исполнение. ²⁹ К, В, Г, П, Пн, С: Степками; Р — пропущено. ³⁰ Н, Щ: огромная корпорация. ³¹ К: исполнения. ³² Д, К, Р: однохвостного. ³³ Д, К, Р: треххвостного. ³⁴ КЛб — пропущено. ³⁵ Д, К, ПЗ: самое себя; Г: самую себя. ³⁶ ПЗ: учит их ругать побольше. ³⁷ Р: всех. ³⁸ Об: вознегодовал на Вас. ³⁹ П, ПЗ, Н, Ч: как за; Г: чем за. ⁴⁰ Об, З, Р, П, Н: истинного; В: истины. ⁴¹ Д, К, КЛб, ПЗ: Христовою. ⁴² К: дьяволовым учением; Н, Р: дьявольского учения.

Б..... Г.....

Но ты же отгадываешь правду, убогаешь во мои страсти
разрешенного человека. Этот человек смирно сидит
и молчит, для выражения твоей ссоры, во какое
привело меня время. Вам же пишу. - Но вы больше не
правды, представляю это вам, да и убогаюсь не
словами и не словами отгадываю о помыслах
вашего таланта. - Крайне, ты же больше правды
ваши востанов. - Особо же мне убогаюсь
еще можно пережить, и уметь дойти до ума
привести себя к этому предмету, а вы же
угодно сделать так, чтобы вы же, но не вы пере-
жить, особенно же убогаюсь, ширин, человек
дождливый; - не вы же убогаюсь, когда над вами
ваша душа и задушевно пишу, прощаю
ваше и безразличное, как и пишу и обрадо-
вал. -

Да и больше вы совсем отгадываю, особенно
человек, кровно же вы же убогаюсь, особенно
мои же больше вы же надежды, цель, слава, а вы
но и вы же больше вы же, а вы же убогаюсь,
разрешить, прощай. - И вы же больше
ваша душа, а вы же убогаюсь, особенно
ваша душа, а вы же убогаюсь, особенно
на такую же. - Товарищ же убогаюсь, а вы
ваша душа, а вы же убогаюсь, особенно
ваша душа, а вы же убогаюсь, особенно
ваша душа, а вы же убогаюсь, особенно

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕ-
ЖАВШИЙ Н. Х. КЕТЧЕРУ, 1848 — 1849 гг.

Текст этого списка, повидимому, наиболее близок к утраченному оригиналу

Начало письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

моих словъ законченныхъ — я первый по-
радовалъ потому; но не раскаянъ въ томъ,
что сказалъ вамъ. — Мнѣ давно и давно
не о насъ иль о васъ думалъ, а о предвѣстн,
который вѣрадо все, не только мнѣ, но
даже и вамъ: мнѣ дѣло идетъ о вѣстн,
а русскому обществу, о Россіи. — И вотъ
мне подругнее, законченнѣе слово: Если
вы иль въ Кіевѣ, о корбннѣ смренинѣ
отъ васъ отъ вашихъ иль не великнѣ
предвѣстн, то нечетъ самодержавно о
исренинѣ смренинѣ отъ васъ отъ
послѣдней самей Кннн, и тѣ дннѣ уль
ед Крннн о вѣстн, исаунѣ новннн
творенннн, которннн напо мнннн о
вашнн предвѣстн. —

Занубрннн
15го Июля н. с.
1848го года

СПИСОК ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕ-
ЖАВШИЙ Н. Х. КЕТЧЕРУ, 1848—1849 гг.

Конец письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

совсем не то написали бы Вы ⁴³ Вашему аденту ⁴⁴ из помещиков ⁴⁴. Вы написали бы ему, что так как его ⁴⁵ крестьяне—его братья по Христе ⁴⁶, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или ⁴⁷ дать им свободу ⁴⁷, или, хоть по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее ⁴⁸ для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: а х ты не у м ы т о е р ы л о! да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое ⁴⁹ открытие в пользу и назидание русских ⁵⁰ мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы ⁵¹ в словах ⁵² глупой бабы ⁵² в повести Пушкина ⁵², и по разуму которого ⁵³ должно ⁵² пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас ⁵⁴ делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему ⁵⁵ нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым ⁵⁶! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления ⁵⁷!.. Не может быть!.. Или Вы больны, и Вам надо ⁵⁸ спешить лечиться ⁵⁸; или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда ⁵⁹ была опорой кнута и угодницей ⁶⁰ деспотизма ⁶⁰; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православную церковь? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил ⁶¹ истину своего учения. И оно только до тех пор и было с п а с е н и е м людей, пока не организовалось ⁶² в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею ⁶³ братства между людьми, — чем и продолжает ⁶⁴ быть до сих пор ⁶⁵. Но смысл учения Христова ⁶⁶ открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший ⁶⁷ в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть ⁶⁸ от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные ⁶⁹ и западные ⁶⁹. Неужели Вы этого не

⁴³ Д, К — пропущено. ⁴⁴ ПЗ: в Вашей новой книге. ⁴⁵ Р — пропущено. ⁴⁶ ЛБ, Об, З, Р: по Христе; П, Н, Пн, Ч, Г: по Христу; Д, В, К, ПЗ, КЛб: о Христе. ⁴⁷ Р: или должен им дать свободу. ⁴⁸ ПЗ: выгоднее. ⁴⁹ Д: высокое. ⁵⁰ Д, В, К, ПЗ, КЛб — пропущено. ⁵¹ Р: Вы нашли. ⁵² ПЗ: в глупой поговорке, что должно. ⁵³ Д: которой. ⁵⁴ Р: у нас и так. ⁵⁵ З: ему только. ⁵⁶ П: будешь без вины виноватым; К: быть без вины виноват; З, Г: без вины быть виноватым; ПЗ: и другая поговорка говорит тогда: без вины виноват. ⁵⁷ К, Пн, Ч: просвещения. ⁵⁸ А: надобно лечиться. ⁵⁹ З: она ведь всегда. ⁶⁰ В: поборницей обскурантизма; Г: сродницей деспотизма. ⁶¹ Д: запечатлел и утвердил. ⁶² Д: организовалось. ⁶³ Р, КЛб: гонителем. ⁶⁴ Д, КЛб: продолжает быть и. ⁶⁵ С: и до ныне. ⁶⁶ Д, К, ПЗ: смысл Христова слова; Н: смысл учения Христова; ЛБ, З, Р, Пн, С, Щ: смысл учения Христова слова. ⁶⁷ Д, К, ПЗ: погасивший. ⁶⁸ Д, К: и плоть. ⁶⁹ ПЗ — пропущено.

знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость ⁷⁰ для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых Душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем, как первое никогда ⁷¹ ничем не было, кроме как ⁷² слугою и рабом светской власти; но неужели же и ⁷³ в самом ⁷³ деле? Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную ⁷⁴ сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника ⁷⁵. Кого ⁷⁶ русский ⁷⁶ народ ⁷⁶ называет ⁷⁶: д у р ь я п о р о д а, ⁷⁶ к о л у х а н ы ^{76*}, ж е р е б ц ы ⁷⁷? — Попов ⁷⁶. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пизтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе ⁷⁸ задницу ⁷⁹. Он говорит об образе: г о д и т с я — м о л и т ь с я, н е г о д и т с я ⁸⁰ — г о р ш к и п о к р ы в а т ь. Приглядитесь пристальнее ⁸¹, и Вы увидите ⁸² что это по натуре своей ⁸³ глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит ⁸⁴ с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических ⁸⁵ католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе ⁸⁶ не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то может быть и ⁸⁷ заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою ⁸⁸, холодною, аскетическою созерцательностью — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим ⁸⁹ педантизмом ⁹⁰ да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась ⁹¹ у нас только в раскольнических ⁹² сектах, столь противуположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед ⁹³ нею числительно.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского

⁷⁰ Д, К: а ведь это не новость теперь; ПЗ: ведь это теперь не новость; Р: а ведь все это теперь не новость. ⁷¹ ЛБ, З: никогда и. ⁷² Пн, Н: как разве. ⁷³ К — пропущено. ⁷⁴ Клб, Пн: непристойную; Н: соблазнительную. ⁷⁵ К: батрана <вм. зачеркнутого: работника>. ⁷⁶ ПЗ — пропущено. ^{76*} Щ: кулаханы; Н: шелыганы. ⁷⁷ Д: жеребцы и т. д. ⁷⁸ З, К, Пн, С: у себя. ⁷⁹ ПЗ: кое-где; Пн: спину. ⁸⁰ Р: а не годится. ⁸¹ Д, В, К, ПЗ: попристальнее. ⁸² К: убедитесь. ⁸³ Д, К, Клб, ПЗ — пропущено. ⁸⁴ Клб: суеверия проходят. ⁸⁵ Д, К, ПЗ — пропущено. ⁸⁶ Д, К, ПЗ — пропущено. ⁸⁷ Д, К, Клб, ПЗ — пропущено. ⁸⁸ Р, ПЗ: такую. ⁸⁹ ЛБ, Об, З, Р: теологическим; Д, К, ПЗ: схоластическим. ⁹⁰ ЛБ, Об, З, Р: педантизмом; Д, К, ПЗ: педантством. ⁹¹ Р: проявлялась. ⁹² Р, К: раскольничьих. ⁹³ Р: пред ним.

народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил Вас в глазах даже людей ⁹⁴, в других отношениях очень близких к Вам, по их направлению. Что касается до меня лично ⁹⁵, предоставляю ⁹⁶ Вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно ⁹⁷, да, говорят ⁹⁸, и выгодно для ⁹⁹ Вас ⁹⁹); только продолжайте благоразумно созерцать ее ¹⁰⁰ из вашего п р е к р а с н о г о д а л е к а: вблизи-то она ¹⁰¹ не так красива ^{101*} и не так безопасна ¹⁰¹... Замечу только одно: когда европейцем, особенно ¹⁰² католиком, овладевает ¹⁰³ религиозный дух — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии ¹⁰⁴ сильных земли. У нас же наоборот, постигнет ¹⁰⁵ человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же ¹⁰⁶ земному богу подкурит больше, чем ¹⁰⁷ небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его ¹⁰⁸ за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете как ¹⁰⁹ великую и неоспоримую ¹¹⁰ истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да простит Вас Ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге ¹¹¹, Вы не знали, что творили ¹¹²...

«Но, может быть, — скажете Вы мне ¹¹³, — положим, что я заблуждался, и все мои мысли ¹¹⁴ ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?» — Потому, отвечаю я Вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того ¹¹⁵ и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато ¹¹⁶ они развили общее им с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностию, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому ¹¹⁷ богу, ничего не оставили сатане; тогда как Вы, желая поставить по свече тому ¹¹⁸ и другому, впали в противоречия, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр, которые с Вашей точки зрения, если б только Вы ¹¹⁹ имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее гибели. Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас ¹²⁰ искренности подобных убеждений. Что кажется

⁹⁴ Р: людей даже. ⁹⁵ Р: лично до меня. ⁹⁶ Д: предоставлю. ⁹⁷ Д: спокойно. ⁹⁸ ПЗ — пропущено. ⁹⁹ ПЗ — пропущено. ¹⁰⁰ Г, К, ПЗ: его. ¹⁰¹ ПЗ: оно не так красиво и не так безопасно. ^{101*} К: прекрасно. ¹⁰² Р: в особенности. ¹⁰³ Об, З, Р, П, К, ПЗ, Н, Сб: овладеет. ¹⁰⁴ Д, К, ПЗ: беззакония. ¹⁰⁵ Об, Р: постигает. ¹⁰⁶ З — пропущено. ¹⁰⁷ Д, К, П, ПЗ, КЛб: нежели. ¹⁰⁸ Д, Г, К: его наградить. ¹⁰⁹ Д, К, ПЗ, Ч: за; З, Г — пропущено. ¹¹⁰ З: непогрешительную. ¹¹¹ Д: буквально бумаге. ¹¹² Д, К, КЛб, ПЗ: говорили; В: говорите; Г: творите. ¹¹³ Д, К — пропущено. ¹¹⁴ Р: мысли мои. ¹¹⁵ ПЗ, Н: и того. ¹¹⁶ Д, К, ПЗ: но за то. ¹¹⁷ П: своему византийскому. ¹¹⁸ Р, Н, ПЗ: по свече и тому; Д: по свечке и тому. ¹¹⁹ Д, Р, К: если бы Вы только. ¹²⁰ Н, Щ — пропущено.

естественным в глупцах, то не может казаться ¹²¹ таким в гениальном человеке. Некоторые ¹²² остановились было на мысли, что Ваша книга есть плод умственного расстройтва, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого ¹²³ заключения: ясно, что книга ¹²⁴ писалась ¹²⁵ не день, не неделю, не месяц, а может быть год ¹²⁶, два или три ¹²⁶; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны ¹²⁷ властям предрержающим хорошо устраивают ¹²⁸ земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге ¹²⁹ слух, будто Вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника. Еще прежде этого ¹³⁰ в Петербурге сделалось известным Ваше письмо ¹³¹ к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России ¹³² дают превратный толк ¹³³, затем обнаруживаете недовольство ¹³⁴ своими ¹³⁵ прежними произведениями ¹³⁶ и объявляете ¹³⁷, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями ¹³⁸, когда тот ¹³⁹, кто ¹⁴⁰ и т. д. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтено ¹⁴¹, почему у нас так ¹⁴² легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта и почему так скоро падает популярность великих поэтов ¹⁴³, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только ¹⁴⁴ два-три верноподданнических стихотворения ¹⁴⁵ и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что Ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных Вами ¹⁴⁶ всем и каждому. Положим, Вы могли это ¹⁴⁷ думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых Душах» Вы менее резко, с меньшею исти-

¹²¹ Д: показаться. ¹²² Н: многие. ¹²³ Н, Щ: подобного. ¹²⁴ Р: такая книга. ¹²⁵ Д, К, В, Г, Э: писана. ¹²⁶ Р: два или три года. ¹²⁷ Д, К, ПЗ, С: гимн. ¹²⁸ Д, К, ПЗ, С: устраивает. ¹²⁹ Д, К, КЛб: в Петербурге распространился. ¹³⁰ Д, К, ПЗ — пропущено. ¹³¹ Д, К, ПЗ, КЛб: письмо Ваше; Н: Ваши письма. ¹³² Д, ПЗ: о России. ¹³³ Р: смысл. ¹³⁴ Д: неудовольствие; ПЗ, К: недовольствие. ¹³⁵ Р: Вашими. ¹³⁶ Д: к своим прежним произведениям. ¹³⁷ Д: объявляя. ¹³⁸ ЛБ, Э, Г: своим сочинением; Р: своими прежними сочинениями. ¹³⁹ ПЗ: когда ими будет доволен царь. ¹⁴⁰ ЛБ, Р, Э, В, Г, К: который. ¹⁴¹ К, Н, Г: почетно. ¹⁴² ЛБ — пропущено. ¹⁴³ Д: талантов. ¹⁴⁴ Р: только написать. ¹⁴⁵ Р: сочинения. ¹⁴⁶ Р: Вами высказанных. ¹⁴⁷ Р: Вы это могли.

ною и талантом, и менее горькие правды высказали ей? И она ¹⁴⁸, действительно, осердилась ¹⁴⁹ на Вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые Души» от этого ¹⁵⁰ не пали, тогда как Ваша последняя ¹⁵¹ книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских ¹⁵² писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака ¹⁵³ самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая ¹⁵⁴ простить писателю плохую книгу, никогда ¹⁵⁵ не прощает ¹⁵⁶ ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового ¹⁵⁷ чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадитесь вместе со мною падению Вашей книги!..

Не без некоторого чувства самодовольства ¹⁵⁸ скажу! Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать ¹⁵⁹ Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли; но я тогда же сказал ¹⁶⁰ им, что несмотря ни на что книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И, действительно, она теперь ¹⁶¹ памятнее ^{161*} всем ^{161*} статьями ^{161*} о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще ¹⁶² инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль — довести о нем до сведения публики — была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело ¹⁶³ зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны ¹⁶⁴, страшную ¹⁶⁵ гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только ¹⁶⁶ или гордости или слабоумия, и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться ¹⁶⁷ не только о других (это было бы только невежливо ¹⁶⁸), но и о самом себе — это уже ¹⁶⁹ гадко, потому что если человек, бьющий своего ¹⁷⁰ ближнего ¹⁷⁰ по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого ¹⁷¹ себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только

¹⁴⁸ ПЗ: старая школа. ¹⁴⁹ Об, К, ПЗ: рассердилась. ¹⁵⁰ Д, К, П, ПЗ, Н: от того. ¹⁵¹ Р: последняя Ваша. ¹⁵² Р: своих. ¹⁵³ К, ПЗ: русского. ¹⁵⁴ К, Н, Ш: готова. ¹⁵⁵ К, Н, Ш: но никогда. ¹⁵⁶ К, ПЗ: не простит. ¹⁵⁷ А, Ч: здорового. ¹⁵⁸ Д: самодовольствия. ¹⁵⁹ Р: печатать. ¹⁶⁰ Об: тогда рассказал. ¹⁶¹ Д: памятнее теперь; В, Г, К, Пн: памятна. ^{161*} Об: памятник всем статьями. ¹⁶² Д, Р: хотя еще и не развит. ¹⁶³ Д, Р: тяжело. ¹⁶⁴ Об: с одной стороны отзывается. ¹⁶⁵ К, Н: странную. ¹⁶⁶ Р: только плодом; Д, К, П — пропущено. ¹⁶⁷ Пн: отзываться. ¹⁶⁸ Об, Пн, Ч, Н, Ш: невежество. ¹⁶⁹ Д: уж. ¹⁷⁰ Р: другого. ¹⁷¹ Д, К, ПЗ: сам.

омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, чорта и ада веет от Вашей книги. И что за язык, что за фразы! „Д р я н ь и т р я п к а с т а л т е п е р ь в с я к ч е л о в е к!“ Неужели Вы думаете, что сказать в с я к, вместо всякий, значит выразиться ¹⁷² библейски? Какая это великая ¹⁷³ истина, что когда человек весь отдается ¹⁷⁴ лжи, его оставляют ¹⁷⁵ ум и талант! Не будь на Вашей книге выставлено Вашего имени и будь ¹⁷⁶ из нее ¹⁷⁶ выключены те места ¹⁷⁶, где Вы говорите ¹⁷⁶ о самом ¹⁷⁷ себе как о писателе ¹⁷⁸, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение пера ¹⁷⁹ автора «Ревизора» и «Мертвых Душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю Вам: вы ошиблись ¹⁸⁰, сочтя статью мою ¹⁸¹ выражением досады за Ваш отзыв обо мне как об одном из Ваших критиков. Если б только это ¹⁸² рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и ¹⁸³ беспристрастно. А это правда, что Ваш отзыв о Ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает ¹⁸⁴ меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но Вы имели в виду людей если не с отменным ¹⁸⁵ умом, то все же и ¹⁸⁶ не глупцов. Эти люди в своем удивлении к Вашим творениям наделали, может быть ¹⁸⁷, гораздо больше восторженных ¹⁸⁸ восклицаний, нежели сколько Вы сказали о них дела; но все же их ¹⁸⁹ энтузиазм ^{189*} к Вам выходит ¹⁹⁰ из такого чистого и благородного источника, что Вам вовсе не следовало бы выдавать их голову ¹⁹¹ общим их и Вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный ¹⁹² толк Вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это ¹⁹³ по увлечению главною мыслию Вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый ¹⁹⁴ донос. Он это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его „в я л ы й, в л а ч а щ и й с я п о з е м л е с т и х“. Все это нехорошо! А что Вы только ожидали ¹⁹⁵ времени, когда Вам можно будет отдать справедливость и почитателям Вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением Вашим врагам), этого я не знал, не мог, да признаться, и не захотел бы ¹⁹⁶ знать. Передо ¹⁹⁷ мною была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал

¹⁷² Д, З, К, ПЗ, Ч, Г: выражаться. ¹⁷³ К, Щ: верная. ¹⁷⁴ Р: отдался. ¹⁷⁵ Д, ПЗ, Ч: оставляет. ¹⁷⁶ ПЗ — пропущено. ¹⁷⁷ Д, К, ПЗ, С — пропущено. ¹⁷⁸ Д, К, С: как писатель; ПЗ — пропущено. ¹⁷⁹ В, Ч, П, ПЗ — пропущено. ¹⁸⁰ Н, Ч: ошибаетесь. ¹⁸¹ Д: мою статью. ¹⁸² Р: это только. ¹⁸³ Д, К — пропущено. ¹⁸⁴ Р: делает меня только. ¹⁸⁵ Д, К, ПЗ, Ч, Н: и не с отличным. ¹⁸⁶ К, Щ — пропущено. ¹⁸⁷ Д, К, ПЗ, Клуб: быть может. ¹⁸⁸ Д, К, ПЗ, Ч, В — пропущено. ¹⁸⁹ ЛБ — пропущено. ^{189*} Р: энтузиазм их. ¹⁹⁰ Р, З: выходил. ¹⁹¹ ПЗ: главою. ¹⁹² Д, К, ПЗ: превратный. ¹⁹³ Д: это сделали. ¹⁹⁴ ПЗ: частный. ¹⁹⁵ Д, К: ожидали только. ¹⁹⁶ Н, Ч: хотел. ¹⁹⁷ Д, Р, К: Предо.

и перечитывал ее сто раз, и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то ¹⁹⁸, что в ней есть ¹⁹⁸, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось ¹⁹⁹ в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но ²⁰⁰ нынешним летом ²⁰¹ начинающаяся чухотка прогнала меня за границу и N <Некрасов> ²⁰² переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн ²⁰³, откуда я сегодня же еду с Ан <ненковым> в Париж через Франкфурт на Майне ²⁰⁴. Неожиданное получение Вашего письма дало мне возможность высказать Вам все, что лежало у меня на душе против Вас по поводу Вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я ошибался ²⁰⁵ в моих о Вас заключениях — я первый порадуюсь этому, но не расскаюсь в том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а ²⁰⁶ о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее, заключительное ²⁰⁷ слово ²⁰⁷: если Вы имели несчастье с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений ²⁰⁸, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние.

Зальцбрунн ²⁰⁹

15-го июля н. с.

1847-го года

¹⁹⁸ P: и что. ¹⁹⁹ P: превратилось бы. ²⁰⁰ ПЗ — пропущено. ²⁰¹ K: нынешнее лето. ²⁰² ЛБ, А, З, Р, Г, С: N; В, К: Некрасов; П, Н, Ш: Современник. ²⁰³ З, Р, В, Пн, К, Ч, Н, Г, С: Зальцбург; Д: Зальцбрук. ²⁰⁴ ПЗ — пропущено <от «Некрасов» до «неожиданное»>. ²⁰⁵ Д, К: заблуждался. ²⁰⁶ Д, К, ПЗ: но. ²⁰⁷ Д: заключение. ²⁰⁸ P: творений. ²⁰⁹ З, Р, В, Пн, К, Ч, Н, Г, С: Зальцбург; Д: Зальцбрук.

3. КОММЕНТАРИЙ

Составил Я. З. Черняк

Назвав письмо Белинского «гениальной вещью», Герцен не преувеличивал. Неотразимой была логика разоблачения Белинским самодержавно-крепостнического строя; во весь рост вставал со страниц письма образ необоримой мощи скованного, но великого народа; гневные, бичующие строки зажигали волей к борьбе, к уничтожению рабства и самодержавия. Основные идеи, воплощенные в этом документе, отвечая с необычайной точностью современным потребностям народа, выражая его самые заветные чаяния, вместе с тем вели его далеко вперед, опережали свое время. Идеи эти оплодотворили и осветили целую эпоху русского освободительного движения.

Белинский, явившийся, как пишет Ленин, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 223), заговорил в своем письме-завещании языком, дотоле не ведомым даже самым сильным представителям передовой русской литературы. Это было «во весь голос» сказанное слово революционера-демократа, горой стоявшего за освобождение народа от гнета и эксплуатации, но вынужденного в подцензурной печати смирять свое слово.

Выразив с громадной силой и страстью протест крестьянских масс против крепостного права, письмо Белинского касалось всех сторон жизни русского народа, его материальной и политической действительности, его литературы и философии, его истории и его великого будущего.

Отсюда — неисчерпаемое богатство мотивов письма, объединенных гениальным критиком и публицистом вокруг центральной мысли о революции и слитых в единое монолитное целое.

Каждой строкой своей письмо связано со всей литературно-политической борьбой эпохи, со всей деятельностью Белинского на протяжении 1840-х годов, со всеми выступлениями великого демократа в качестве передового бойца антикрепостнического, антиреакционного лагеря.

Нижеследующий комментарий не ставит перед собой задачи исчерпать или хотя бы с достаточной степенью полноты осветить все богатство идей, мотивов и содержания письма. Его цель гораздо более скромная — дать читателям необходимые справки и пояснения по вопросам, до сих пор не подвергавшимся систематическому рассмотрению, внести уточнения в уже имеющиеся в литературе указания, свести данные, рассеянные по многим источникам, и представить их в обозримом виде. Таким образом, комментарий касается лишь некоторой, небольшой части мотивов письма и вопросов, в нем поднятых.

Первой задачей составителя было выяснение самого хода литературно-политической борьбы, которая развернулась вокруг реакционной книги Гоголя, и характеристика позиций различных упоминаемых в письме Белинского групп и отдельных литераторов.

Существеннейшей частью письма Белинского является борьба за великую русскую реалистическую литературу и за самого Гоголя как ее представителя. Обстоятельства этой борьбы, замолчанные или искаженные мемуаристами-либералами и последующими представителями буржуазно-либеральной критики, освещаются в ряде заметок в комментарии.

Знаменитое положение, выдвинутое Белинским в его письме к Гоголю, об атеизме русского народа, связанное со всей системой материалистических взглядов критика, освещается в заметке, рассматривающей его переход от той половинчатой критики религии, которая была свойственна различным течениям утопического социализма, к последовательной материалистической критике.

Наконец, группа заметок, вошедших в комментарий, выясняет связь письма Белинского с рядом его же критических выступлений и высказываний по поводу Гоголя в 1846—1848 гг., т. е. за год до написания письма и в последнем году жизни Белинского.

I

«Вы только отчасти правы, увидав в моей статье р а с с е р ж е н н о г о человека...»

Письмо Белинского начинается с ответа на первые же строки адресованного ему письма Гоголя, датируемого обычно около 8/20 июня 1847 г.: «Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне в „Современнике“, не потому, чтобы мне прискорбно было унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в нем слышен голос человека, на меня рассердившегося».

И дальше Гоголь снова повторяет: «Вы взглянули на мою книгу глазами человека рассерженного, а потому почти все приняли в другом виде» («Письма Н. В. Гоголя», Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1902], т. III, стр. 491—492).

Вопрос об этом письме Гоголя неоднократно привлекал внимание исследователей. А. И. Кирпичников в статье, посвященной анализу отношений Гоголя и Белинского летом 1847 г., писал: «Два первые номера „Современника“ Гоголь получил 23 апреля еще в Неаполе <...> Прежде всего прочел статьи Белинского и был глубоко огорчен ими».

Кирпичников доказывает далее, что Гоголь, отвергнув возможность отвечать Белинскому в печати и не решившись сразу обратиться с письмом непосредственно к самому критику, возобновил сношения со своим старым другом Н. Я. Прокоповичем, который был близок к Белинскому. 28 апреля, через пять дней после получения 1 и 2 №№ «Современника», Гоголь написал Прокоповичу письмо (А. И. К и р п и ч. н и к о в. Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский летом 1847 г.— «Под знаменем науки», М., 1902, стр. 424—425).

В письме Гоголя к Прокоповичу имя Белинского непосредственно не названо. Лишь в конце он просит Прокоповича, впрочем, как и всех других своих корреспондентов, сообщить ему, что говорят об его книге: «Уведоми меня также о всех изустных толках, какие тебе случается слышать о моей книге. Я бы очень желал знать, что говорят о ней разные чиновники средней руки, всех сортов учителя, равно как люди нам обоим с тобой знакомые» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 448—449). Весьма возможно, как полагает Кирпичников, что среди этих общих знакомых Гоголь имел в виду Белинского («Под знаменем науки», М., 1902, стр. 49).

Получив ответное письмо Прокоповича, Гоголь писал ему 8/20 июня: «Я прочел н а д н я х критику во 2-м № „Современника“ Белинского». Подчеркнутые нами слова свидетельствуют о том, что Гоголь пошел на сознательную неправду. «Критику Белинского», т. е. статью о «Переписке» во втором номере «Современника», он прочел еще в апреле, непосредственно после получения этой книги в Неаполе (см. письмо его к А. О. Россету от 24 апреля 1847 г.— «Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 442).

Возможно предположить, что письмо Белинскому Гоголь писал тогда же, в конце апреля, и лишь ожидал ответа Прокоповича, чтобы переслать через него это письмо. Обычно датируемое «около 8/20 июня 1847 г.», письмо Гоголя к Белинскому, по нашему мнению, должно быть передатировано: концом апреля — началом мая 1847 г. Косвенным обоснованием предлагаемой новой датировки является следующее указание в письме Прокоповича к Гоголю от 20 июня: «Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу; тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда» (В. И. Ш е н р о к. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, М., 1898, т. IV, стр. 558). Письмо к Белинскому было приложено Гоголем к его письму от 8/20 июня, адресованному Прокоповичу. Прокопович переслал его, через редакцию «Современника», Белинскому в Зальцбрунн (см. письмо Н. Н. Тютчева к Белинскому от 22 июня 1847 г.— «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 278). Ссылаясь на предыдущее письмо, т. е. на свое п и с ь м о от 12 м а я, Прокопович высказывает сожаление, что не дал знать Гоголю об отъезде Белинского за границу. Это значит, во-первых, что Прокопович прекрасно понял смысл запроса Гоголя по поводу «толков о его книге», т. е. о том, что по существу Гоголя интересуют не столько толки о его книге вообще, сколько отношение

к ней Белинского; а во-вторых, что, возобновляя с ним сношения, Гоголь рассчитывал, что Прокопович в первом же письме что-нибудь да сообщит о Белинском.

В своем письме Гоголь просил Прокоповича: «Пожалуйста, переговоры с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в „Современнике“, в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если же в нем угомонилося неудовольствие, то дай ему при еем прилагаемое письмо, которое можешь прочесть и сам» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 495—496. Разрядка наша. — Я. Ч.).

Таким образом, можно считать установленным следующее: Гоголь 8/20 июня отправил Н. Я. Прокоповичу письмо, в котором просил, проверив «расположение духа» Белинского, вручить ему прилагаемое письмо. Это письмо Прокопович отнес Н. Н. Тютчеву, а последний вместе со своим письмом — в редакцию «Современника». Между 25 и 27 июня письмо было отправлено за границу, о чем 27 июня ст. с. Прокопович известил Гоголя.

Всему рассказанному выше противоречит лишь свидетельство П. В. Анненкова в «Замечательном десятилетии» о том, что письмо Гоголя было прислано на его имя (см. стр. 523 настоящего тома). Но это свидетельство не соответствует истине. Оно является результатом столь обычной у мемуаристов ошибки памяти. Анненков в своих «Воспоминаниях» слил воедино два разных факта: во-первых, письмо Гоголя, адресованное к нему, и, во-вторых, письмо Гоголя к Белинскому, пересланное последнему редакцией «Современника». Белинский в конце своего письма к Гоголю говорит: «Нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и N <Некрасов> переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн...» Это указание Белинского полностью выясняет вопрос о неточности Анненкова.

После выступления Белинского в «Современнике» против реакционной книги Гоголя последний высказывал в ряде писем разные предположения относительно причины враждебного отношения к нему критика, пытаясь найти эти причины в личных мотивах. В цитированном выше письме к Прокоповичу Гоголь предположил, что Белинский «кажется, принял всю книгу написанную на его собственный счет» и, в частности, «вероятно», «принял на свой счет козла». Это выражение находилось в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (опубликованной Гоголем задолго до появления «Переписки» и включенной им в эту книгу). Гоголь писал: «Даже эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких неперевавшихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно остановились в раздумьи, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».

А за несколько месяцев перед тем, как обратиться непосредственно к Белинскому, Гоголь высказал более серьезное подозрение. 22 февраля 1847 г. он писал А. О. Смирновой-Россет о мучительной для него цензурной истории в связи с выходом «Переписки» в свет. Цензором «Переписки» был А. В. Никитенко, являвшийся одновременно официальным редактором «Современника», и вот как болезненная подозрительность Гоголя представила себе поведение цензора. «Вся цензурная проделка для меня покамест темна и неразгадана. Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 365). Подчеркнутые нами слова Гоголя доказывают, что он подозревал прямое воздействие редакции «Современника» и Белинского, в первую очередь, на А. В. Никитенко. Таким образом, Гоголь заподозрил (под влиянием С. П. Шевырева), что цензурные изъятия из его книги (а их много) были сделаны по наущению если не самого Белинского, то людей, к нему близких. Нет нужды опровергать полную неосновательность этого предположения.

Наконец, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь неоднократно осуждает критиков своих сочинений, относившихся к нему положительно, и,

напротив того, выражает благодарность хулителям своих книг. Гоголь, конечно, понимал, что эти его высказывания не могут не задеть Белинского, неустанно в течение многих лет отстаивавшего его творчество от нападений реакционной критики (Булгарина, Сенковского и др.). Гоголь понимал, что совесть его была нечиста перед Белинским, и именно поэтому он обратился к Прокоповичу с просьбой выяснить отношение к нему критика. Прокопович в ответном письме от 27 июня 1847 г. самым энергичным образом опроверг предположение Гоголя относительно личной обиды Белинского: «Полнзуюсь твоим позволением, — писал Прокопович Гоголю, — я прочитал письмо твое к нему. Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Белинский написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем, и, конечно, непритворных и в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях: мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения» (В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, М., 1898, т. IV, стр. 558).

II

«...Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса...»

Сила и страстность отпора, данного реакционной проповеди Гоголя, определялись также и чувством живейшей и глубочайшей любви великого критика к Гоголю — гениальному прогрессивному художнику. Белинский не только восторгался автором «Ревизора» и «Мертвых душ», не только прославлял «гениальный талант» создателя «Тараса Бульбы», он видел в нем, прежде всего, основателя новой эры в русской литературе. «Гоголевский период русской литературы» привел русское общество к новому великому шагу «вперед по пути умственного и нравственного совершенствования»; «Гоголевское направление до сих пор остается в нашей литературе единственным сильным и плодотворным», утверждал Н. Г. Чернышевский в 1856 г., повторяя и отстаивая провозглашенное Белинским положение («Очерки гоголевского периода русской литературы». — Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 5 и 6).

Необходимо было разъяснить Гоголю всю глубину противоречия между величайшей общественной, прогрессивностью его художественного гения и реакционностью его социально-политических взглядов, проникнутых монархизмом и поповщиной, проповедником которых он выступил в своей публицистической книге. «...Это от того, — пишет Белинский, — что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге».

Еще в 1842 г., когда был опубликован «Рим» Гоголя, Белинский с тревогой почувствовал глубокое противоречие между сознательными и инстинктивными элементами его творчества. Он писал В. П. Боткину 4 апреля 1842 г.: «Страшно подумать о Гоголе: ведь во всем, что ни писал — одна натура, как в животном. Невежество абсолютное!» («Письма», II, 295). Белинский объяснял невежество автора «Рима» появление в этом произведении реакционной картины политической жизни Парижа и с горечью прибавлял: «Наши гении всему учились понемножку».

В дальнейшем эта первая формулировка замеченного Белинским противоречия в творчестве Гоголя видоизменялась, уточнялась, но сохранила основное свое зерно до конца — вплоть до зальцбруннского письма к Гоголю.

После выхода, в том же 1842 г., первого тома «Мертвых душ» преклонение Белинского перед художественным гением Гоголя достигло своего апогея.

Однако и в пылу первых восторгов перед «Мертвыми душами» Белинский ощущал тревогу и предвидел, что некоторые элементы поэмы, особенно ее так называемые

лирические отступления, написаны в ином ключе, чем все произведение, и являются верным, из которого может вырасти иное направление художника. Когда Гоголь в 1846 г. опубликовал предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», это иное направление уже сложилось и было им высказано.

Совершенно очевидным сделалось «расщепление», раздвоение Гоголя. Два столь несходных и противоречивых начала — гениального художника и реакционного проповедника-публициста — противоборствовали во всей его деятельности и в его творчестве.

Рассматривая второе издание «Мертвых душ», Белинский писал: «„Мертвые души“ стоят весьма высоко в русской литературе, ибо в них глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась с удивительной художественностью образов, и этот роман, почему-то названный поэмою, представляет собою произведение, столько же национальное, сколько и высоко художественное». Вместе с тем, кратко упоминая о недостатках «Мертвых душ», Белинский указывал: «Важные же недостатки романа „Мертвые души“ находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм. К счастью, число таких лирических мест незначительно в отношении к объему всего романа, и их можно пропускать при чтении, ничего не теряя от наслаждения, доставляемого самим романом» (X, 428).

В связи с новыми выступлениями Гоголя в печати не в качестве передового художника, а в качестве реакционного публициста «напыщенный лиризм» некоторых мест в «Мертвых душах» приобретал особое значение. Белинский это превосходно почувствовал.

«Но к несчастью, — писал он в той же рецензии, — эти мистико-лирические выходы в „Мертвых душах“ были не простыми, случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы (разрядка наша. — Я. Ч.). Все более и более забывая свое значение художника, принимает он тон глашатая каких-то великих истин, которые, в сущности, отзываются не чем иным, как парадоксами человека, сбившегося с своего настоящего пути ложными теориями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Так, например, в прошлом году появилась статья Гоголя о переводе „Одиссеи“ Жуковским, до того исполненная парадоксов, высказанных с превысренными претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя (Е. Розен. Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее. — «Северная пчела», 1846, № 181). Это опечалило всех друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всех врагов его. Но история не кончилась этим. Второе издание „Мертвых душ“ явилось с предисловием, которое... которое... испугало нас еще больше знаменитой в летописях русской литературы статьи об Одиссее. Это предисловие внушает живые опасения за авторскую славу в будущем (в прошедшем она непоколебимо прочна) творца „Ревизора“ и „Мертвых душ“, оно грозит русской литературе новою великою потерей прежде времени» (X, 428—429).

Мы привели эту длинную выписку, чтобы показать, что и в тот момент глубокая любовь Белинского к Гоголю-художнику внушала ему не только негодование и злую иронию по адресу Гоголя — реакционного публициста, но и тревогу за судьбу великого писателя.

Статья Белинского о втором издании «Мертвых душ» была напечатана в № 1 «Современника» за 1847 г. (ценз. разр. 30 декабря 1846 г.), т. е. буквально за день до выхода «Переписки» Гоголя в свет. Свою статью Белинский писал, еще не зная (по крайней мере полностью) содержания книги Гоголя. Между тем уже в этой статье намечены все мотивы будущей критики «Переписки».

В зальцбрунском письме Белинский сделал еще одно усилие, чтобы показать Гоголю, на край какой бездны завели его претензии стать проповедником и утвердителем реакционных идей, защитником крепостного права и николаевского самодержавия.

III

«...Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах...»

В середине 1847 г. Белинский уже мог подытожить многочисленные высказывания своих друзей и соратников о книге Гоголя. И если он не стал этого делать, то только потому, что в кругу Белинского не было ни одного человека, который отнесся бы положительно к проповеди Гоголя. Публикуя переписку Гоголя с Белинским в «Полярной звезде» на 1855 г., Герцен в своем примечании говорит: «В 1847 г. Н. Гоголь, бывший за границей, напечатал в России свою „Переписку с друзьями“. Книга эта удивила всех. Дух ее был совершенно противоположен его прежним творениям, которые так сильно потрясли всю читающую Россию. Была ли это внутренняя психическая переработка, один из тех болезненных возрастов развития, которыми человек достигает окончательного совершеннолетия; было ли это следствие физического недуга, негодования, долгой жизни за границей или просто кружение ума? — Во всяком случае, обнаружение такой книги таким великим талантом должно было вызвать сильную полемику. Почитатели Гоголя, принимавшие за правду мнения, ярко просвечивавшиеся в его сочинениях, были оскорблены его отречением, его защитой существующего, его п р и н и ж е н и е м — по выражению нео-славян; они подняли перчатку, брошенную им, и на первом плане, разумеется, явился боец, достойный его, — Белинский» («Полярная звезда» на 1855 г., стр. 63—64).

В этой же книжке «Полярной звезды», публикуя главы «Былого и дум», Герцен подробно говорит о Белинском именно как о передовом бойце всего прогрессивного, антиреакционного лагеря (стр. 95—103).

В переписке Белинского за первую половину 1847 г. встречаются многочисленные отзывы его корреспондентов — Анненкова, Боткина, Кавелина, Грановского, свидетельствующие об единодушном осуждении ими книги Гоголя. С другой стороны, в письмах самого Белинского мы находим ряд сочувственных откликов критика на печатные выступления, направленные против этой книги. В письме к В. П. Боткину от 17 февраля 1847 г. Белинский называет «замечательным и отпадным явлением» статью Э. Губера, напечатанную в № 35 «С.-Петербургских ведомостей» от 15 февраля. А две недели спустя, в письме от 28 февраля к тому же корреспонденту: «Мне очень нравится статья Губера (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она — моя, украдена у меня и только немножко ослаблена» («Письма», III, 176 и 185).

Чрезвычайно положительно отзывался Белинский и о письмах к Гоголю Н. Ф. Павлова, напечатанных сначала в «Московских ведомостях», а затем, по предложению Белинского, перепечатанных в «Современнике».

17 февраля Белинский сообщал И. С. Тургеневу: «Гоголь наказан сильно общественным мнением и разруган во всех почти журналах, даже друзья его, московские славянош...ы, и те отступились, если не от него, то от гнусной его книги» («Письма», III, 181).

Боткин разделял отрицательный взгляд Белинского на книгу Гоголя, оговаривая только свое несогласие с резкой характеристикой мотивов, побудивших Гоголя выпустить книгу. 28 февраля 1847 г. он писал Анненкову, находившемуся в Париже: «Можете представить себе, какое странное впечатление произвела здесь книга Гоголя; но замечательно также и то, что все журналы отозвались о ней как о произведении больного и полупомешанного человека; один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины. Этот факт для меня имеет важность: значит, что в русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту сильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его как скорлупку введённого яйца. Воображаю, какой удар будет напыщенному невежеству Гоголя» («П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 529).

Боткин был, повидимому, первым московским корреспондентом Белинского, который сообщал ему об отношении, сложившемся к книге Гоголя не только

в журналистике или в кругу московских единомышленников Белинского, но и в кругу славянофилов. Хотя письма Боткина к Белинскому от этого времени неизвестны, мы можем судить о характере его сообщений по ответным письмам Белинского, а отчасти по письмам Боткина за границу к Анненкову. В них он касался тех же предметов, причем, как выясняется ниже, повторял суждения Белинского.

Первое упоминание «Переписки» в письмах Белинского к Боткину относится к 29 января 1847 г.: «А славянофилы напрасно сердятся на Гоголя: он только консеквентнее и добросовестнее их — вот и все. Мальчишки! Розгами бы их!» («Письма», III, 163).

Ясно, что Белинский отвечает здесь на какое-то мимоходом сделанное замечание Боткина об отношении славянофилов к книге Гоголя. Несколько дней спустя, 6 февраля, Белинский вновь писал Боткину и подробнее развил свой взгляд: «Читал ли ты переписку Гоголя? Если нет, прочти. Это любопытно и даже назидательно: можно увидеть, до чего доводит и гениального человека о....., а славяно..... московские напрасно на него сердятся. Им бы вспомнить пословицу: не ч а н а в е р к а л о п е н я т ь , к о л и р о ж а к р и в а . Они подлецы и трусы, люди не консеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он — человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов» («Письма», III, 166).

Необходимо отметить, что это суждение Белинского высказано было уже после выхода второй книжки «Современника» с его статьей о «Переписке». Боткин, на основании как этого, так и последующих февральских писем Белинского (кроме последних, от 26 и 28 февраля), писал Анненкову в цитированном выше письме: «Замечательно то, что здесь славянская партия теперь отказывается от него <т. е. от Гоголя>, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотелось бы мне сообщить вам обстоятельно о здешних славянофилах, но эти господа так разделены в своих доктринах, что что голова, то и особое мнение; разумеется, и в них есть правая и левая стороны и п р а в о й с т о р о н е к н и г а Г о г о л я п р и ш л а с ь с о в е р ш е н н о п о с е р д ц у» («П. В. Анненков и его друзья», стр. 529—530).

Боткин в последних, подчеркнутых нами словах имеет, конечно, в виду Шевырева, а может быть, и Погодина. По этому сообщению Боткина мы можем судить и о характере его сообщений Белинскому. Именно потому, что Боткин в начале февраля еще неясно отдавал себе отчет в том, как отнеслись к книге Гоголя различные «фракции» славянофильства, Белинский, отвечая на его сообщение от первой половины февраля, писал ему:

«Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней только заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь совсем не К. С. Аксаков» («Письма», III, 185).

Через три недели, 20 марта, имея уже в руках подробное, разъясняющее письмо Белинского от 28 февраля, Боткин снова писал Анненкову: «Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имел храбрость быть последовательным и идти до последних результатов, а семена белены посеяны в нем теми же самыми славянами: нечего зеркало бранить, когда рожа крива» («П. В. Анненков и его друзья», стр. 533).

Приведенный отрывок подтверждает, что Боткин принял точку зрения Белинского — он буквально повторяет выражения февральских писем Белинского, цитированных выше.

Наконец, 24 и 25 августа Боткин пишет Анненкову: «Все, что пишете Вы о переписке с Гоголем, в высшей степени интересно. Впрочем, я всегда относил „Переписку с друзьями“ более к гордости своей гениальностью и невежеству, нежели к расчетливой подлости. Но переписка Белинского и Ваша с ним очень и очень важна в настоящем его положении» (там же, стр. 547).

Подобно московским друзьям Белинского отрицательное отношение к «Переписке» разделял буквально весь прогрессивный круг литераторов. Мы привели высказывания Боткина в качестве типичного образца их суждений.

IV

«... о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее <книги Гоголя>, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Поздревы, Городничие и т. п.), и литературные, которых имена Вам известны...»

Белинский имеет здесь в виду выступление в печати по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» постоянных противников Гоголя из лагеря реакции и мракобесия — Булгарина, Сенковского и их клеветников.

«Приведем два наиболее характерных отзыва из этих выступлений. Непосредственно после выхода книги Гоголя Булгарин писал в «Северной пчеле», № 8 от 11 января: «Последним сочинением он <Гоголь> доказал, что у него есть сердце и чувство и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами натуральною школою. Отныне начинается новая жизнь для г. Гоголя». Именно этот отзыв имел в виду Боткин в письме к Анненкову (от 28 февраля 1847 г.): «Один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины» («П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 529).

Аналогично «приветствовал» Гоголя О. И. Сенковский. Он писал в «Библиотеке для чтения»: «Господин Гоголь долго начинал, долго обещал — и вдруг, среди начал и обещаний заключил поприще свое решительною мерою». С огромным удовольствием Сенковский завлечен далее, что он может сейчас «попирать ногами» похвалы, которыми осыпали Гоголя. Издательски повторял он признание самого Гоголя, что он «поэт пошлости». Наконец, приведя одно из писем по поводу «Мертвых душ», напечатанных в «Переписке», Сенковский злорадно восклицал, имея в виду те оценки Гоголя как гениального и передового художника, которые были даны Белинским: «Из этого явствует, что не легко иметь дело с гениями, заслужившими монументы и торгующимися об них заранее с потомством; что даже опасно восхищаться их произведениями по своему разумению. Малейшая неосторожность в восторге может иметь самые неприятные последствия, несмотря на преданность и на дружбу: гений как раз напомнит своим обожателям, что они не в свои сани садятся» («Библиотека для чтения», 1847, т. 80, № 2, отд. VI, стр. 42—50).

V

«... Вы сами видите хорошо, что от Вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа с ее духом...»

Белинский имеет здесь в виду славянофильские круги, с которыми был близок Гоголь, и прежде всего семью Аксаковых. Как известно, и С. Т. Аксаков, и его сын, К. С. Аксаков, заняли резко враждебную позицию по отношению к новой книге Гоголя. Еще до ее выхода С. Т. Аксаков, не будучи близким с Плетневым, решил около 25 ноября 1846 г. обратиться к доверенному лицу Гоголя с такого рода письмом: «Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозно-направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством. Вы верно получили предупреждение к 4 или 5 изданию „Ревизора“, а также новую его завязку. Все это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно не похоже на прежнего Гоголя, великого художника. Я слышал, что Вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже Ваш литературный соведтрал, барон Брамбеус, торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм. Если Вы, хотя не вполне, разделяете мое мнение, то размыслите, ради бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадим его на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям». Это письмо Аксаков заключил следующим предложением: «Вам, мне и С. П. Шевыреву написать Гоголю с полною откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем» («Русская старина», 1887, № 1, стр. 249—250).

Предложение не было принято Плетневым. А отношение Шевырева к предстоящему выступлению Гоголя было совершенно иным, хотя Аксаков долго и упорно предполагал, что Шевырев является его единомышленником в данном вопросе.

Немедленно после получения книги в Москве, 16 января 1847 г., С. Т. Аксаков написал сыну Ивану Сергеевичу: «Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его. Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его книги <в этом сообщении Аксаков ошибся, как мы увидим далее,— Шевырев отнюдь не намеревался выступать в печати с осуждением книги Гоголя.— Я. Ч.>. Дело в том, что хвалители и ругатели Гоголя переменялись местами: все мистики, все ханжи, все примиряющиеся с подлою жизнью своею возгласами о христианском смирении <...> утпают в слезах и восхищении. Я думал, что вся Россия даст ему публичную оплеуху, и потому не для чего нам присоединить рук своих к этой пощечине; но теперь вижу, что хвалителей будет очень много, и Гоголь может утвердиться в своем сумасшествии. Книга его может быть вредна многим <...> Вся она проникнута лестью и страшной гордостью под личиной смирения. Он льстит женщине, ее красоте, ее прелестьям; он льстит Жуковскому, он льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас» («Русский архив», 1890, № 8, стр. 163).

Две недели спустя, 27 января, С. Т. Аксаков обратился с письмом непосредственно к самому Гоголю. Здесь он писал по поводу «Переписки»: «Если это была с вашей стороны шутка, то успех превзошел самые смелые ожидания: все одурчено! Противники и защитники представляют бесконечно-разнообразный ряд комических явлений <...> Но увы! нельзя мне обмануть себя: вы искренно подумали, что призвание в ваше состоит в возвещении людям высоких нравственных истин в форме рассуждений и поучений, которых образчик содержится в вашей книге <...> Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе беспрестанно и, думая служить небу и человечеству, оскорбляете и бога, и человека» (там же, стр. 164).

Итак, Белинский был совершенно прав, когда писал, что от книги Гоголя отступились даже люди «повидимому, одного духа с ее духом».

Представители же наиболее консервативного крыла славянофилов — С. П. Шевырев и М. П. Погодин, хотя и поддерживали Гоголя до выхода с свет «Переписки», после ее появления заняли уклончивую позицию. В тот момент, когда буквально все журналы откликнулись на выход книги, «Москвитянин» ничем не выразил своего к ней отношения.

Из воспоминаний С. Т. Аксакова известно, что и в кругах, близких к Шевыреву и Погодину, книга Гоголя возбудила «такое же сильное волнение, как и вообще во всей литературе и обществе». В письмах Шевырева к Гоголю, и особенно в ответных письмах Гоголя, встречаются следы этого волнения. Повидимому, даже Шевырев сперва не особенно одобрял появление книги, хотя в его письмах имеется немало высказываний, звучащих в тон и в лад Гоголю.

Слух о том, что Шевырев также настроен против книги Гоголя, дошел до Петербурга, и Вяземский по этому поводу писал Шевыреву: «Наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи <...> Сказывают, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда был того мнения, что вы, Хомяков и другие слишком преувеличивали достоинство Гоголя, придавая ему произвольное значение, которое было ему не в меру и, таким образом, производило вредное действие и на общее мнение, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы не правы, если не сочувствуете книге его» («Русский архив», 1884, т. VI, стр. 311).

Письмо это свидетельствует о том, насколько широк был диапазон «колебаний» Шевырева по отношению к книге Гоголя в течение одного года. Шевырев долго не смог высказать более или менее определенно свою точку зрения. Перед лицом очевидного провала Гоголя он не решался поддержать как раз те тенденции его последней книги, на которые сам же упорно наталкивал великого писателя. 22 марта 1847 г. он писал Гоголю: «Ты избалован был всею Россиею: поднося тебе славу, она питала в тебе

самолюбие <...> В книге твоей оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбие никогда так не бывает чудовищно, как в соединении с верою» («Отчет Имп. публичной библиотеки за 1893 год», СПб., 1896, стр. 46).

Это писал тот же человек, который неустанно натравливал Гоголя на разрыв с Белинским и «натуральной школой».

Шевырев решился выступить со статьей о «Переписке» почти через год после появления книги. В этой статье, напечатанной в первой книжке «Москвитянина» за 1848 г., Шевырев изображает следующим образом литературную обстановку, предшествовавшую появлению книги Гоголя, а также впечатление, произведенное ею непосредственно после выхода в свет: «Еще за два месяца, по крайней мере, до появления книги предшествовали ей слухи двоякого рода — благоприятные с той стороны, которая открывала в Гоголе новую сферу, до сих пор не примеченную, и враждебные от той стороны, которая должна была через эту книгу навсегда с ним расстаться».

В неуклюжей, подчеркнутой нами фразе Шевырева ярко отразились позиции двух лагерей, столкнувшихся в 1847 г. с необычайной силой. Злорадство Шевырева относительно тех, которые «через эту книгу» должны «навсегда расстаться» с Гоголем, было адресовано прежде всего Белинскому, «Современнику», представителям «натуральной школы». Именно Шевырев ожидал после появления книги Гоголя его открытия разрыва с наиболее передовым направлением в русской литературе, возглавлявшимся Белинским, и сближения писателя с идеологией «казенной народности», теоретиком и проводником которой являлся сам Шевырев.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский говорит по поводу приведенного выше выпада Шевырева: «К числу таких же его выходов принадлежит и беспрестанно повторяемая многими мысль, будто бы Гоголь отречением от своих прежних сочинений поставил нас в затруднительное положение, так что мы не знаем, что и делать. Больше году прошло после появления этой книги, мы уже несколько раз говорили о сочинениях Гоголя в том же духе, в каком говорили о них до появления его книги. Вообще мы всегда хвалили их ради их самих, а не ради их автора. Его прежние сочинения и теперь для нас то же, чем были и прежде; нам нет нужды до того, что теперь думает Гоголь о своих прежних сочинениях» (XI, 148).

Такова заключительная реплика Белинского, следовавшая в итоге многочисленных споров вокруг книги Гоголя.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на позиции ближайшего сотоварища Шевырева по редакции «Москвитянина» — М. П. Погодина. Как известно, личная обида, нанесенная Погодину Гоголем — как в «Переписке», так и в оскорбительной надписи на этой книге, — вызвала ссору. Самоустрашение Погодина от полемики в значительной степени объясняется личными мотивами.

Если еще в конце февраля 1847 г. Гоголь почти ничего не знал о толках, вызванных «Перепиской», о чем свидетельствует его письмо к Смирновой от 22 февраля, то 6 марта в письме к Жуковскому он даже мог в следующих словах подытожить все дошедшие до него отзывы о книге и свое отношение к ним: «Появление книги моей, — писал Гоголь, — разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся, точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напраказали больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем как верное зеркало, в которое мне следует глядеться, для того чтобы видеть все свое неряшество, и меньше грешить вперед <...> Как мне стыдно за себя <...> стыдно, что возомнил о себе, будто мое школьное воспитание уже кончилось, и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то Хлестаковское» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 398—399).

Гоголь был прав — осуждение было всеобщим, и отдельные голоса сторонников его книги из реакционного лагеря тонули в общем отрицательном отношении и не приносили автору ни облегчения, ни надежды.

VI

«...Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека...»

Выражение «из прекрасного далека», трижды использованное Белинским в письме к Гоголю, взято из «Мертвых душ»: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу» (гл. XI).

VII

«... Вы в этом прекрасном далеке живете совершенно чужды ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию...»

В течение многих лет болезнь заставляла Гоголя жить в Италии. Оторванность от России чрезвычайно тяжело сказывалась на его творчестве и душевном состоянии. Он терял связь с русской жизнью и пытался поддержать ее письменными сношениями. Однако переписка его охватывала сравнительно узкий круг корреспондентов. Наиболее постоянными из них были П. А. Плетнев и С. П. Шевырев — люди консервативных и реакционных взглядов, чрезвычайно плохо знавшие Россию. С ними же и подобными им людьми поддерживал Гоголь отношения и во время своих приездов в Россию. Великий писатель страшился последствий своего отрыва от русской действительности. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» (включенных им в качестве XVIII главы в «Переписку») он прямо говорит о невозможности продолжать «Мертвые души» из-за этой оторванности.

В Риме к тому узкому кружку, в «однообразии» которого, по удивительно точному определению Белинского, протекала духовная жизнь Гоголя, принадлежало несколько человек: А. О. Смирнова, художник А. А. Иванов и семья Виельгорских, в их числе А. М. Виельгорская, мистически настроенная поклонница Гоголя. Летом и осенью на водах в Австрии и на морских купаниях в Остенде Гоголь встречался с В. А. Жуковским.

Весь этот круг людей не только не отвлекал Гоголя от губельного для художника реакционного мистицизма, но, наоборот, ревностно поддерживал его на этом пути. Вредное влияние оказывал на Гоголя и А. П. Толстой, встречавшийся с ним в Париже и в Москве, когда Гоголь возвращался на родину. Обычно в эти приезды писатель жил у А. П. Толстого. Будущий обер-прокурор Синода настойчиво подталкивал Гоголя к аскетическому, суровому идеалу монашеского покаяния. Трагедия Гоголя в последние годы его жизни была вызвана мистиками и церковниками, тесным кругом обступившими великого писателя и истребившими в нем и волю к творчеству, и волю к жизни.

С удивительной проникновенностью Белинский увидел грозное предвестие этой гибели и указал на опасность уединения писателя в кругу мистически настроенных его почитателей.

VIII

«... странѣ, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками...»

Великий революционный демократ и просветитель Белинский неустанно боролся за развитие чувства человеческого достоинства в русском народе. За год до письма к Гоголю Белинский писал в рецензии на третью книжку «Сельского чтения» (1845 г.), изд. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблочкин: «Многие восстают против „Сельского чтения“ за простонародность его языка, а ленько-му ж и цгого, утверждая, что к такому языку в книге простой народ недоверчив, поддаваясь охотнее обаянию книжного языка. Признаемся откровенно, мы не считаем такого мнения

ложным <...> Одно, что мы можем не похвалить в „Сельском чтении“, — это употребление презрительно-уменьшительных собственных имен: Ванюха, Ванька, Сенька, Васька, Машка и т. п. „Сельское чтение“ должно способствовать истреблению, а не поддержанию отвратительного обычая называть себя не христианскими именами, а кличками, унижающими человеческое достоинство» (X, 30). Аналогичные строки встречаются и в недавно обнаруженной рецензии Белинского 1841 г. на «Тридцать лет или жизнь игрока» (см. публикацию Л. Ланского в настоящем томе, стр. 38).

IX

«... доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута трех-хвостую плетью...»

Сравнение русских помещиков с плантаторами, а крепостных с неграми встречается и в письме Белинского к В. П. Боткину от 7 июля 1847 г. («Письма», III, 244).

Строки о замене однохвостого кнута трех-хвостую плетью имеют в виду «Уголовное уложение» 1845 г. Иронический намек Белинского был связан, вероятно, с «мнением» Николая I, доведенным до сведения Государственного совета при рассмотрении последнего проекта этого уложения: «Его величество из предполагаемых мер признает удобнейшею заменить кнут увеличенным числом ударов плетью рукою палача на лобном месте с заклеянием, ссылкой в каторжную работу и выставлением преступника у поворного столба с действующими на ум зрителей обрядами, определение коих его императорское величество предоставляет Государственному совету» (А. Г. ТимOFFЕВ. История телесных наказаний в русском праве, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 153). В очерках «За рубежом» Салтыков-Щедрин вспоминал, по поводу курса уголовного права, читанного проф. Я. И. Баршевым в Александровском лицее весной 1844 г.: «... курс уголовщины не был еще закончен, как вдруг, перед самыми экзаменами, кнут отрешили и заменили треххвостую плетью с соответствующим углублением с точки зрения числа ударов» (Н. ЩЕДРИН. Полн. собр. соч., т. XIV, Л., 1936, стр. 107).

X

«... А выражение: „а х, ты не умытое рыло!“ Да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его...»

«А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым!»

Еще в рецензии на книгу Гоголя Белинский, приведя выписку из главы «Русский помещик», писал: «В другом письме автор советует помещику прежде всего не шутя, искренно показать своим крестьянам, что ему, помещику, деньги — нуль. „Негодяям же и пьяницам повели, чтобы они оказывали добрым мужикам такое же уважение, как бы старосте, приказчику, попу или даже самому тебе. Чтобы, когда еще они завидят издали примерного мужика и хозяина, летели бы шапки с головы у всех мужиков, и все бы ему давало дорогу, а который посмел бы оказать ему какое-нибудь неуважение или не послушаться умных слов его, того распеки тут же при всех; скажи ему: „Ах, ты, не вымытое рыло! Сам весь важил в сажу, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поплоки с же ему в ноги и попроси, чтобы навел тебя на разум; не наведет на разум — собакой пропадешь“» (X, 445). (Разрядка всюду Белинского).

Белинский, приведя эту выписку, ее не комментирует. Объясняется это, повидимому, тем, что статья при опубликовании ее в журнале подверглась жестокому цензурному урезанию. Белинский, сообщая о цензурной расправе Боткину, писал ему: «Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть, а в статье обдуманной пометка слова — важное дело» («Письма», III, 185).

Цензурные придирки вынудили Белинского во многих случаях ограничиться только приведением выписок из книги, предоставляя читателю самому их оценить.

Точно так же поступил он и в данном случае. Сделав приведенную выше выписку, Белинский продолжает: «Хорош и этот совет: „Мужика не бей: с ъ в з д и т ь е г о в р о ж у еще не большое искусство: это сумеет сделать и становой, и заседатель, и даже староста, мужик к этому уже привык, и только что почешет слегка у себя в ватылке“. Затем автор учит помещика ругаться с мужиками <...> Что это такое? Где мы? Уж не перенесли ли мы в давно прошедшие времена?..» (X, 446).

Заключительные слова этого отрывка являются единственным комментарием Белинского к приведенным выпискам, который ему удалось провести через цензуру.

В таком же положении оказался Белинский, рассматривая другую главу книги Гоголя: «Сельский суд и расправа»: «В других двух письмах, — пишет Белинский, — содержатся преудивительные советы помещику, как управлять своими крестьянами. В одном из них замечательнее всего совет касательно сельского суда и расправы. Так как, по мнению автора, в спорах, жалобах, неудовольствиях и тяжбах всегда бывают не правы обе стороны, то он и решает, что дело судьи — наказать обе <...> Эта мысль <говорит он>, как непреложное верование, разнеслась повсюду в нашем народе. Вооруженный ею, даже простой и неумный человек получает в народе власть и прекращает ссоры. Мы только, л ю д и в ы с ш и е, не слышим ее, потому что набрались пустых рыцарски-европейских понятий о правде. Мы только спорим из-за того, кто прав, кто виноват; а если разобрать каждое из дел наших, придешь к тому же знаменательному: т. е. оба виноваты. И видишь, что в е с ь м а в д р а в о поступила комендантша в повести Пушкина „Капитанская дочка“, которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабою, подравшихся в бане за деревняную шайку, снабдила его такою инструкцією: разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи» (X, 445).

Отвечая Гоголю из Зальцбрунна, Белинский припомнил эти и некоторые другие изуродованные цензурой места из своей статьи и объяснил Гоголю, что он х о т е л сказать, когда говорил об этих поворных главах его книги.

Быть может, одним из самых важных мест в статье Белинского были строки, в которых он отвечал на выпады Гоголя против распространения «излишней» грамотности в народе. Вот что писал Белинский: «Но это еще не все. Вот лучшее: „Замечания твои о школах совершенно справедливы. Учить мужика грамоте за тем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени. После стольких работ никакая книжонка не полезет в голову — и пришедши домой, он заснет как убитый, богатырским сном“ <...> не понимаем с чего взял автор, будто народ бежит, как от чорта, от всякой письменной бумаги? Бумаг юридических не любит не один наш народ, особенно, если грамоте не знает; но грамоты наш народ не боится, напротив, любит ее и бежит к ней, а не от нее. Пусть попросит автор своих друзей, чтобы они переслали ему отчет за 1846 год г. министра государственных имуществ, напечатанный во всех официальных русских газетах: из него увидит он, как быстро распространяется в России грамотность между простым народом <...> А если бы захотел он пожить в той России, которую так расхваливает, живя в разных немецких землях, и поприглядеться к нашему простому народу, о котором он судит так решительно, не зная его, — он убедился бы, что эти быстрые успехи в деле распространения грамотности в простом народе основаны именно на глубокой потребности, какую чувствует народ в грамотности, и на сильном стремлении, какое он оказывает к учению <...> Автор увидел бы, как часто бородатые русские мужички ничего не жалеют для обучения детей своих грамоте и достигают иногда этой цели при всевозможной бедности в средствах. Да, эта любовь к свету, выразившаяся в послышце „у ч е н ь е — с в е т, н е у ч е н ь е — т ь м а“, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа, — и это-то свойство до сих пор не признано в нем его близорукими восхвалителями и льстецами, которые взамен того навывдумывали для него множество похвальных качеств или не бывалых в нем, или составляющих еще его темную сторону» (X, 446).

Белинский заключает рассмотрение глав книги, посвященной отношениям помещиков с крестьянами, следующими словами:

«Замечательна следующая черта: в начале письма автор советует помещику показывать крестьянам, искренно, без шуток, что деньги ему ни почем, т. е. вовсе не нужны; а в конце письма говорит: „Разбогатеешь ты, как Крез, в противность тем подслеповатым людям, которые думают, будто выгоды помещику идут врознь с выгодами мужиков“» (там же).

Приведенными выписками и краткими репликами Белинского ограничивается все, что удалось ему провести через цензуру в той части статьи, которая непосредственно трактовала о крепостных порядках в России.

Собственно все вопросы, которых касался Белинский на этих страницах своей статьи, были развернуты им в письме к Гоголю. Нестесненный цензурой, дав волю «своему бешенству и негодованию», он показал Гоголю, куда ведут его «преудивительные» советы.

XI

«...По-Вашему русский народ— самый религиозный в мире: ложь! <...> Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ...»

Проблемы политического и социального освобождения крестьянства, волновавшие Белинского, были теснейшим образом связаны с вопросом о борьбе с церковью, поддерживавшей и политическое, и духовное рабство народа. Разбить легенду о «глубокой религиозности» русского крестьянства, проложить дорогу к свежему, здоровому чутью, к инстинкту истины,— которые Белинский провидел в русской народной массе,— становилось для великого критика настоятельной необходимостью. В борьбе с цензурой, не допускавшей выражения малейшего сомнения в глубине и основательности религиозности народа, в опровержении литературы, также не раз рисовавшей русский народ, если не религиозным, то богомольным, в уничтожающей критике выступлений представителей «казенной народности» и многих славянофилов Белинский видел одну из важнейших задач.

Развитие материалистических и освободительных идей в мировоззрении Белинского, как и самая его деятельность, привели его к последовательной критике религии.

Идеи западноевропейского утопического социализма, начиная с «Нового христианства» Сен-Симона (1825 г.), выступали в религиозной оболочке и противопоставляли евангельское христианство как «учение свободы, равенства и братства» учению церкви как иерархической организации, «врагу и гонительнице братства между людьми».

Эта характерная черта, присущая сектантскому социализму учеников Сен-Симона, провозглашаемая и в «Новом Евангелии» Ламенне, развивалась также и в позднейших социалистических учениях начала 1840-х годов. Она была присуща также и учению Пьера Леру, которое было хорошо знакомо Белинскому.

Белинский, как и Герцен, видел в Леру последовательного критика буржуазии, и интерес к его учению был тесно связан с усиленным чтением литературы, посвященной истории французской революции 1789 г. (см. также настоящий том, стр. 303).

Но к середине 1840-х годов Белинского уже не могла удовлетворить та критика религии, которая содержалась в учении Леру. В самом начале 1845 г. Белинский ознакомился со статьей молодого Маркса «К критике Гегелевской философии права», напечатанной в «Deutsch-Französische Jahrbücher» за 1844 г. И первая же фраза статьи Маркса: «Для Германии критика религии,— по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критике»,— вводила в самое существо проблемы, имевшей для мировоззрения Белинского того периода серьезнейшее значение. Когда Кетчер сообщил Герцену 26 января 1845 г., что «Ежегодник» произвел громадное впечатление на Белинского и последний от этого впечатления «воскрес и переродился», то Герцен, глубоко заинтересованный, запросил об этом самого Белинского. Белинский в ответ писал Герцену 26 января 1845 г. следующее: «Кетчер писал тебе

о Парижском Ярбухере и что будто я от него воскрес и переродился. Вадор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» («Письма», III, 87). Ответ Белинского свидетельствует о том, что в статье Маркса его интересовал прежде всего вопрос о критике религии. Этому в точности соответствуют также и отметки Белинского на экземпляре «Deutsch-Französische Jahrbücher», сохранившемся в его библиотеке. Статья Маркса отмечена знаком «NB», и первые семь абзацев отчеркнуты вертикальной чертой (см. Л. Л а н с к и й. Библиотека Белинского. — «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 568—571).

Маркс подчеркивает, что борьба против религии «есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия». Здесь содержится также знаменитая формула Маркса: «Религия —, опиум народа» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. I, М., — Л., 1929, стр. 399).

Анализируя отношения критики религии и политической критики, Маркс говорит: «Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья». «Критика неба, — пишет Маркс в последнем из отмеченных Белинским абзацев, — обращается таким образом в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики» (там же, стр. 399—400. Разрядка везде Маркса).

В литературе уже была отмечена связь между высказыванием Белинского по поводу статьи Маркса с резкой критикой религии и церкви в письме к Гоголю (А. М. П у т и н ц е в. Библиотека В. Г. Белинского. — «Лит. наследство», т. 19—21, 1935, стр. 608—609). Именно в этом документе Белинский на практике превращал «критику неба в критику земли», критику религии — в критику крепостного права и критику теологических изысканий Гоголя в критику его реакционной политической проповеди.

XII

«...Неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству...»

Белинский знал русское духовенство с детства. Его дед был священником в с. Бельни. Таким образом, сама жизнь Белинского содействовала тому, что в его сознании рано сложился отчетливый образ русского духовенства. Великий критик смотрел на «русского попа» глазами народа. Ему были хорошо известны и народные поговорки, в которых фигурируют попы, и бесчисленные антипоповские сказки. Об этом ярко свидетельствуют и приведенные в тексте письма Белинского к Гоголю антипоповские пословицы и поговорки. Признаваясь в письме к Боткину в феврале 1840 г. в том, что «родная действительность ужасна», Белинский не видит спасения и в бегстве из Петербурга в деревню, где «найдет тебя предводитель, исправник, земский суд, русский поп, окончивший курс богословия» («Письма», II, 56). Гневно-иронические сентенции о «нашей святой православной церкви» см. и в письмах к Боткину от 28 июня 1841 г. и к Кетчеру от 3 августа 1841 г. («Письма», II, 248, 256—257).

Герцен в «Былом и думах» вспоминает эпизод, когда Белинский, услышав в одном доме, что хозяйка его едят постное «для людей», разразился следующей гневной тирадой: «Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты; всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами!» (гл. XXV. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XIII, Пг., 1919, стр. 25).

Указывая, что «наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа», Белинский разоблачал реакционную идеализацию поповщины и монархическую апологию православной церкви, как оплота против всякого рода революционных переворотов, с которыми выступил Гоголь в двух письмах к гр. А. П. Толстому, составивших VIII и IX гл. «Переписки» («Несколько слов о нашей церкви и духовенстве» и «О том же»).

XIII

«... Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия...»

В главе «О лиризме наших поэтов», представляющей собой письмо к В. А. Жуковскому (гл. X), Гоголь говорит о том, что «два предмета» вызывают в русской поэзии «высшее состояние лиризма», «близкое к библейскому».

«Первый из них — Р о с с и я, — пишет он, — при одном этом имени как-то вдруг просветляется взгляд у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозор, все становится у него шире, и он сам как бы облачается величием, становясь превыше обыкновенного человека». Но эти слова служат только краткой интродукцией к остальной части статьи, целиком посвященной «другому предмету, где также слышится у наших поэтов тот высокий лиризм, о котором идет речь, то есть, л ю б в и к ц а р ю» (Разрядка Гоголя. — Я. Ч.).

Подобные же высказывания Гоголя рассеяны и в других местах «Переписки». По поводу этого «гимна самодержавию» Герцен писал в 1851 г. в «Развитии революционных идей в России»:

«Автор статьи „Москвитянина“ <Герцен имеет здесь в виду Ю. Ф. Самарина и его статью «О литературных и исторических мнениях „Современника“> говорит, что Гоголь „спустился, как горнорабочий, в этот глухой мир, где не слышится ни громовых ударов, ни сотрясений, неподвижный и ровный, в бездонное болото, медленно, но безвозвратно затягивающее все, что есть свежего (это говорит славянофил); он спустился, как горнорабочий, нашедший под землею жилу, еще не початую“. Да, Гоголь почувал эту силу, эту не тронутую руду под необработанной землей. Может, он ее и почал бы, но, к несчастью, раньше времени подумал, что достиг дна, и вместо того, чтобы продолжать расчистку, стал искать золото. Что же из этого вышло? Он начал защищать то, что прежде разрушал, оправдывать крепостное право, и кончил тем, что бросился к ногам представителя „благоволения и любви“.

Пусть славянофилы подумают о падении Гоголя. Они найдут в нем, может, больше логики, чем слабости. От православного смиренномудрия, от самоотречения, относящего свою индивидуальность в индивидуальность государя, до обожания самодержца один только шаг» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке. Т. VII, Пг., 1917, стр. 394).

Белинский в своем «Ответе „Москвитянину“» рассмотрел эту апологию гоголевского мистицизма, приведшего писателя к преклонению перед самодержавием, и процитировал текст Самарина даже более полно, чем это сделал Герцен. Но, стесненный цензурными условиями, Белинский не смог раскрыть действительное содержание рассуждений Самарина, а только вышутил противоречивый характер «великолепного набора громких слов и таинственных фраз». Смысл же его высказываний совпадает с герценовским (XI, 31—32).

XIV

«... Подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; за то они развили общее им с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностью <...> тогда как Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия...»

Публицист и критик реакционно-клерикального лагеря С. А. Бурачек (1800—1876) с начала 1840 г. выступил, вместе с П. А. Корсаковым, в качестве соредатора журнала «Маяк». С 1842 г. он явился уже единоличным издателем и редактором «Маяка». Журнал «Бурачка с братией» вел мракобесную проповедь против всей «светской литературы». Еще в 1843 г. Белинский выступил в статье «Литературные и журнальные заметки» («Отеч. записки», 1843, № 3) против «Маяка», подвергнув уничто-

жающей и язвительной критике «гадиматью» бездарного публициста. Особенно настороженное внимание Белинского привлекло намерение «Маяка» выступить по поводу произведений Пушкина. Обещанные Бурачком три статьи А. М. Мартынова (1787—1858) о Пушкине действительно появились (в них он обвинял великого поэта в безнравственности и называл героев его произведений уголовными преступниками. — «Маяк», т. VII, 1843, стр. 22—26; т. IX, стр. 1—32 и 127—158). К серии этих статей Бурачек присоединил и свою, четвертую.

После выхода этих номеров «Маяка», публикуя в «Отечественных записках» свою пятую статью «Сочинения Александра Пушкина», Белинский, не называя Мартынова и Бурачка по именам, писал: «Да; не во гнев будь сказано нашим литературным Староверам, нашим сухим моралистам, нашим черствым антиэстетическим резонерам, — никто, решительно никто из русских поэтов не стяжал себе такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых (если в них было и еще не умерло зерно эстетического и человеческого чувства) читателей, как Пушкин, потому что мы не знаем на Руси более н р а в с т в е н н о г о при великости таланта поэта, как Пушкин» (XI, 398).

Гоголь в «Переписке» выступил в защиту Пушкина от Бурачка и его компании. В главе «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» (гл. XIV) он выступил против диких нападков мракобесных публицистов на литературу, и в особенности на Пушкина. Гоголь говорил здесь о громадном «нравственном благотворном влиянии» театра, видя в нем «подготовительную ступень» к «высшей истине», а относительно Пушкина заявлял: «Я не могу даже понять, как могло притти в ум критику случатся, в виду всех вводить на Пушкина <...> обвинение <...> что сочинения его лежат в развращении света...»

Именно об этой защите Пушкина, театра, литературы и говорит Белинский в своем письме к Гоголю как о выражении его непоследовательности.

Эта непоследовательность была замечена и в лагере Бурачка. Еще за три месяца до получения письма Белинского Гоголь получил письмо от своего духовника — отца Матвея, религиозного фанатика и мракобеса. Письмо это не сохранилось, но по ответу Гоголя можно ясно представить себе содержание упреков, которые Гоголь должен был выслушать от своего наставника.

Отвечая на это письмо, Гоголь писал (9 мая 1847 г.): «Статью о театре я писал не с тем, чтобы приохотить общество к театру, а с тем, чтоб отвадить его от развратной стороны театра <...> Я хотел отвадить от этого указанием на лучшие пьесы и выразил все это таким нелепым и неточным образом, что подал повод Вам думать, что я посылаю людей в театр, а не в церковь. Храни меня бог от такой мысли!»

В заключительной части письма Гоголь прямо говорит о своем отношении к статьям Бурачка и Мартынова:

«Письмо о театре я писал, имея в виду публику, пристрастившуюся к балетам и операм, пожирающим ныне страшную сумму денег, и в то же самое время имел в виду издателя журнала „Маяк“ С. А. Бурачка, который, судя по статьям его, должен быть истинно почтенный и верующий человек, но который, однако, слишком горячо и без разбора напал на всех наших писателей, утверждая, что они безбожники и деисты потому только, что те не брали в предмет христианских сюжетов. Я вовсе не хотел оскорбить издателя „Маяка“: я хотел только напомнить ему самому как христианину о смирении, но выразился так, что словами моими он действительно мог быть обижен. Из некоторых слов Вашего письма мне показалось, что Вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня, попросите за меня и Вы также» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 463—464).

Не остается, следовательно, сомнений, что Белинский имел достаточные основания сблизить выступления Гоголя-публициста, вставшего на путь защиты реакции, мистицизма, самодержавия и крепостного права, с «направлением» «Бурачка с братией».

Признав верховным критерием духовной жизни аскетическое, мистическое христианство, Гоголь должен был, если желал быть последовательным, отречься от искусства, перестать «защищать Пушкина», театр, литературу и вступить на мракобесную дорогу, слив свою проповедь с проповедью Бурачка.

После возвращения из-за границы Белинский повторил параллель Гоголь — Бурачек в споре со славянофилами.

В статье «Ответ „Москвитину“», полемизируя с Ю. Ф. Самариным (выступившим против Белинского во 2-й кн. «Москвитянина» 1847 г.), Белинский писал, как бы развивая комментируемое место из письма к Гоголю: «Многие славянофилы не любят вспоминать о „Маяке“, как будто чуждаются его, никогда не высказывают своего мнения ни за, ни против него; подумашь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что „Маяк“ был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до последних своих результатов. Он не признавал ни тени истины во всем, что хоть сколько-нибудь противоречило его основному убеждению» (XI, 5).

XV

«... Еще прежде <...> в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк...»

Белинский имеет в виду письмо Гоголя к С. С. Уварову от 2 мая 1845 г., выражавшее благодарность за выхлопотанную ему денежную помощь от правительства (по 1000 р. сер. ежегодно в течение 3 лет). Гоголь действительно писал Уварову о своем недовольстве «прежними сочинениями» и о неправильном истолковании их публикой и критикой.

«Все доселе мною писанное, — заявлял здесь Гоголь, — не стоит большого внимания: хоть в основании его легла и добрая мысль, но выражено все так незрело, дурно, ничтожно и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлечения <!> из них скорее не в пользу душевную, чем в пользу...» И далее: «В тишине только я готовил труд <«Выбранные места из переписки с друзьями»>, который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних мараши, за который и вы сказали бы, может быть, спасибо, если бы он исполнился добросовестно, ибо предмет его не был бы чужд и ваших собственных помышлений» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 53).

Письмо Гоголя было широко известно в литературных кругах. Уваров не делал из него секрета. А. В. Никитенко записал в дневнике 8 мая 1845 г.: «Уваров хотел показать мне письмо к нему Гоголя, да не отыскал его в бумагах. Он передал мне его содержание на словах, ручаясь за достоверность их. Гоголь благодарит за получение от государя денежного пособия и, между прочим, говорит: „Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я написал достойного этой милости. Все, написанное мною до сих пор, и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, как мне заглядеть перед государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен“».

Сделав эту запись, Никитенко добавляет: «Печальное сомоуничужение со стороны Гоголя! Ведь это человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных яв и, действительно, разоблачающий их, не только метко и верно, но и с тактом, с талантом гениального художника. Жаль, жаль! Это с руки и Уварову, и кое-кому другому».

Двумя днями позже, 10 мая, Никитенко записал: «Заходил в канцелярию к Комовскому, чтобы, по желанию министра, прочесть письмо Гоголя. Сущность его почти та же, что передавал мне Уваров» (А. В. Н и к и т е н к о. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. — «Записки и дневник», т. I, СПб., 1904, стр. 361).

Никитенко, как и Белинский, обратил внимание в рассказе Уварова и в тексте самого письма Гоголя не только на отречение писателя от своих прежних произведений, но и на его обещание попытаться «угодить» следующими. Белинский писал Гоголю: «в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем

обнаруживаете ледовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто...

Необходимо отметить, что в письме Гоголя к Уварову не встречается этот витиеватый и низкопоклонный оборот речи, который приводит Белинский в подчеркнутых нами словах. Подобное выражение находится в другом письме Гоголя, а именно в его проекте всеподданнейшего письма, которое он подготовил в начале 1847 г. и переслал в Петербург П. А. Плетневу. Гоголь писал здесь царю: «Рассудить меня в этом деле <т. е. в тяжбе с цензурой относительно изъятия из «Переписки» нескольких глав.— Я. Ч.> может один тот, кто, обнимая не одну какую-нибудь часть правления, но все вместе, имеет чрез то взгляд полнее и многостороннее обыкновенных людей» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 316).

Из этой цитаты явствует, что Белинскому был известен также и проект письма Гоголя к Николаю I.

XVI

«... книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою...»

Книга Гоголя, несмотря на журнальный шум, не получила широкого распространения и успеха у читателей не имела. Еще на первых порах после появления казалось, что «Выбранные места» привлекут множество читателей. Не исключена была возможность и искусственного распространения книги. «Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли,— пишет здесь же Белинский и прибавляет,— но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут».

Ничто не могло помочь распространению книги. Гоголь печатно призывал состоятельных читателей покупать ее и дарить тем, кто был не в состоянии ее приобрести.

«Переписка» была напечатана в количестве 2400 экз. (два завода по 1200 экз.). Гоголь полагал, что второе ее издание понадобится очень скоро, основываясь на сообщениях Шевырева и других. В. И. Шенрок, со слов П. Кулиша, указывает, что фактически «книга шла туго».

Белинский сообщал В. П. Боткину 15 марта 1847 г.: «Книга Гоголя, как будто, пропала,— и я немного горжусь тем, что верно предсказал (не печатно, а на словах) ее судьбу. Русского человека не надуешь такими проделками, а если и надуешь, так на минуту. Если еще не вовсе забыто существование этой книги, так это потому, что от времени до времени напоминают о ней журнальные статьи» («Письма», III, 197—198).

Подводя год спустя итоги спорам вокруг «Переписки», Белинский в предсмертной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: «В прошлом году внимание критики было преимущественно занято П е р е п и с к о ю Г о г о л я с д р у з ь я м и. Можно сказать, что память об этой книге и теперь поддерживается только статьями о ней» (XI, 149).

XVII

«... в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей или потерявшие его...»

Белинский имеет здесь в виду самого Гоголя, который в предисловии к «Выбранным местам» осведомлял читателей: «Приготовляясь к отдаленному путешествию к Святым местам, необходимому душе моей, во время которого может все случиться, я захотел оставить при расставании что-нибудь от себя моим соотечественникам».

XVIII

«... И что за язык, что за фразы! „Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек!“ Неужели Вы думаете, что сказать всяк вместо всякий, значит выражаться библейски?..»

Приведенное Белинским выражение находится в XXIV гл. книги («Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России») — «Все у нас теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек».

Хотя это письмо было по своему тону «бытовым» и здесь автор не имел претензии «выражаться библейски», Белинский очень тонко уловил фальшивую ноту в стиле книги. Гоголь неоднократно употребляет в «Переписке» слово *всяк* вместо *всякий* и именно с целью придать речи характер библейского пафоса и поучения. См., например: «А сделала ли ваша церковь вас лучшими? Исполняет ли *всяк* у вас, как следует, свой долг?» (в письме к А. П. Толстому, гл. VIII).

XIX

«... Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос...»

Белинский имеет в виду статью П. А. Вяземского «Языков и Гоголь», напечатанную в «С.-Петербургских ведомостях» (24 и 25 апреля 1847 г., № 90—91; вошла в Полн. собр. соч. Вяземского, т. II, СПб., 1879, стр. 304—334).

Статья Вяземского была направлена прямо против Белинского и натуральной школы. В ней он нападал на «непризванных и непризнанных журнальных поклонников» Гоголя.

Говоря о «вредном» направлении литературы, Вяземский заключал это рассуждение недвусмысленным указанием на то, что Белинский и возглавляемая им школа подрывают основы самодержавия.

Основная тенденция статьи Вяземского была: противопоставить Гоголя натуральной школе и Белинскому, прямо указать правительству на революционный характер проповеди критика и возложить ответственность за «пагубное направление» на «ликторов и глашатаев» Гоголя.

Вяземский всегда принадлежал к числу наиболее ожесточенных противников Белинского. В январе 1857 г., когда, после появления «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, в печати вновь засверкало имя Белинского, Вяземский писал Шевыреву: «Подайте свой голос против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне акафисты и панихиды, даже и „Русская беседа“ называет его *столь сильными деятелем в нашей литературе*. Да разве баррикадки и кики, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах» («Русский архив», 1885, № 6, стр. 317—318).

Белинский был прав, обвиняя Вяземского в том, что он написал на почитателей Гоголя «чистый донос».

При этом Белинский язвительно прибавлял: «он <Вяземский> это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его „*в я л ы й, в л а ч а щ и й с я п о з е м л е, с т и х*“».

Цитируемое (не совсем точно) Белинским высказывание Гоголя о Вяземском содержится в XXXI гл. «Переписки»: «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность?» В конце этой статьи, говоря о том, что ни в какой другой литературе, кроме русской, поэты не показали «такое бесконечное разнообразие оттенков звука», Гоголь пишет: «У каждого свой стих и свой особенный звон <...> Этот тяже-

лый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящею русскою грустью».

Следует отметить, что сам Гоголь не был согласен с важнейшей стороной статьи Вяземского: с нападками на Белинского. Гоголь писал Вяземскому 11 июня 1847 г.: «Ваша статья в „Санкт-петербургских Ведомостях“ о Языкове и обо мне <...> меня очень тронула тем чувством соучастия, которое принадлежит только одной нежной и любящей душе. Одно только меня остановило: мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападениях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли» («Письма Н. В. Гоголя», т. III, стр. 481—482) <Разрядка наша.— Я. Ч.>.

XX

«...N <Некрасов> переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн...»

22 июня 1847 г. Н. Н. Тютчев сообщал Белинскому: «Прилагаемое письмо Гоголя принес мне вчера Прокопович» («В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 278). Несомненно, [что Тютчев говорит здесь именно о письме Гоголя, вызвавшем знаменитый ответ Белинского. Чье имя скрыл Белинский под буквой N, в точности неизвестно; [возможно, что это было имя Н. Н. Тютчева. Однако ни в одном из списков письма имя Тютчева не фигурирует, а имя Некрасова раскрывается в наиболее авторитетных списках.

XXI

«... Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас; тут дело идет об истине, о русском обществе, о России...»

Заключительные строки Белинского вновь возвращают нас к главной теме всего документа — теме России, теме правдивой критики и грядущего уничтожения в ней самодержавно-крепостнического строя. Глубокой верой в неодолимые силы русского народа, который, как страстно надеялся Белинский, способен выйти сам и вывести все русское общество на широкий путь революционного развития, проникнуто все письмо Белинского и заключающее его обращение к Гоголю. Критик призывает Гоголя перед лицом России «отречься от последней книги» и «тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями».

Вера в русский народ, глубокая, непримиримая ненависть ко всякой лжи и полуправде, любовь к России, уверенность в великом будущем своей родины — таково главное содержание гениального ответа Белинского на реакционную книгу Гоголя.